

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

**СИБИРСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**SIBERIAN JOURNAL
OF PSYCHOLOGY**

№ 53

**Томск
2014**

УЧРЕДИТЕЛЬ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г.В. Залевский, главный редактор
(Томск, Россия)

А.Г. Асмолов, (Москва, Россия);
А.Д. Карнышев (Иркутск, Россия)
А.Ш. Тхостов, (Москва, Россия)
В.В. Знаков, (Москва, Россия)
В.И. Клочко, (Томск, Россия)
Г. Кунце (Кассель, Германия)
Г.Такушян (Нью-Йорк, США)
Д.В. Ушаков (Москва, Россия)
И.Е. Гарбер (Саратов, Россия)
К. Ломбардо (Рим, Италия)
Л.Д. Демина (Барнаул, Россия)
Л.И. Вассерман (Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Бохан (Томск, Россия)
П. Курт (Гамбург, Германия)
П. Шюлер (Марбург, Германия)
Ф. Лучиди (Рим, Италия)
Ю.П. Зинченко (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

G.V. Zalevskii, editor-in-chief
(Tomsk, Russia)

A.G. Asmolov, (Moscow, Russia);
A.D. Karnyshev (Irkutsk, Russia)
A.Sh. Tkhostov, (Moscow, Russia)
V.V. Znakov, (Moscow, Russia)
V.I. Klochko, (Tomsk, Russia)
G. Kuntze (Kassel, Germany)
H. Takooshian (New York, USA)
D.V. Ushakov (Moscow, Russia)
I.E. Garber (Saratov, Russia)
C. Lombardo (Rome, Italy)
L.D. Demina (Barnaul, Russia)
L.I. Vasserman (St. Petersburg, Russia)
N.A. Bokhan (Tomsk, Russia)
P. Kurt (Gamburg, Germany)
P. Schüler (Marburg, Germany)
F. Lucidi (Rome, Italy)
Iu.P. Zinchenko (Moscow, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Серый (Кемерово, Россия)
В.Г. Залевский (Барнаул, Россия)
В.И. Кабрин (Томск, Россия)
Н.В. Козлова (Томск, Россия)
О.В. Лукьянов (Томск, Россия)
О.И. Муравьева (Томск, Россия)
О.М. Краснорядцева (Томск, Россия)
С.А. Богомаз (Томск, Россия)
Т.Г. Бохан (Томск, Россия)
Т.Е. Левицкая (Томск, Россия)
Ф. Лаги (Рим, Италия)
Э.В. Галажинский (Томск, Россия)
Э.И. Мещерякова (Томск, Россия)

EDITORIAL STAFF

A.V. Seryi (Kemerovo, Russia)
V.G. Zalevskii (Barnaul, Russia)
V.I. Kabrin (Tomsk, Russia)
N.V. Kozlova (Tomsk, Russia)
O.V. Luk'ianov (Tomsk, Russia)
O.I. Murav'eva (Tomsk, Russia)
O.M. Krasnoriadtseva (Tomsk, Russia)
S.A. Bogomaz (Tomsk, Russia)
T.G. Bokhan (Tomsk, Russia)
T.E. Levitskaia (Tomsk, Russia)
F. Laghi (Rome, Italy)
E.V. Galazhinskii (Tomsk, Russia)
E.I. Meshcheriakova (Tomsk, Russia)

Ответственный за выпуск – О.В. Лукьянов

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
Сайт: <http://journals.tsu.ru/psychology>
E-mail: sibjornpsy@gmail.com

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 53

2014 г.

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ
№ 77-12789 от 31 мая 2002 г. Международным Центром ISSN (Париж)
от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Обращение к читателям 5

Address to readers 5

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

GENERAL PSYCHOLOGY
AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

Клочко В.Е. Смысловая обусловленность
креативного акта: Системно-
антропологический контекст 6
Суслова Т.Ф., Жучкова М.В., Исследование
удовлетворенности жизнью
и смысло-жизненных ориентаций в пожилом
и старческом возрасте 21
Мартынова М.А., Богомаз С.А.
Взаимосвязь личностного потенциала
вузовской молодежи с особенностями
восприятия ею среды своего
самоосуществления 33
Кузьмина Е.И. Единство эмоционального
и интеллектуального – дополнительная
мотивация свободы творчества
(часть II) 53
Федоров И.В. Предположения
о респонзивной природе эмпатии 64

Klochko V.E. Meaning conditioning
of creative act: system-anthropological
context 6
Suslova T.F., Zhuchkova S.M. The study
of life satisfaction and life-purpose
orientations at elderly
and senile age 21
Martynova M.A. Bogomaz S.A. Correlation
between high school students' personal potential
and specifics of their perception
of environment of their
self-realization 33
Kuzmina E.I. The unity of emotional
and intellectual - extra motivation
freedom of creativity
(part II) 53
Fedorov I.V. On the Responsive Nature
of Empathy 64

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

*Ваулина Т.А., Краснорядцева О.М.,
Щеглова Э.А.* Выбор стратегий решения
математических задач студентами разных
направлений подготовки 73
Дагбаева С.Б. К вопросу
психолого-педагогического обеспечения
успешной этнической социализации
подростков 87

*Vaulina T.A., Krasnoryadtseva O.M.,
Shcheglova E.A.* The choice of the strategies
of mathematical problem solving by students
who major in different subject areas 73
Dagbaeva S. B. The question
of psycho-pedagogical ensuring
of successful ethnic socialization
of teenagers 87

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

CLINICAL PSYCHOLOGY
AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

*Желонкина Т.А., Ениколопов С.Н.,
Волель Б.А.* Особенности внутренней
телесности при небредовой ипохондрии 106
*Языков К.Г., Немеров, Е.В., Корнетов А.Н.,
Караваяева Е.В., Прыдухина Н.И.,
Иванова А.А., Лукашева В.В.,
Новикова А.С.* Темпоральное фазовое
пространство жизненных событий больных
психогенной астмой 122

*Zhelonkina T.A., Enikolopov S.N.,
Volel' B.A.* Body perception
in non-delusional hypochondriasis 106
*Yazykov K.G., Nemerov E.V., Kornetov A.N.,
Karavaeva E.V., Pryaduhina N.I.,
Ivanova A.A., Lukashova V.V., Novikova A.S.*
The temporal phasic space of life events
of patients with psychogenic
asthma 122

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Летуновский В.В., Лукьянов О.В.</i> Фундаментальная ошибка дискуссий о толерантности	132
<i>Муконина М.В.</i> Организационно- экономические регуляторы профессионально ответственного отношения: методология и результаты исследования	148

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Letunovsky V.V., Lukyanov O.V.</i> Fundamental error of tolerance discussions	132
Mukonina M.V. The organizational and economic regulators of the professionally responsible attitude: the methodology and the results of the study	148

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели, дорогие коллеги и друзья, здравствуйте!

Настоящий – 53-й – номер нашего журнала выходит в самом начале учебного года в России и во многих других странах. К сожалению, немало мест на планете, где дети не смогут по разным причинам пойти в школу. Одной из причин является война. Сегодня она полыхает в Ираке, Сирии и на Юге-Востоке Украины. Лейтмотив моего обращения к Вам, уважаемый читатель, – это продолжение мыслей, высказанных мной в предыдущем номере «Сибирского психологического журнала». К сожалению, кровопролитие, убийства в больших масштабах продолжаются, гибнут дети, сотни тысяч людей теряют родные жилища, целые города превращаются в руины. Так и напрашивается вопрос: «Quo vadis anthropos?» («Куда идешь, человек?»). На мой взгляд, в основе большинства сегодняшних конфликтов лежат дефицит толерантности и фанатизм (религиозный, национальный, великодержавный и т.д.), духовно разрушающие личность и человеческие сообщества – межнациональные, межгосударственные отношения. Это явление требует повышенного внимания и со стороны психологической науки. Следует значительно больше внимания уделять проблемам духовного здоровья, этого требует время.

Пожалуйста, считайте, уважаемые читатели, что я приглашаю Вас к обсуждению на страницах «Сибирского психологического журнала» затронутых мной проблем.

В заключение хочу пожелать всем участникам образовательного процесса успехов и всем нам – мирного неба над головой!

Будьте здоровы!

Главный редактор

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.955

СМЫСЛОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРЕАТИВНОГО АКТА: СИСТЕМНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В.Е. Клочко

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-06-00712 «Кросскультурное исследование уровня развития математической креативности у студентов вузов разных категорий и профилей подготовки»

Аннотация. Рассматриваются возможности применения трансспективного анализа проблемы инициации креативного акта на предмете математической креативности как направления, в котором присутствуют черты мультидисциплинарности. Анализ тенденций развития проблемы открывает закономерности изучения смысловой обусловленности механизма избирательного взаимодействия, сложившиеся в отечественной психологии мышления на примере современного развития смысловой теории мышления. Описаны приемы и перспективы изучения свободной инициации мыслительной деятельности. Обсуждается постнеклассическая перспектива изучения возникновения креативного акта, его зарождение, характеризующее момент превращения тривиальной (алгоритмизированной, обыденной, стереотипной и т.д.) деятельности в деятельность творческую, креативную.

Ключевые слова: креативный акт; креативная деятельность; системная антропологическая психология; самоорганизация; саморазвитие, эмоционально-установочный комплекс.

В проблемном поле научной психологии, представленном исследованиями в области психологии творчества, одной из центральных, но тем не менее «западающих» проблем остается проблема порождения (инициации) творческого акта, его возникновения в процессе деятельности, которая в целом не может быть определена как креативная. Возникновение креативного акта знаменует собой трансформацию деятельности, которую характеризуют обычно понятиями «тривиальная», «стереотипная», «алгоритмизированная», «привычная», в деятельность творческую, преобразовательную, одним словом, креативную. При этом крайне трудным для понимания остается сам психологический механизм инициации креативного акта.

С одной стороны, слишком многофакторной оказывается структура феноменов, детерминирующих этот процесс. С другой стороны, наука, еще не так давно представлявшая собой совокупность моноаспектных теорий, базирующихся на различных методологических принципах (принцип отражения, принципы личностного, деятельностного, субъектного подходов и т.д.), не может справиться с проблемами, решение которых предполагает интеграцию самих подходов, а значит, и принципов, на которых они базируются. Сейчас ситуация достаточно резко меняется. Сама проблема креативности человека стала обретать особую социальную значимость, которая стимулируется изменением технологического уклада, развитием «новой экономики», «креативной экономики», растущим влиянием инновационных процессов. Речь идет уже о создании особой междисциплинарной науки – креативистики. «Креативистика» изучает процессы коллективного создания интеллектуального продукта. Лишь использование корпоративного интеллектуально-креативного труда сегодня способно обеспечить научно-технический прогресс [1].

Практически нечто подобное происходит и в области когнитивной психологии, которую все более теснит (или даже вбирает в себя) «когнитивная наука». В целом идут вполне естественные процессы, поскольку психология уже не может вобрать в себя современный информационный подход к процессам обработки информации человеком и животными, опыт создания интерфейсов между человеком и вычислительными системами, овладеть методами математического моделирования элементов сознания и технологиями виртуальной реальности. Но по отношению как к «креативистике», так и «когнитивной науке» можно согласиться с Т.В. Черниговской в том, что «следует возлагать надежды не на еще большее усложнение разрешающей способности техники, а на методологический и даже философский прорыв, который должен привести к возникновению новой мультидисциплинарной научной парадигмы» [2. С. 151].

Особо стоит отметить возможности формирующегося трансдисциплинарного подхода, возникновение которого было обосновано психологом Ж. Пиаже (1970), а кроме того, именно в нашей науке вызывают методологические предпосылки для указанного прорыва в мультидисциплинарность (multidisciplinarity), если, конечно, под ней понимать нечто близкое понятию трансдисциплинарности (trandisciplinarity), когда оно используется в качестве принципа организации научного знания, открывающего широкие возможности взаимодействия многих дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества. С точки зрения системной антропологической психологии (САП) в качестве вклада нашей науки в развитие трансдисциплинарного подхода можно рассматривать учение о смысловой обусловленности механизма избирательного взаимодействия. Психология имеет де-

ло с самыми сложными («человекоразмерными» – В.С. Степин) открытыми системами, в которых психика выступает в функции «органа отбора», «решета, процеживающего мир» [3. С. 347]. В методологии САП смыслы понимаются в качестве ячеек этого «решета», и мы склонны полагать, что семантика Универсума инвариантна в своей основе для открытых систем любого уровня организации. Механизм избирательного взаимодействия, который обеспечивает обмен систем любого уровня сложности со средой, легче понять, когда проявляются черты и признаки этого механизма, характерные для систем высшего уровня организации [4–6]. Пока же рассмотрим возникновение проблемы инициации креативного акта на предмете математической креативности как направления, в котором уже присутствуют черты мультидисциплинарности.

***Математическая креативность:
проблема инициации креативного акта***

В литературе можно найти удачные примеры использования познавательного ресурса научной психологии для решения задач из области математического образования человека. В частности, методологический базис культурно-исторической психологии Л.С. Выготского используется для изучения когнитивного развития человека в процессе изучения математики. Например, совместный проект российских ученых с коллегами из Бостона позволил получить данные о становлении математической компетентности в процессе обучения. Инструмент оценки (SAM-математика) был разработан в ориентации на уровневую иерархическую структуру математических знаний, представленную процедурным, концептуальным и функциональным уровнями. В процессе исследования были выделены три уровня математической компетентности, соответствующие теоретически выделенной структуре математического знания. Результаты показали, что овладение математическими понятиями, начатое в начальной школе, имеет тенденцию к выходу за ее пределы, о чем свидетельствует значительный рост концептуального и функционального уровня знаний. Однако вопрос о том, как соотносятся между собой понятия «математическая компетентность» и «математическая креативность», пока остается открытым.

Проблема диагностики и развития математической креативности получила достаточно большое развитие в зарубежных исследованиях [7]. Методологическое обеспечение этой проблематики восходит к Торрансу (1974), выделившему три основных компонента общей креативности: беглость, гибкость и оригинальность. В модели Р. Лейкин беглость связана с количеством ответов (т.е. математическими подходами, разными решениями или поставленными задачами) на математическую задачу («решить задачу», «решить задачу как можно большим

количеством способов» и «поставить как можно больше схожих задач»). Гибкость связывается с изменениями в подходах при создании ответов на задачи. Оригинальность относится к сравнительно небольшой частоте появления идеи в банке ответов, представленных большим количеством решающих одну и ту же задачу. Внимание исследователей сосредотачивается на трех типах действий по решению задач:

- решение задачи с использованием определенных стратегий;
- решение задачи несколькими способами;
- постановка новых задач, схожих с данной задачей.

Способ, приводящий стратегии решения задач в действие, является важной интегративной характеристикой математического мышления и включает разные качества решения задач, такие как концептуальное знание, эвристика, метапознание, контроль и эмоциональная реакция. Такая схема предполагает четыре этапа решения задачи: ориентация, планирование, выполнение и проверка. В соответствии с данной моделью Койху (2003) и Койху, Берман и Мур (2006) эмпирически выявили четыре способа стратегического поведения: наивный, прогрессивный, круговой и спиральный. Было показано, что способы могут различаться по количеству попыток решения задачи, количеству разных математических подходов, используемых в этих попытках, типичным комбинациям этапов решения задачи и самооцениванию. Под разными математическими подходами понимаются подходы, основанные на разных математических инструментах, идеях или представлениях.

Важным показателем креативности авторы модели считают обнаружение различных способов решения задачи. Отмечается, что способность решать задачи разными способами отличает опытных математиков. Примечательно, что, по мнению авторов, задание с несколькими решениями создает ситуацию, в которой учащийся должен решить математическую задачу разными способами. Предполагается, что решения одной и той же задачи будут разными, если они основаны на разных представлениях о некоторых математических концептах, включенных в задание, разных свойствах (определениях или теоремах) математических объектов в определенной области или разных свойствах математических объектов в разных областях. Понятие «пространство решений» используется для описания поведения учащихся при решении задач, когда они выполняют задания с несколькими решениями. Пространства решений – это совокупность решений задачи, выполненных отдельными людьми или группами. Используются следующие виды пространств решений: экспертное пространство решений (максимально полный набор решений задачи, известный в данный момент); индивидуальные пространства решений (подгруппа экспертного пространства решений); доступное (актуальное) личное пространство решений включает решения, которые человек подбирает без посторонней

помощи; потенциальное личное пространство решений включает решения, подобранные с чьей-то помощью. Производится сравнение индивидуального пространства решений с экспертным пространством решений, имеющее целью охарактеризовать креативность личности. Общее количество разных решений в индивидуальном пространстве решений является показателем беглости; количество разных решений является показателем гибкости. Степень традиционности индивидуального пространства решений служит показателем оригинальности.

Что касается постановки схожих задач, то считается, что этот показатель скорее характеризует практику профессиональных математиков, а не математическую производительность подавляющего большинства учащихся. Способность учащихся формулировать новые задачи, связанные с данной, является хорошим показателем их будущих успехов в математике (Kilpatrick, 1987) и их математической креативности (Ervynk, 1991; Silver, 1997; Torrance, 1966). Поэтому авторы модели включили задание формулирования как можно большего количества схожих задач.

Резюмируя, можно сказать, что в практическом плане анализируемая модель имеет немало достоинств. В то же время регистрация фактов изменения стратегий, обнаружения новых способов решения задачи и постановки похожих задач не предполагает вскрытия психологических механизмов инициации креативных актов. Безусловно, авторы модели решали другие проблемы, но думается, что вскрытие этих механизмов окажется полезным для проектирования и реализации моделей креативного поведения не только в сфере математики. Для изучения факторов, запускающих креативные акты именно «здесь и теперь», нужны другие (собственно психологические) схемы исследования, поскольку сам факт возникновения нового способа решения в исследованиях математической креативности является не более чем маркером креативного акта. Он может использоваться в качестве показателя уровня самой креативности, но не является тем, что может объяснить сложнейшие психологические механизмы, которые привели к нему. Кроме того, оказывается довольно сложным разведение свойств, которыми описывается индивидуальное мышление (гибкость, стереотипичность, реалистичность и т.д.), от тех показателей, которые характеризуют уровень креативности человека и его деятельности.

Обусловлено это тем, что фактически используется метод, который одинаково часто употребляется при изучении интеллекта, мышления и креативности: метод предъявления «готовых», кем-то сформулированных и так или иначе поставленных задач, в которых определены условия и цели деятельности. Иными словами, испытуемый должен продемонстрировать свои творческие возможности в условиях мыслительной деятельности, иницируемой исследователем уже самим фактом предъявления ему задачи и ответным действием испытуемого по

включению задачи в мотивационно-личностный план (принятие задачи к решению).

В самом понятии «инициация» сливаются два контекста: порождение (*initiare*) и инициатива (*initiative* – почин, первый шаг в каком-либо деле; внутреннее побуждение к новым формам деятельности). В соответствии с этим методики изучения креативности, основанные на предъявлении испытуемым сформулированных кем-то задач, в большей степени фиксируют сам факт порождения креативного акта, нежели те психологические механизмы, которые его обусловили. Инициативное действие по природе своей есть такое начинание, которое осуществляется без выраженной интенции на конечный результат. В то же время приходится согласиться и с другим положением. «Развитие деятельности по инициативе самого ребенка и есть творчество. При таком понимании понятия «одаренность» и «творческая одаренность» выступают как синонимы» [8].

Для изучения инициации креативного акта нужны такие методы исследования, которые позволили бы «растянуть» во времени сам процесс порождения креативного действия с одновременной фиксацией психологических феноменов, обеспечивающих его мотивацию, направленность, детерминацию и содержательный состав. Как теперь оказалось, такой метод был разработан сравнительно давно, но тогда он входил в состав средств, используемых для решения конкретной задачи в области психологии мышления, а именно для исследования процесса обнаружения и постановки мыслительной задачи человеком. Соответствующим образом рассматривались и результаты исследования. В то время еще не были выделены методологические основания, опираясь на которые, можно было бы соединить личностные факторы, обуславливающие креативный акт (креативный потенциал человека, его способность действовать за пределами требований (инициативность), чувствительность к проблемам, толерантность к неопределенности и т.д.), с ситуационными (по отношению к которым можно действовать креативно) и деятельностью (определяющими вероятность возникновения креативного акта в зависимости от условий, целей и задач актуальной деятельности). Сегодня эти основания можно найти в системной антропологической психологии (САП), представляющей собой одно из современных научных направлений, последовательно развивающих парадигмальный базис культурно-исторической психологии Л.С. Выготского.

Методы изучения свободной инициации мыслительной деятельности

Создаваемые психологами методики исследования не могут не отражать методологические и теоретические позиции их авторов.

В психологии мышления есть свои особенности, заключающиеся в том, что варьируются чаще только задачи, предлагаемые испытуемым, сам же способ анализа остается похожим (рассуждения вслух, запись речи, анализ действий и т.д.). А.Н. Леонтьев писал о том, что в лабораторных условиях или в педагогическом эксперименте мы всегда ставим перед испытуемым, так сказать, «готовую» цель. Именно поэтому сам процесс целеобразования обычно ускользает от исследователей [9].

Перед автором статьи, который в свое время входил в состав творческой группы, работавшей под руководством О.К. Тихомирова над созданием общего каркаса смысловой теории мышления, была поставлена особая цель [10]. Необходимо было спроектировать и создать методики исследования, которые позволяли бы изучение процесса обнаружения и постановки мыслительной задачи в рамках деятельности, которая сама по себе не является мыслительной. Феномен так называемой «свободной инициации» мышления конституирует способность человека обнаруживать и ставить мыслительные задачи в процессе деятельности, которая сама по себе не является мыслительной. Экспериментальный материал должен был позволить различные виды деятельности с ним, чтобы установить вероятность обнаружения познавательной цели от вида деятельности. Мы пошли путем создания такого материала, который позволял бы различного рода деятельность (не мыслительную) с этим же материалом и в то же время был потенциально активен для испытуемого в мыслительном плане, т.е. содержал некое несоответствие, противоречие, обнаружение которого могло привести к формированию конкретной мыслительной задачи на основе этого противоречия. Причем это противоречие не должно «мешать» выполнению задаваемой инструкцией деятельности с этим материалом, вставать какой-либо преградой для деятельности.

К тому времени О.К. Тихомиров уже ввел понятие «ценностно-смысловая структура ситуации» (ЦСС), характеризующее эффект взаимодействия человека с объективно заданными условиями [11]. В борьбе с «кибернетической метафорой» первоначально возникла идея разведения психологической и информационной характеристик структуры задачи, которая в дальнейшем привела к дифференциации формальной и неформальной (т.е. смысловой и ценностной) структуры задачи. Эта первичная дифференциация была необходима для последующей интеграции: было доказано, что объективно заданная ситуация в ходе мыслительной деятельности обретает ценностно-смысловые измерения.

Можно было предполагать, что и на этапе инициации мыслительной деятельности возникновение познавательной цели имеет смысловую обусловленность – некие элементы ситуации обретают особый смысл, поскольку с ними связывается возможность перейти от тривиальной деятельности к мыслительной. Если принять, что эмоции являются формой существования смысла, то ключевым моментом при

создании экспериментальных методик исследования инициации мыслительной деятельности является поиск объективных индикаторов тех изменений, которые происходят в ценностно-смысловой структуре ситуации деятельности. Использование кожно-гальванической реакции как индикатора эмоциональных состояний в исследованиях, посвященных изучению роли эмоций в решении мыслительных задач, имеет свою историю. Метод синхронной регистрации кожно-гальванической реакции и вербальных, интонационных, мимических и т.д. характеристик деятельности субъекта, а также конкретного содержания деятельности был разработан О.К. Тихомировым и Ю.Е. Виноградовым применительно к задачам исследования роли эмоциональной активации в ее регулятивной функции в процессе решения мыслительных задач.

Уже первые исследования показали, что эмоциональные состояния входят в качестве необходимого компонента в состав человеческих эвристик. Эксперименты состояли в непрерывной объективной регистрации эмоциональных состояний (записывалась реакция изменения электрического сопротивления кожи) во время умственной работы по решению трудных шахматных этюдов. Было установлено, что эмоциональные состояния непосредственно участвуют в ограничении числа просматриваемых возможностей при выборе хода. Оказалось, что момент возникновения эмоциональных состояний приурочен к выявлению нового принципа действий. В этот момент происходит фиксация умственной деятельности на изучении вариантов, связанных только с этим найденным ходом. «Сознательным оценкам хода как правильного или неправильного, хорошего или плохого предшествуют оценки эмоциональные, и на основании этих оценок осуществляется как бы предварительный, ориентировочный отбор» [12. С. 31]. Создается интенция, отражающая эмоциональную оценку, т.е. позицию субъекта по отношению к ситуации. Эти эмоциональные оценки, определяющие зону дальнейшего поиска, ограничивающие его, выступают в качестве эвристик [13].

Исследование проводилось при помощи специально составленного текста художественного содержания, заключающего в себе в скрытом виде противоречие, на основе которого может быть сформулирована задача физического содержания. Текст подавался испытуемым как отрывок из художественной книги с указанием вымышленного автора. На протяжении всего эксперимента осуществлялась синхронная запись КГР. Приводим текст полностью, поскольку он встречается в современной литературе (и не только психологической) в различных модификациях и сокращениях.

Отрывок из книги Дж.К. Фэрри «Золотоискатели»

«..Лодка была немедленно подхвачена бурным потоком. Река несла лодку легко, как будто и лодка и пассажиры не имели ни веса, ни каких-либо возможностей противостоять этому всеильному потоку.

Во время крутых спусков берега проносились мимо испуганных путешественников со страшной скоростью. Прибрежные камни и редкие деревья мелькали, сливаясь в пеструю ленту, вызывающую головокружение. На подъемах движение реки замедлялось, она как бы оседала, темнела. Река была подобна живому существу – так же легко и радостно спускалась с горы, и так же, как тяжело нагруженный путник, поднимающийся в гору, становилась ленивой и неузнаваемой на редких, затяжных, высоких подъемах.

Мальчики приходили в себя, оторопело смотрели друг на друга, но не успевали они даже вдоволь посмеяться над своим испуганным видом, как поток вновь срывался с завоеванной вершины, и опять начиналось стремительное мелькание, томительное ожидание следующей передышки».

Несмотря на явные литературные недостатки, текст не вызвал у испытуемых сомнения в существовании указанной книги и автора ее. Конфликт и строился на том, что, с одной стороны, испытуемые, безусловно, доверяли нашему вымышленному автору в процессе различного рода работы над текстом, с другой стороны, в тексте трижды встречалось содержание, противоречащее опыту и знаниям испытуемых. Предлагаемый в экспериментах текст содержит противоречие – описываются явления, которые реально не существуют. Однако это расхождение для испытуемого вовсе не является какой-либо преградой при осуществлении задаваемой инструкцией деятельности. Предполагалось, что если испытуемый отразит противоречие и на его основе сформирует мыслительную задачу, то это будет означать трансформацию деятельности, заданной инструкцией, в мыслительную деятельность. Противоречивые места: «На подъемах движение реки замедлялось», «...(река) становилась ленивой и неузнаваемой на редких затяжных подъемах», «...поток вновь срывался с завоеванной вершины». Я не буду останавливаться на всех полученных данных. С детальным описанием экспериментов, их результатами и тем, как они интерпретировались в то время, можно ознакомиться в книгах «Психология мышления» [14] и «Искусственный интеллект и психология» [15].

Главное заключается в том, что эмоциональные оценки опережают оценки вербально-логические. Эмоции инициируют внутренний конфликт внутри целостного человека, сталкивая на одном и том же предмете, входящем в ситуацию деятельности, различные системы жизненных отношений человека. Один и тот же предмет является носителем смысла как отвечающей потребности, ради которой действует человек здесь и теперь. Этот смысл образован мотивом актуальной деятельности, и его можно назвать смыслообразующим мотивом (А.Н. Леонтьев). Одновременно этот предмет может становиться носителем другого смысла, который становится побудителем новой дея-

тельности – более высокой по рангу, инициативной, творческой, свободной. Эти смыслы представляют человеку его возможное будущее, открывают ему пространство свободного движения, пространство приложения своих возможностей. Это и есть точка, в которой возможности человека становятся потенциями, т.е. обретают силу на свое осуществление. Для человека эта точка может стать точкой бифуркации. Поведение или сохранит свой нормативный характер, или станет сверхнормативным, творческим, свободным. Вот эти смыслы «второго рода», побуждающие человека к творческой деятельности, к самореализации своих возможностей, своих потенций были названы мотивообразующими смыслами.

Можно полагать, что в основе возникновения креативного акта лежат мотивообразующие смыслы. С них начинается инициативное (инновационное) поведение [16]. В принципе, они формируются постоянно и, следовательно, столь же постоянно будущее присутствует в настоящем – до тех пор, пока у человека остаются хотя бы какие возможности. Почему же человек не всегда откликается на них? У нас возникло два ответа: во-первых, человек не всегда способен понять, что говорят ему смыслы на своем «эмоциональном языке». Во-вторых, никогда смыслы не бывают изолированы от установок. Для одних людей переживание определенной модальности («что-то здесь есть!») означает «уходи!», для других – «включайся!».

За особенности поведения отвечают так называемые «эмоционально-установочные комплексы», которые в рамках САП можно понять как особые интегративные (общесистемные) образования, обеспечивающие единство сознания, ситуации и деятельности человека в ней. Они определяют содержательный состав деятельности в периоды ее трансформации в креативную деятельность, обеспечивая связь осознаваемых и неосознаваемых, произвольных и произвольных, оценочных и исполнительных механизмов. Этим преодолевается разрыв в понимании психологической природы креативного акта, возникший в результате противопоставления личностного и деятельностного подходов в отношении изучаемого феномена. Они определяют «устойчивую подвижность» деятельности в периоды ее трансформации, осуществляя связь осознаваемых и неосознаваемых, произвольных и произвольных, оценочных и исполнительных компонентов зарождающейся (новой) деятельности. С ними связано «обесмысливание» элементов ситуации при формировании новых мотивов и целей, что и обуславливает деактуализацию старых и одновременно актуализацию новых смыслов и новых установок, адекватных мотивам и целям инициативно возникающего креативного поведения.

В системной психологической антропологии смыслы становились тем, что определяет границы жизненного мира человека, выделяет его из того пространства, которое часто называют безликим словом

«окружение». Человек проецирует в это окружение свое состояние, свои актуальные потребности и возможности, создавая неповторимую, динамичную «смысловую разметку» многомерного пространства жизни, обеспечивающего многомерность его бытия. Однако до сих пор сложно представить, что по лучу света, несущему информацию от внешнего мира к рецепторам, в обратном направлении (к миру) движется отношение, конституирующее себя смыслами. Только то, что имеет смысл, становится достоянием сознания (и познания). Континуальная природа психики и сознания – это слишком большой раздражитель для многих психологов, которые признают только «одностороннее» движение – от объекта к субъекту. Мы продолжаем объяснять студентам, что восприятие возникает при непосредственном воздействии предмета на органы чувств. Однако в этой логике мы не можем объяснить природу креативного акта, эту данную только человеку способность «действовать за пределами» – наличного опыта, сложившихся установок, требований ситуации, инструкций экспериментатора и т.д.

Креативность и когнитивный диссонанс

Для меня лично и постепенно формировавшейся группы коллег, объединенных общей проблемой, было главным удержать исследование в рамках психологии мышления. Видимо, поэтому приходилось игнорировать тот факт, что наше исследование на самом деле располагается между двумя проблемными полями науки, одно из которых исследовалось в рамках теории когнитивного диссонанса, а другое составляли теории творчества. Тем более, что оба эти поля методологически были ориентированы таким образом, что помочь в понимании и объяснении фактов, которые вскрывались уже на стадии проектирования и апробирования методов исследования свободной инициации мышления, они не могли.

Одним из устоявшихся понятий современной когнитивной психологии, которое в числе других образует категориальный аппарат этого научного направления, является понятие когнитивного диссонанса (от латинских слов: *cognitio* – «познание» и *dissonantia* – «несозвучность, нестройность, отсутствие гармонии»). Введенное еще в 1957 г. Л. Фестингером, это понятие было призвано зафиксировать определенное состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в сознании человека конфликтующих представлений. Когнитивный диссонанс до сих пор рассматривался с позиции классических и (частично) неклассических парадигмальных установок как внутренний конфликт, нарушающий равновесие. Позитивная (креативная) сторона этого конфликта, рассматривающая место и роль когнитивного диссонанса в качестве средства и условия возникновения познавательной мотивации, запускающей мыслительные процессы и

обеспечивающей познавательное целеобразование, перестройку установок, формирование новых форм поведения и деятельности, упускается при таком подходе. Однако уже Г. Олпорт отметил одну тенденцию, заключающуюся в том, что «психологов все меньше и меньше удовлетворяет понятие адаптации, и, соответственно, понятия «редукции напряжения», «восстановления равновесия» и «гомеостаза». Встает вопрос, является ли человек, наслаждающийся этими процессами, на самом деле человеком. Нам известно: рост происходит не вследствие гомеостаза, а вследствие определенного рода «трансистаза». Стабильность не может быть критерием нормальности, поскольку стабильность заводит эволюцию в тупик» [13. С. 39].

Тем не менее и теории творчества того времени еще не могли оценить всю сложность процесса порождения креативных актов, поскольку гомеостатические объяснения преобладали и в психологии творчества. Г. Олпорт вышел к трансистазу, когда стал рассматривать личность как открытую систему. Сегодня уже не секрет, что именно для открытых систем характерны рост и усложнение системной организации, выступающие в качестве способа существования таких систем. Но известно и другое: чтобы объяснить трансистаз, необходимо рассматривать открытую систему в контексте ее саморазвития и самоорганизации. Крайне важно, что признаком так называемой постнеклассической психологии как раз и является то, что ее предметом становятся саморазвивающиеся системы. Это означает, что в психологию творчества, впрочем, как и в теорию когнитивного диссонанса, приходят новые когнитивные схемы – в меру овладения психологией новыми парадигмальными установками [4].

Например, перевод проблемы когнитивного диссонанса на более высокий уровень системного видения проблемы, предполагающий использование постнеклассических парадигмальных установок, существенно меняет масштаб самой проблемы. В центре ее оказывается не просто определенное психическое состояние человека, переживающего конфликт идей, знаний, представлений, но целостный человек с присущим ему потенциалом саморазвития, для которого этот конфликт становится тем, что задает направление саморазвития и обеспечивает мотивационную базу его познавательной активности. Новый масштаб постановки решения проблемы позволяет связать когнитивный диссонанс с другим понятием, разработанным в психологии творчества, – чувствительностью человека к проблемам [18, 19]. Этим обеспечивается возможность интеграции тех знаний, которые накопила в своем развитии теория когнитивного диссонанса, с теми представлениями, которые сложились, например, в смысловой теории мышления О.К. Тихомирова. Она по праву остается одной из самых представительных отечественных теорий в области психологии мышления, ранее других приступившей к освоению постнеклассических исследовательских

установок. Можно полагать, что когнитивный диссонанс является феноменом общесистемного уровня, релевантным всему человеку как открытой саморазвивающейся (саморегулирующейся и самоорганизующейся) системе. Такой подход позволяет осуществить интеграцию того, что нам известно о когнитивном диссонансе как психическом состоянии, как внеситуативном свойстве личности, детерминирующем проявление определенных поведенческих установок в условиях познавательного конфликта, с характеристиками процесса возникновения и разрешения конфликта (здесь и теперь) в форме креативного акта.

Литература

1. Мельников О.Н. Физиологические мотиваторы проявления созидательных действий личности // Креативная экономика. 2007. № 8 (8). С. 81–87. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/3527/>
2. Черниговская Т.В. Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит (к вопросу об эволюции языка и сознания) // Когнитивные исследования. М. : Институт психологии РАН, 2010. С. 14.
3. Выготский Л.С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1982. Т. 1.
4. Клочко В.Е. Современная психология: системный смысл парадигмального сдвига // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 15–21.
5. Клочко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–336.
6. Клочко В.Е. Когнитивная наука: от междисциплинарного дискурса к трансдисциплинарному ракурсу // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 23–32.
7. Лейкин Р., Берман А., Койху Б. Креативность в математике и образование одаренных учащихся. М., 2009.
8. Рабочая концепция одаренности. URL: <http://kravtsoval.ucoz.ru/publ/8-1-0-13>
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. С. 106.
10. Клочко В.Е. Смысловая теория мышления в трансспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 87–101.
11. Тихомиров О.К. Психология и кибернетика // США: экономика, политика, идеология. 1972. № 7. С. 94–104.
12. Тихомиров О.К. Экспериментальный анализ эвристик // Эвристические процессы в мыслительной деятельности : XVIII Международный психологический конгресс. М. : Наука, 1966. С. 25–32.
13. Тихомиров О.К., Виноградов Ю.Е. Эмоции в функции эвристик // Психологические исследования. Вып. 1 / под ред. А.Н. Леонтьева и др. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 3–24.
14. Тихомиров О.К. Психология мышления. М. : Академия, 2005. 288 с.
15. Искусственный интеллект и психология / под ред. О.К. Тихомирова. М. : Наука, 1976.
16. Клочко В.Е., Красноярцева О.М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 151–154.
17. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М. : Смысл, 2002. 462 с.
18. Красноярцева О.М. Ценностная детерминация профессионального поведения педагогов // Сибирский психологический журнал. 1998. № 7. С. 25.

19. Краснорядцева О.М. Чувствительность к проблемам как характеристика инновационного потенциала личности // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 13–19.

КЛОЧКО Виталий Евгеньевич, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета.

E-mail: klo@nextmail.ru

MEANING CONDITIONING OF CREATIVE ACT: SYSTEM-ANTHROPOLOGICAL CONTEXT

Klochko Vitaly E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: klo@nextmail.ru

Keywords: creative act; creative activity; system anthropological psychology; self-determination; self-development; emotional-positioning complex.

Abstract

The formation of the creative act, its origin that characterizes the moment of transformation of trivial (algorithmic, everyday, stereotypical, etc.) activity into creative activity, is considered to be one of the complex and poorly studied problems of modern science. The psychological mechanism that triggers creative activity taking place "here and now" usually escapes from researchers. In this case the fact of finding a new way of solving the problem acts only as a specific indicator of the creative act, for example, in studies of mathematical creativity it can be a marker of the level of creative possibilities of the person. The research subject focuses on psychological mechanisms and the conditions of its occurrence.

Transpektive analysis shows that the problem of identifying psychological conditions and mechanisms of creative acts can not get a complete solution in the framework of classical and non-classical paradigms. The matter is that creative act occurs as one form of free realization of the possibilities of the person being the phenomenon that has system determination. Understanding of this kind of determination was developed in system anthropological psychology (SAP) in which this study was performed. This paper describes the method focused on the synchronous recording of emotional, verbal and substantial characteristics of the activities at the stage of its transformation into creative activity. It is shown that system anthropological approach allows to integrate substantive, procedural and motivational aspects of the study and uses them in explanation of the mechanism of the creative act. We were able to detect a special role in determining the operational meaning of the creative act. Operational meanings arise as an effect of self-organization that is inherent for a man as an open self-developing system. Emotions are not only the mechanisms of the reflection of the meanings but the form in which the meanings exist. From the position of SAP some early identified phenomenon can be explained in a new way. In particular, "emotional positioning systems" can be understood as a special integrative (system-wide) formations that ensure the unity of consciousness, situation and human activity. They define a meaningful part of the activities during the periods of its transformation into creative activity, providing a link between conscious and unconscious, will-controlled and unwilled, judgemental and executive mechanisms. It helps to overcome the gap in the understanding of the psychological nature of the creative act, occurred as a result from the opposition between personal and activity approaches to the phenomenon of creative act.

References

1. Mel'nikov O.N. Fiziologicheskie motivatory proyavleniya sozidatel'nykh deystviy lichnosti [Physiological motivators of the person's constructive actions]. *Kreativnaya*

- ekonomika*, 2007, no. 8(8), pp. 81-87. Available at: <http://www.creativeconomy.ru/articles/3527/>.
2. Chernigovskaya T.V. *Esli zerkalo budet smotret'sya v zerkalo, chto ono tam uvidit (k voprosu ob evolyutsii yazyka i soznaniya)* [If the mirror looks in the mirror, what will it see? (on the evolution of language and consciousness)]. In: Aleksandrov Yu.I., Solovyev V.D. *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive research]. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2010, p. 14.
 3. Vygotskiy L.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Selected works. In 6 vols.]. Moscow, 1982. Vol. 1.
 4. Klochko V.E. Modern psychology: a system sense of a paradigm shift. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2007, no. 26, pp. 15-21. (In Russian).
 5. Klochko V.E., Luk'yanov O.V. Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. 333-336. (In Russian).
 6. Klochko V.E. Cognitive science: from interdisciplinary discourse to transdisciplinary foreshortening. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2012, no. 46, pp. 23-32. (In Russian).
 7. Leykin R., Berman A., Koykhu B. *Kreativnost' v matematike i obrazovanie odaren-nykh uchashchikhsya* [Creativity in mathematics and education of gifted students]. Moscow, 2009.
 8. *Rabochaya kontseptsiya odarennosti* [The operational concept of giftedness]. Available at: <http://kravtsoval.ucoz.ru/publ/8-1-0-13>.
 9. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1975, p. 106.
 10. Klochko V.E. Personal meanings theory of thinking in the transpective of psychological knowledge formation: epistemological analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 2008, no. 2, pp. 87-101. (In Russian).
 11. Tikhomirov O.K. *Psikhologiya i kibernetika* [Psychology and cybernetics]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, 1972, no. 7, pp. 94-104.
 12. Tikhomirov O.K. [Experimental analysis of heuristics]. *Evristsicheskie protsessy v myslitel'noy deyatel'nosti: XVIII Mezhdunarodnyy psikhologicheskiy congress* [Heuristic processes of mental activity: the 18th International Congress of Psychology]. Moscow: Nauka Publ., 1966, pp. 25-32. (In Russian).
 13. Tikhomirov O.K., Vinogradov Yu.E. *Emotsii v funktsii evristik* [Emotions in the function of heuristics]. In: Leont'ev A.N. (ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. Moscow: Moscow State University Publ., 1969, pp. 3-24. Issue 1.
 14. Tikhomirov O.K. *Psikhologiya myshleniya* [The psychology of thinking]. Moscow: Akademiya Publ., 2005. 288 p.
 15. Tikhomirov O.K. (ed.) *Iskusstvennyy intellekt i psikhologiya* [Artificial intelligence and psychology]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 341 p.
 16. Klochko V.E., Krasnoryadtseva O.M. Peculiarities of “innovative potential of personality” operational definition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 339, pp. 151-154. (In Russian).
 17. Olport G. *Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy* [The formation of personality: Selected works]. Translated from English by L.V. Trubitsyna, D.A. Leont'ev. Moscow: Smysl Publ., 2002. 462 p.
 18. Krasnoryadtseva O.M. Tsenostnaya determinatsiya professional'nogo povedeniya pedagogov [Axiological determination of teachers' professional conduct]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 1998, no. 7, p. 25. (In Russian).
 19. Krasnoryadtseva O.M. Sensitivity to problems as description of innovative potential of a personality. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2009, no. 33, pp. 13-19. (In Russian).

ИССЛЕДОВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОЖИЛОМ И СТАРЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Т.Ф. Сусллова, М.В. Жучкова

Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)

Аннотация. Представлены результаты анализа исследования изменений в структуре удовлетворенности жизнью и смысложизненных ориентаций на разных стадиях старения личности. Результаты исследования показывают, что структура смысложизненных ориентаций остается практически неизменной на протяжении позднего этапа онтогенеза, однако с возрастом у людей повышается вера в собственные силы, позволяющая контролировать события собственной жизни, а также убежденность в возможности контроля и управляемости жизнью. Вместе с тем представленный анализ межгрупповых различий позволяет предположить, что удовлетворенность жизнью может зависеть от уровня осмысленности жизни и сформированности смысложизненных ориентаций личности, а также ценностно-смысловой сферы. Результаты исследования, изложенные в статье, представляют определенный интерес для специалистов в области социальной психологии старения (социальных психологов, геронтопсихологов и социальных работников).

Ключевые слова: пожилой возраст; старческий возраст; удовлетворенность жизнью; смысложизненные ориентации; эмоциональный комфорт; эмоциональный дискомфорт.

Изменение возрастного состава населения в направлении его старения обуславливает проблемы народонаселения России и стран мира [1]. В этой связи перед учеными и практиками неизбежно возникает необходимость решения ряда психологических проблем, в том числе повышения качества психической жизни людей пожилого и старческого возраста как полноправных членов общества, в аспекте субъективной составляющей удовлетворенности жизнью.

Современные авторы рассматривают различные показатели счастья и субъективного благополучия людей позднего возраста в связи с социальными условиями и обстоятельствами, находящимися под непосредственным контролем и вне непосредственного контроля человека [2], а также со свойствами темперамента и ценностной сферой личности [3].

Большинство зарубежных авторов обращают внимание на социально-психологические факторы удовлетворенности жизнью пожилых людей, связанные с различными видами взаимоотношений (семейная жизнь и брак, наличие друзей и референтной группы и др.) [4].

Так, исследования, проведенные в 2012 г. А. Steptoe, P. Demakakos и С. Oliveira на выборке пожилых людей Англии, показали,

что удовлетворенность жизнью зависит от социально-экономических факторов (уровень дохода и благосостояния), семейного статуса, уровня физической активности и здоровья [5].

Глобальная оценка качества и смысла жизни в старости, отражающаяся в эмоциональном переживании удовлетворенности жизнью, по мнению М.В. Ермолаевой, является сложным и недостаточно изученным фактором [6]. Следует также отметить, что в доступных русскоязычных источниках не рассматривался вопрос связи смысложизненных ориентаций и удовлетворенности жизнью в позднем возрасте.

В данной статье представлены результаты исследования удовлетворенности жизнью людей пожилого и старческого возраста, полученные в процессе изучения возрастных и связанных с полом особенностей данного явления, наличия и характера связей между компонентами удовлетворенности жизнью и смысложизненными ориентациями, а также выраженности уровня дезинтеграции в ценностно-смысловой сфере. Мы считаем, что полученные результаты открывают дополнительные перспективы при решении актуальных задач активного вовлечения людей позднего возраста в межличностные взаимодействия, образовательную, трудовую и другие виды общественной активности.

В исследовании проверялось несколько гипотез:

- существуют различия в показателях удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте;
- структура смысложизненных ориентаций в пожилом и старческом возрасте различается у лиц с высоким и низким уровнем удовлетворенности жизнью;
- существуют факторы, способствующие формированию и поддержанию у людей пожилого и старческого возраста состояния удовлетворенности жизнью;
- в позднем возрасте снижаются различия в структуре удовлетворенности жизнью у мужчин и женщин, приобретая более сходную характеристику по мере старения.

В исследовании приняли участие 162 респондента – клиенты Центра социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов «Забота»: женщины в возрасте от 55 до 90 лет и мужчины в возрасте от 60 до 90 лет. Первую группу составили 100 испытуемых пожилого возраста, во вторую группу вошли 62 испытуемых старческого возраста.

В работе использовались следующие психодиагностические методики:

- методика «Индекс жизненной удовлетворенности» (в адаптации Н.В. Панина) [7];
- шкала субъективного благополучия (М.В. Соколова) [8];
- шкала удовлетворенности условиями жизни и шкала удовлетворенности основными жизненными потребностями (О.С. Копина) [9];

– методика смысложизненных ориентаций Д. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева [10];

– методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности”» Е.Б. Фанталовой [11].

Опрос проводился в форме персональной беседы и последующего заполнения бланков.

Для обработки эмпирических результатов и проверки гипотез использовался критерий достоверности различий (U-критерий Манна-Уитни). Статистическая обработка полученного материала и последующие расчеты производились в рамках программы SPSS (версия 19.0).

Опишем некоторые результаты исследования. Так, в ходе изучения смысложизненных ориентаций (опросник Д. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева) были выявлены достоверные различия в группах пожилого и старческого возраста по субшкалам «ЛК – Я», т.е. «Я – хозяин жизни» ($U = 2476, p = 0,03$) и «ЛК – жизнь», т.е. «Жизнь управляема мной» ($U = 2119, p = 0,001$). Таким образом, результаты исследования локуса-контроля показали, что с возрастом повышаются вера в собственные силы, позволяющая контролировать события своей жизни, а также убежденность в возможности контроля и управления жизнью. Такой оптимистичный взгляд можно объяснить тем, что в выборку вошли люди пожилого и старческого возраста, являющиеся клиентами Центра социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов «Забота». Они по собственной инициативе посещают центр дневного пребывания, вовлечены в активные виды деятельности, посещают кружки, групповые занятия, выезжают на экскурсии, имеют разносторонний круг общения и взаимодействия друг с другом. Это подтверждает мнение многих российских и зарубежных психологов о том, что активность в позднем возрасте, самостоятельность выбора жизнедеятельности способствуют как удовлетворенности жизнью, так и наличию осмысленного видения своего прошлого, настоящего и будущего. У представителей данной категории есть ощущение того, что они способны быть «хозяевами жизни» и управлять ею.

Активная включенность в социальные виды деятельности в процессе посещения Центра усиливает чувство ответственности за свое поведение перед собой и другими людьми, помогая человеку поверить в собственные силы, контролировать жизненные события и ситуации. Важность вовлеченности людей позднего возраста в жизнь в своих работах отмечали Э. Эриксон и М.В. Ермолаева. Так, Э. Эриксон, анализирувавший истории жизни людей старческого возраста и то, как они справлялись с трудностями и проблемами, пришел к выводу, что активный образ жизни и участие в различных видах деятельности (семейной, общественной, оздоровительной) позволяют сохранить жизнедеятельность в старости [12]. М.В. Ермолаева также утверждает, что

люди с высоким уровнем активности, ведущие поиск новых путей включения в общественную жизнь, планирующие свою жизнь на пенсии, реализующие себя в увлекательных занятиях, могут переживать чувство свободы, выявлять для себя новые способности и возможности. По ее мнению, занятие интересным делом, установление новых дружеских связей, сохранение способности контролировать свое окружение порождают удовлетворенность жизнью и увеличивают ее продолжительность [6].

Результаты исследования по методикам «Индекс жизненной удовлетворенности» (в адаптации Н.В. Панина), шкалы субъективного благополучия (М.В. Соколова), шкалы удовлетворенности условиями жизни и шкалы удовлетворенности основными жизненными потребностями (О.С. Копина) показали значимые различия в группах респондентов пожилого и старческого возраста по таким показателям удовлетворенности жизнью, как «напряженность и чувствительность» и «удовлетворенность условиями жизни» (табл. 1). Снижение уровня напряженности и чувствительности в группе респондентов старческого возраста, на наш взгляд, может быть вызвано постепенной утратой значимых глубоких социальных связей, эмоциональным уходом во внутренний мир, в переживания, связанные с оценкой и осмыслением прожитой жизни, что не всегда способствует формированию чувства удовлетворенности жизнью и основными жизненными потребностями.

Таким образом, можно констатировать, что для людей пожилого и старческого возраста существуют единые нормативные критерии и стандарты, в соответствии с которыми человек ощущает удовлетворенность собственной жизнью. Люди старческого возраста в равной мере с пожилыми могут формировать систему отношений к различным сферам жизнедеятельности, испытывать связанную с этим психоэмоциональную симптоматику, изменения настроения, способны оценивать значимость социального окружения, здоровья, степень удовлетворенности повседневной деятельностью, степень удовлетворенности основными жизненными потребностями. Однако для этого нужна определенная работа специалистов помогающих профессий, цель которой – поддержание и развитие социальных и личностных ресурсов пожилых людей и стариков.

Результаты исследования показали повышение уровня удовлетворенности условиями жизни в старческом возрасте. Это может говорить о том, что с возрастом растет тенденция к пересмотру установок, ценностей и взглядов на окружающую действительность в сторону их снижения и достаточности в аспекте имеющихся в распоряжении человека корректирующих возможностей. Быт и основные жизненные условия проживания воспринимаются как удовлетворительные и вполне пригодные. Данные результаты согласуются с выводами, сделанными известным российским геронтологом Н.В. Шахматовым о

сформированной и самодостаточной жизненной позиции в старости. Ученый описывает опыт работы с пожилыми людьми в домашних условиях и домах-интернатах, положительно оценивающих старческое бытие и довольных своей старостью. Окружающая жизнь и быт, отмечает Н.Ф. Шахматов, воспринимаются ими терпимо, такими, какие они есть, зато на первый план выходят новые интересы и приоритеты (обращение к природе, укрепление морально-нравственных установок, желание быть полезными окружающим) [13].

Т а б л и ц а 1

Возрастные различия показателей удовлетворенности жизнью

Показатели удовлетворенности жизнью	Средние значения	
	Респонденты пожилого возраста	Респонденты старческого возраста
Индекс ЖУ	19,67	20,80
Напряженность и чувствительность	11,40*	10,56*
Психозмоциональная симптоматика	11,65	11,49
Изменения настроения	7,63	7,36
Значимость социального окружения	9,13	8,60
Самооценка здоровья	8,77	8,64
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	11,49	11,08
Стены по шкале субъективного благополучия	6,77	6,47
Удовлетворенность условиями жизни	42,93**	44,68**
Удовлетворенность основными жизненными потребностями	37,28	37,86

* $p = 0,032$; ** $p = 0,020$.

Для определения влияния пола на удовлетворенность жизнью в нашем исследовании производились сравнения основных показателей в группах мужчин и женщин пожилого и старческого возраста. Установлено, что существует связанная с полом специфика ощущения людьми пожилого и старческого возраста удовлетворенности жизнью.

Вначале были проанализированы результаты значимых различий показателей удовлетворенности жизнью женщин и мужчин в группе респондентов пожилого возраста (табл. 2). Результаты показали, что у представителей мужского пола по сравнению с представителями женского пола статистически достоверно выше значения показателей «индекс жизненной удовлетворенности» ($U = 736$, $p = 0,02$), «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» и ниже значения таких показателей, как «признаки психозмоциональной симптоматики» ($U = 678$, $p = 0,000$), «самооценка здоровья» ($U = 774$, $p = 0,004$), «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» ($U = 902$, $p = 0,048$) и «стены по шкале субъективного благополучия» ($U = 811$, $p = 0,01$). Таким образом, результаты проверки значимости различий по-

казали, что пожилые мужчины, в отличие от пожилых женщин, могут в значительной мере выше оценивать уровень удовлетворенности своей жизнью, ощущать более низкую степень проявлений психоэмоциональных состояний, ставить выше самооценку здоровья, испытывать низкую степень эмоционального дискомфорта.

Т а б л и ц а 2

**Половые различия показателей удовлетворенности жизнью
в группе пожилых респондентов**

Показатели удовлетворенности жизнью	Средние значения	
	Респонденты женского пола	Респонденты мужского пола
Индекс ЖУ	18,73	20,65
Напряженность и чувствительность	11,80	10,98
Психоэмоциональная симптоматика	12,68	10,57
Изменения настроения	7,76	7,49
Значимость социального окружения	9,42	8,83
Самооценка здоровья	9,29	8,23
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	11,94	11,01
Стены по шкале субъективного благополучия	7,38	6,13
Удовлетворенность условиями жизни	42,96	42,90
Удовлетворенность основными жизненными потребностями	36,66	37,88

Далее были проанализированы результаты значимых различий между женщинами и мужчинами в группе респондентов старческого возраста (табл. 3). Результаты показали, что у мужчин статистически достоверно выше, чем у женщин, значения показателя «удовлетворенность жизненных потребностей» ($U = 887$, $p = 0,038$) и ниже значения показателей «признаки психоэмоциональной симптоматики» ($U = 902$, $p = 0,048$), «самооценка здоровья» ($U = 775$, $p = 0,004$). Это позволяет предположить, что мужчины в старческом возрасте бывают более удовлетворены, чем женщины, отношениями в семье, питанием, отдыхом, положением в обществе, общением с друзьями и людьми, близкими по интересам. Женщины же чаще отмечают признаки психоэмоциональных проявлений и неудовлетворенность своим здоровьем. Н.Ф. Шахматов подтверждает мнение о том, что отношение к ненужности и болезненности в старости, аффективная окраска этого чувства находятся в прямой зависимости от пола. По его мнению, пожилые и старые женщины уделяют больше внимания своему здоровью, чаще посещают врача, чаще жалуются на свои старческие недуги [13].

Отсутствие половых различий в старческой группе респондентов по другим показателям удовлетворенности жизнью («индекс жизненной удовлетворенности», «степень удовлетворенности повседневной деятельностью», «стены по шкале субъективного благополучия») мож-

но объяснить тем, что в результате процесса старения прекращается воздействие многих биологических и социальных факторов, контролирующих половые психические особенности, вследствие чего происходит возрастное «стирание» различий.

Т а б л и ц а 3

**Половые различия показателей удовлетворенности жизнью
в группе респондентов старческого возраста**

Показатели удовлетворенности жизнью	Средние значения	
	Респонденты женского пола	Респонденты мужского пола
Индекс ЖУ	20,07	21,61
Напряженность и чувствительность	10,96	10,13
Психозэмоциональная симптоматика	12,28	10,61
Изменения настроения	7,37	7,34
Значимость социального окружения	8,66	8,53
Самооценка здоровья	9,37	7,84
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	11,11	11,05
Стены по шкале субъективного благополучия	6,93	5,95
Удовлетворенность условиями жизни	44,35	45,05
Удовлетворенность основными жизненными потребностями	36,44	39,44

Таким образом, было установлено, что значимые различия в зависимости от фактора половой принадлежности присутствуют по большинству значимых компонентов удовлетворенности жизнью в выборке пожилых респондентов. Однако следует отметить, что половая специфика удовлетворенности жизнью в старческом возрасте тоже существует, но становится менее выраженной по мере старения. Предположительно стирание различий, обусловленных полом, в старческом возрасте объясняется тем, что по мере старения происходит изменение биологических и социальных предпосылок для них.

При определении факторов, способствующих формированию высокого уровня удовлетворенности жизнью, сравнивались группы с высоким и низким показателями индекса жизненной удовлетворенности, а также две крайние группы, контрастные по показателям шкалы субъективного комфорта: первая группа – респонденты с крайне высокими и высокими оценками по данной шкале, вторая группа – респонденты с крайне низкими и низкими оценками (респонденты со средними оценками не учитывались).

Проведенное исследование позволило выявить ряд закономерностей. В группе респондентов пожилого и старческого возраста все основные показатели по субшкалам смысловых ориентаций («цели», «процесс», «результат», «локус контроля – Я», «локус контроля –

жизнь», «общий показатель осмысленности жизни») на 0,01% по уровню статистической значимости выше у респондентов с высоким показателем индекса жизненной удовлетворенности, чем у респондентов с низкими значениями этого показателя. При этом основные показатели конфликтности в ценностно-смысловой сфере («индекс расхождения ценности – доступности», «внутриличностные конфликты», «внутриличностные вакуумы») на 0,01% по уровню статистической значимости ниже у респондентов с высоким показателем индекса жизненной удовлетворенности, чем у респондентов с низким значением этого показателя.

В группе респондентов пожилого и старческого возраста все основные показатели по субшкалам смысложизненных ориентаций («цели», «процесс», «результат», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь», «общий показатель осмысленности жизни») на 0,01% выше у респондентов с высоким уровнем эмоционального комфорта (низкие оценки по шкале субъективного благополучия), чем у респондентов с низким уровнем эмоционального комфорта (высокие оценки по шкале субъективного благополучия). Вместе с тем основные показатели конфликтности в ценностно-смысловой сфере («индекс расхождения ценности – доступности», «внутриличностные конфликты», «внутриличностные вакуумы») на 0,01% по уровню статистической значимости ниже у респондентов с высоким уровнем эмоционального комфорта (низкие оценки по шкале субъективного благополучия), чем у респондентов с низким уровнем эмоционального комфорта (высокие оценки по шкале субъективного благополучия).

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что в позднем возрасте люди с высоким уровнем удовлетворенности жизнью имеют более высокие уровни осмысленности жизни и сформированности смысложизненных ориентаций. Таких людей характеризует наличие целей в жизни (направленность на будущее), интерес и эмоциональная насыщенность жизни (направленность на процесс, настоящее), удовлетворенность самореализацией, высокий локус контроля – Я (вера в свои силы строить и контролировать жизненные события) и высокий локус контроля – жизнь (убежденность в свободе принятия решений и управляемости жизнью). Одновременно с этим у людей позднего возраста с высоким уровнем удовлетворенности жизнью ниже значения показателей «внутриличностные конфликты», «внутриличностные вакуумы» и ниже степень расхождения (уровень дезинтеграции) между ценностями и их доступностью в ценностно-смысловой сфере.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Структура смысложизненных ориентаций не претерпевает существенных изменений с возрастом.

2. У людей, вовлеченных в активную деятельность, с возрастом повышается локус контроля (вера в собственные силы, позволяющая контролировать события собственной жизни, а также убежденность в возможности контроля и управляемости жизнью).

3. На протяжении позднего возраста человек обладает достаточно стабильным уровнем удовлетворенности жизнью. Респонденты старческого возраста в равной степени с пожилыми могут формировать собственную систему отношений к жизни и ее аспектам, испытывать чувство эмоционального комфорта и состояние удовлетворенности основными жизненными потребностями.

4. С возрастом происходит снижение уровня удовлетворенности жизнью по субшкале «Напряженность и чувствительность». В старческом возрасте люди в большей степени испытывают снижение психической напряженности и «истощение» чувствительности вследствие постепенной утраты глубоких социальных связей, замкнутости интересов старого человека на своем внутреннем мире. При этом с возрастом происходит повышение уровня по шкале «удовлетворенность условиями жизни». Испытуемые в старческом возрасте пересматривают отношение к окружающей действительности, проявляют неприхотливость к быту и терпимость к условиям проживания, формируют самодостаточную жизненную позицию.

5. Пожилые мужчины в отличие от пожилых женщин могут в значительной мере выше оценивать уровень удовлетворенности жизнью, ощущать более низкую степень проявлений психоэмоциональных состояний, ставить выше самооценку здоровья, испытывать низкую степень эмоционального дискомфорта. Женщины старческого возраста чаще мужчин отмечают признаки психоэмоциональных проявлений и неудовлетворенность своим здоровьем.

6. С возрастом происходит «стирание» различий в структурах удовлетворенности жизнью мужчин и женщин. Вероятно, значимость подобных характеристик с возрастом уменьшается и ослабляет свое влияние на состояние удовлетворенности жизнью.

7. Люди пожилого и старческого возраста с высоким уровнем удовлетворенности жизнью по сравнению с людьми с низким уровнем удовлетворенности жизнью имеют более высокий уровень осмысленности жизни и выше – уровень сформированности смысло-жизненных ориентаций. Они отличаются сформированностью целей и направленностью на будущее, заинтересованностью процессом жизни, удовлетворенностью своим прошлым и самореализацией, верой в собственные силы контроля событий и убежденностью в свободе принятия решений и управляемости жизнью.

8. Люди пожилого и старческого возраста с высоким уровнем удовлетворенности жизнью обладают меньшей степенью рассогласования между ценностями и их доступностью и меньшими показателя-

ми «внутриличностных конфликтов» и «вакуумов» в ценностно-смысловой сфере, чем респонденты с низким уровнем удовлетворенности жизнью.

На основании вышеизложенного установлено, что структура смысловых ориентаций остается практически неизменной на протяжении позднего этапа онтогенеза. Однако отмечено, что с возрастом у людей, ведущих активную деятельность, повышается вера в собственные силы, позволяющая контролировать события собственной жизни, а также убежденность в возможности контроля и управляемости жизнью, чему, несомненно, способствует пребывание в привычных для человека социальных средах. Уровень удовлетворенности жизнью в позднем возрасте по большинству показателей не претерпевает существенных изменений, это свидетельствует о том, что люди старческого возраста в равной степени с пожилыми переосмысливают важные жизненные события и дают им итоговую оценку, испытывают схожие уровни эмоционального комфорта или эмоционального дискомфорта, схожее состояние удовлетворенности основными жизненными потребностями. Интересно, что с возрастом происходит стирание различий в структурах удовлетворенности жизнью мужчин и женщин.

Таким образом, анализ межгрупповых различий респондентов с высоким и низким уровнем удовлетворенности жизнью позволяет предположить, что данный фактор в пожилом и старческом возрасте зависит от уровня осмысленности жизни и сформированности смысловых ориентаций личности, а также степени внутриличностной конфликтности и дезинтеграции в ценностно-смысловой сфере.

Литература

1. Жуков В.И. Демографический потенциал России и стран мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. № 1(112). С. 4–15.
2. Селигман М. Новая позитивная психология. М. : София, 2006. 368 с.
3. Дубовик Ю.Б. Исследование психологического благополучия в пожилом и старческом возрасте // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 1 (15).
4. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб. : Питер, 2003. 270 с.
5. Steptoe A., Demakakos P., Oliveira C. The Psychological Well-Being, Health and Functioning of Older People in England // The Dynamics of Ageing. 2012. P. 99–142.
6. Ермолаева М.В. Психолого-педагогическое сопровождение пожилого человека : учеб. пособие. М. : НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет», 2011. 464 с.
7. Панина Н.В. Индекс жизненной удовлетворенности // Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути. М. : Прогресс-Культура, 1993. С. 107–114.
8. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия: руководство. 2-е изд. Ярославль : Изд-во НПП «Психодиагностика», 1996. 17 с.
9. Копина О.С., Сулова Е.А., Заикин Е.В. Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 119–133.

10. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М. : Смысл, 1992. 16 с.
11. *Фанталова Е.Б.* Психометрическое исследование показателей методики «Уровень соотношения “ценности” и “доступности”» // Журнал практикующего психолога. 2010. Вып. 17. С. 175–201.
12. *Erikson E.H., Erikson J.M., Kivnick H.Q.* Vital Involvement in Old Age. N.Y. ; L. : Norton, 1995. 352 p.
13. *Шахматов Н.Ф.* Старение. Норма и патология / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара : БАХРАМ-М, 2009. 736 с.

СУСЛОВА Татьяна Федоровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Российского государственного социального университета (г. Москва).

E-mail: sibir812@mail.ru

ЖУЧКОВА Светлана Михайловна, аспирант кафедры социальной психологии Российского государственного социального университета (г. Москва).

E-mail: fotine@mail.ru

THE STUDY OF LIFE SATISFACTION AND LIFE-PURPOSE ORIENTATIONS AT ELDERLY AND SENILE AGE

Suslova Tatiana F., Zhuchkova Svetlana M. Social Psychology Department at the Russian State Social University (Moscow, Russian Federation)

E-mail: sibir812@mail.ru; fotine@mail.ru

Keywords: elderly age; old age; life satisfaction; life-purpose orientation; emotional comfort; emotional discomfort.

Abstract

The aim of the study is the analysis of mental characteristics of people in terms of life satisfaction and the presence of life-purpose orientations at elderly and senile age.

The results of the study are designed to solve topical problems on the optimization of mental aging of a person, due to both specific factors of aging and demographic changes in population towards its aging with regard to the fact that the problem of life-purpose orientations and life satisfaction of elderly people is considered to be an understudied issue in the aspects of age- and gender-related features of this phenomenon, the existence and character of relationship between the components of life satisfaction and life-purpose orientations, as well as the manifestations of disintegration in the value-semantic field.

The following factors are analyzed as the test hypotheses: the differences in life satisfaction in elderly and senile age, the differences in the structure of life orientations in elderly and senile people with high and low levels of life satisfaction, the presence of factors that contribute to the formation and maintenance of life satisfaction in elderly and senile people, and the change in the differences in the structure of life satisfaction in men and women with age.

The test contingent consisted of 162 respondents from the Zabota social service center for elderly and disabled people in the age range 55 - 90, consisting of people of elderly and senile age; the questioning is carried out in the form of personal interviews followed by filling in the forms.

The results of the study lead to the following conclusions. The structure of life orientations remains largely unchanged throughout the late stage of ontogenesis; however, people become more self-confident with age, which allows them control the events of their life, as well as the belief in their ability to control and manage their life. The level of life satisfaction does not experience significant changes with age according to most indicators, which

proves that age is not the main factor determining whether or not a person is satisfied with life. However, the analysis of intergroup differences suggests that life satisfaction may depend on the meaningfulness of life and life-purpose orientations of a person, as well as on the value-semantic sphere. Thus, respondents with high levels of life satisfaction differ in the formation of goals and directions for future, commitment to the process of life, satisfaction with their past and self-realization, faith in their own strength and conviction in their freedom of making decisions and controlling life. They are characterized by lower disintegration in the value-semantic sphere and lower conflict rates.

References

1. Zhukov V.I. Demograficheskiy potentsial Rossii i stran mira [Demographic potential of Russia and countries of the world]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2013, no. 1(112), pp. 4-15.
2. Seligman M. *Novaya pozitivnaya psikhologiya* [New positive psychology]. Translated from English by I. Solukha. Moscow: Sofiya Publ., 2006. 368 p.
3. Dubovik Yu.B. Study of psychological well-being in elderly people. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*, 2011, no. 1 (15). (In Russian).
4. Argyle M. *Psikhologiya schast'ya* [Psychology of happiness]. Translated from English by M.V. Gulina, N.G. Mkervali. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 270 p.
5. Steptoe A., Demakakos P., Oliveira C. *The psychological well-being, health and functioning of older people in England*. In: The dynamics of ageing. 2012, pp. 99-142.
6. Ermolaeva M.V. *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie pozhilogo cheloveka* [Psychological and pedagogical support of the elderly person]. Moscow: Moscow Psychological and social University Publ., 2011. 464 p.
7. Panina N.V. *Indeks zhiznennoy udovletvorennosti* [The life satisfaction index]. In: Kronik A. (ed.) *Lifeline i drugie novye me-tody psikhologii zhiznennogo puti* [Lifeline and other new methods of psychology of the way of life]. Moscow: Progress-Kul'tura Publ., 1993, pp. 107-114.
8. Sokolova. M.V. *Shkala sub"ektivnogo blagopoluchiya* [The scale of subjective well-being]. Yaroslavl: Psikhodiagnostika Publ., 1996. 17 p.
9. Kopina O.S., Suslova E.A., Zaikin E.V. *Ekspress-diaagnostika urovnya psikhoemotsional'nogo napryazheniya i ego istochnikov* [The quick diagnostics of mental and emotional stress and its sources]. *Voprosy psikhologii*, 1995, no. 3, pp. 119-133.
10. Leontyev D.A. *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO)* [The test life orientations]. Moscow: Smysl Publ., 1992. 16 p.
11. Fantalova E.B. *Psikhometricheskoe issledovanie pokazateley metodiki Uroven' sootnosheniya "tsennosti" i "dostupnosti"* [Psychometric study of performance technique values "level ratio" and "Accessibility"]. *Zhurnal praktikuyushchego psikhologa*, 2010. Issue 17, pp. 175-201.
12. Erikson E.H., Erikson J.M., Kivnick H.Q. *Vital involvement in Old Age*. N.Y.; L.: Norton, 1995. 352 p.
13. Shakhmatov N.F. *Starenie. Norma i patologiya* [Aging. Norm and pathology]. Samara: BAKhRAM-M, 2009. 736 p.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ВОСПРИЯТИЯ ЕЮ СРЕДЫ СВОЕГО САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ

М.А. Мартынова¹, С.А. Богомаз²

¹ Лесосибирский педагогический институт – филиал
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (Лесосибирск, Россия),

² Томский государственный университет (Томск, Россия)

*Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда, проект 14-06-18024, «Индивидуальные достоинства
как фактор достижения благополучия в жизни».*

Аннотация. Представлены результаты исследования проблемы восприятия вузовской молодежью среды своего самоосуществления. В качестве среды самоосуществления выбран город. Личностный потенциал молодых людей выступает как ресурс самоосуществления, и от того, насколько этот ресурс осознан, раскрыт, зависит претворение в жизнь юношами и девушками конкретных стратегий самоосуществления. Кроме того, личностные особенности молодых людей выступают как линзы, сквозь которые они смотрят на окружающий мир и оценивают условия, в которых проживают, в том числе и городские условия. Следовательно, юноши и девушки, обладающие различными личностными свойствами, будут по-разному оценивать городские условия с точки зрения наличия в них возможностей для самоосуществления. Экспериментальное исследование было проведено в городах Томск и Лесосибирск (Красноярский край), в нем участвовали студенты старших курсов, магистранты и аспиранты, изучающие специальности гуманитарного профиля. В лесосибирской и томской выборках были выделены по два кластера. Для молодых жителей, которые вошли в кластер 1 в обеих подгруппах, характерны негативное оценивание городских условий и невысокие показатели личностного потенциала (низкая склонность к самоорганизации и самодетерминации, склонность к самокопанию). Напротив, юноши и девушки из кластера 2 в лесосибирской и томской выборках отличаются позитивной оценкой городских условий и высокими показателями личностного потенциала (склонность к самоорганизации, склонность к самодетерминации, системная рефлексия, карьерная ориентация на служение, карьерная ориентация на предпринимательство).

Ключевые слова: личностный потенциал; самоосуществление; городская среда; социокультурные условия; базисные ценности; самоорганизация; самодетерминация.

Для современной вузовской молодежи средой жизненного самоосуществления прежде всего является город, в котором она проживает и учится. Однако в настоящее время для большинства юношей и деву-

шек характерно стремление переехать в крупные города, в развитых социокультурных условиях которых сосредоточено большое количество возможностей для профессионального и личностного развития. Поскольку традиционно молодежь является основной движущей силой в становлении общества, постольку переезд молодых людей может способствовать снижению темпов развития средних и малых городов. В этой связи становится важным изучение представлений вузовской молодежи о среде своего жизненного самоосуществления, особенно с учетом того, что особенности восприятия среды в существенной мере влияют на поведение человека [1–3].

При рассмотрении категории «самоосуществление» необходимо обратиться к этимологическому анализу. В словаре Д.Н. Ушакова родовое для этого понятия слово «осуществиться» означает «исполниться, воплотиться в действительность». В научно-техническом словаре термин «самоосуществление» определяется как «проявление и реализация своих способностей». В зарубежных психологических и философских словарях категория «самоосуществление» (self-fulfillment) чаще трактуется как свершившийся, конечный результат самореализации, полная реализация возможностей личности [4].

Одной из предпосылок для разработки проблемы самоосуществления в психологии стала предложенная Куртом Гольдштейном в первой половине XX в. идея самоактуализации [5. С. 11]. В свою очередь, И.О. Логинова уточняет, что именно К. Гольдштейн ввел в научный оборот термин «самоосуществление» [6. С. 63]. Различные аспекты проблемы самоосуществления отражены в научных работах К.Г. Юнга, К. Хорни, В. Франкла, К. Роджерса, А. Маслоу, Г. Олпорта, Ш. Бюлер, Дж. Бьюджентала. В отечественной психологической науке анализ этой проблемы связан с трудами К.А. Абульхановой-Славской, Б.С. Братуся, Э.В. Галажинского, К.Л. Зайцева, Л.А. Коростылевой, И.О. Логиновой, Е.А. Лукиной, Е.В. Селезневой, Н.Ф. Хилько, Л.Н. Храмцовой, Е.В. Четошниковой и др.

Тем не менее в психологии однозначного определения понятия «самоосуществление» не сформулировано, и в рамках каждой из многочисленных концепций предлагается свой, особый взгляд на содержание этой категории. Однако И.О. Логинова подчеркивает, что в отечественной психологии к опорным точкам в понимании термина «самоосуществление» можно отнести следующие:

- 1) самоосуществление – это одновременно процесс (движение к своим сущностным, истинным началам) и результат (бытие истины и истина бытия);
- 2) самоосуществление подразумевает, что активность в процессе движения к сущности исходит от самого человека, т.е. осуществить себя может только сам человек;

3) самоосуществление как сформулированный в качестве цели результат задает направление саморазвития человека в целом; оно представляет собой сознательный процесс самосовершенствования с целью эффективной самореализации на основе внутренне значимых устремлений и внешних влияний;

4) самоосуществление есть тенденция к самораскрытию и саморазвертыванию творческого потенциала человека [6. С. 77].

В настоящее время постепенно оформляется тенденция к изучению категории «самоосуществление» в рамках теории психологических систем, предложенной В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцевой и Э.В. Галажинским. Согласно этому подходу человек рассматривается как открытая психологическая система, которая может взаимодействовать с окружающей средой; в процессе этого взаимодействия происходит ее закономерное усложнение за счет способности к самоорганизации [6, 7].

При взаимодействии открытой психологической системы со средой действует логика «психологического гомеореза», согласно которой в ней одновременно функционируют две встречные детерминации: «необходимость – возможность – действительность» и «возможность – необходимость – действительность». Наличие второй из них свидетельствует о том, что человек как открытая психологическая система способен не только адаптироваться к условиям окружающей его среды, но и использовать их как возможности для собственного развития. В связи с этим Э. Ласло подчеркивает, что открытые системы всегда требуют среду определенного типа, в которой богатый и постоянный источник энергии расширяет систему [7].

Влияние среды (городская среда, социальное окружение, социокультурные условия) на процесс самоосуществления проявляется в том, что она выступает как пространство для реализации человеком своих возможностей. Однако переживание двумя людьми одной и той же среды никогда не будет одинаковым, и вследствие этого не каждый человек способен «увидеть» и претворить в жизнь все из сосредоточенных в средовых условиях потенциалов. Это обусловлено тем, что в большей мере на самоосуществление человека влияет не среда сама по себе, ее богатство и разнообразие, а особенности ее восприятия человеком, т.е. образ среды, выстроенный им в собственном сознании, его представление о ней. Человек смотрит на окружающую среду сквозь линзы гнева, печали, радости или удивления, а это в большей степени определяет его поведение, чем физические свойства реальной среды. Кроме того, по мнению В. Иттельсона, в случае, когда на первый план для человека выходят его личностные ценности, окружающие условия становятся менее важным фактором в формировании его поведения [2, 3].

Как правило, человек выбирает, какие из доступных для него потенциалов он реализует, при этом другие им отклоняются. С точки зрения

В.Б. Чупиной, в данном случае весь вопрос в том, насколько человек способен к свободному выбору из возможных альтернатив и созиданию и насколько он оказывается в состоянии твердо и последовательно осуществлять то, к чему толкает его свободный выбор [6, 8]. Достаточно важная роль в этом процессе принадлежит ценностям человека. Они заключают в себе осознанный смысл его жизнедеятельности, благодаря чему жизненный мир человека приобретает характеристики действительности. В.Е. Ключко также отмечает, что ценность есть системное качество, характеризующее «напряженную возможность» человека, спроецированную в предмет [7]. Ценности играют важную роль в формировании представления человека об окружающей его среде, они являются критериями для её субъективного оценивания. Именно за счет них он осуществляет выбор в пользу той или иной возможности, поскольку они помогают перевести «вещи в себе» в «вещи для нас», отметить особой «эмоциональной окраской» то в мире, что имеет непосредственное отношение к человеку [6, 7]. В этой связи логично предположить, что если в среде сосредоточены такие возможности, которые соответствуют ценностям человека, то он скорее всего будет оценивать условия среды как благоприятные и сможет при наличии соответствующей мотивации претворить в жизнь те или иные стратегии самоосуществления.

Важно отметить, что процесс самоосуществления, по мнению Л.Н. Храмцовой, требует от человека постоянной готовности рисковать, ошибаться, находить разумные пути выхода из трудных ситуаций и отказываться от своих старых привычек, готовности преодолевать страх и тревогу [6]. Поэтому к числу ресурсов, на которые человек может опираться в процессе самоосуществления, по нашему мнению, относится и личностный потенциал. Эта категория определена Д.А. Леонтьевым как интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе ее способности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. Личностный потенциал отражает уровень личностной зрелости человека, а главной формой его проявления выступает феномен самодетерминации, т.е. осуществление деятельности в относительной свободе от заданных условий этой деятельности – как внешних, так и внутренних [9, 10]. Другими словами, личностный потенциал представляет собой совокупность ресурсов личностного плана, что необходимо учитывать, поскольку, как отмечает В.Е. Ключко, «чем большие возможности приобретает система, тем вариативнее ее будущее, разнообразнее направления ее развития» [6, 7]. Важно понять, какие особенности проявляются в восприятии городской среды как среды жизненного самоосуществления современной

вузовской молодежи и каким образом они взаимосвязаны с параметрами личностного потенциала. Выявление этих особенностей и взаимосвязей стало целью нашего исследования.

Были изучены параметры личностного потенциала вузовской молодежи и субъективного оценивания ею реализуемости базисных ценностей в городской среде. В исследовании приняли участие студенты старших курсов, магистранты и аспиранты, проживающие в двух сибирских городах (Лесосибирск Красноярского края и Томск) и обучающиеся по специальностям гуманитарного профиля. Общее количество испытуемых 272 человека (154 – из Лесосибирска, 118 – из Томска; данные города отличаются друг от друга по характеру социокультурных условий).

Лесосибирск – небольшой город с населением 60,6 тыс. чел. (по данным 2013 г.), является центром лесной и лесохимической промышленности в Красноярском крае (три крупных деревообрабатывающих комбината, речной порт, железнодорожная станция). В городе функционируют два высших учебных заведения.

Томск является административным центром области, численность населения 524,3 тыс. чел. (по данным 1.01.2011 г.); это образовательный, научный и инновационный центр Сибири. В городе работают шесть университетов (два из которых имеют официальный статус национальных исследовательских и входят в десятку университетов России по оценке Министерства образования и науки РФ), 15 НИИ, созданы особая экономическая зона технико-внедренческого типа, различные инновационные центры и 8 бизнес-инкубаторов.

Участники исследования из г. Томска обучаются в Томском государственном университете. Учрежденный по указу императора в 1878 г. и официально открытый спустя 10 лет, он является классическим университетом со сложившимися традициями гуманитарного образования. Это следует иметь в виду, поскольку ранее полученные результаты продемонстрировали существенные психологические различия у студентов, обучающихся по специальностям гуманитарного и негуманитарного профилей [11, 12].

Показатели личностного потенциала были определены с помощью следующих методик: опросник самоорганизации деятельности (авт. Е.Ю. Мандрикова), методика дифференциальной диагностики рефлексивности (авт. Д.А. Леонтьев), шкала «Самодетерминация личности» (авт. Б. Шелдон, адапт. Е.Н. Осина), опросник «Якоря карьеры» (авт. Э. Шейн, модиф. С.А. Богомаза), шкала «Удовлетворенность жизнью» (авт. Э. Динер). Для изучения специфики восприятия вузовской молодежью городской среды использовалась методика «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (авт. С.А. Богомаз, далее – методика СОРБЦ) [13]. Полученные результаты организованы в электронную базу данных и обработаны с помощью методов описательной статистики, корреляционного (r -коэффициент Ч. Спирмена) и

кластерного анализа (метод k-средних), расчета t-критерия Стьюдента. Основные математические расчеты произведены на базе программы Statistica 7.0.

С помощью метода k-средних в обеих выборках были выделены по два кластера, между которыми зафиксированы различия в средних значениях оценки реализуемости 20 базисных ценностей по методике СОРБЦ. Нами выбран именно этот критерий для разделения групп на кластеры, поскольку необходимо было определить, какие сочетания личностных свойств отмечаются у молодых людей, воспринимающих городские условия как благоприятные и как неблагоприятные. Профили средних значений по данной методике для каждого из кластеров изображены на рис. 1. Количественный состав кластеров оказался следующим: Лесосибирск: кластер 1 – 78 чел., кластер 2 – 76 чел.; Томск: кластер 1 – 38 чел., кластер 2 – 80 чел.

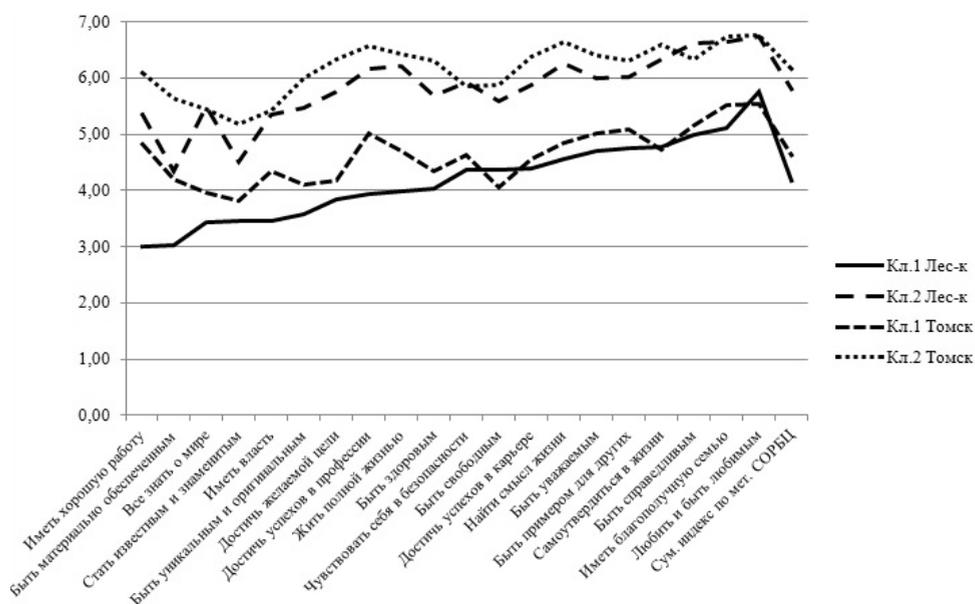


Рис. 1. Профили средних значений оценок реализуемости базисных ценностей (в баллах) по методике СОРБЦ в отношении четырех выделенных кластеров

Для молодых людей из Лесосибирска, которые вошли в кластер 1, характерно оценивание городских условий как не вполне благоприятных (суммарный индекс реализуемости ценностей по методике СОРБЦ = $4,18 \pm 0,66$ балла). По их мнению, городская среда в большей степени располагает условиями для удовлетворения таких потребностей, как «любить и быть любимым» ($5,76 \pm 1,63$ балла), «иметь благополучную семью» ($5,10 \pm 1,55$ балла), «быть справедливым» ($4,99 \pm 1,66$ балла). Минимальные значения были получены в отношении реализуемости следующих базисных ценностей: «иметь хорошую работу» ($2,99 \pm 1,62$ балла), «быть материально обеспеченным» ($3,02 \pm 1,67$ балла).

ла), «все знать о мире» (3,44±1,62 балла). В свою очередь, вузовская молодежь, принадлежащая к кластеру 2, дает более высокую оценку потенциалу города (суммарный индекс реализуемости базисных ценностей по методике СОРБЦ = 5,82±0,53 балла). Респонденты определяют городские условия как благоприятные и уверены, что в них могут быть реализованы такие базисные ценности, как «любить и быть любимым» (6,74±0,59 балла), «иметь благополучную семью» (6,65±0,74 балла), «быть справедливым» (6,62±0,55 балла). В меньшей степени городская среда, по их мнению, располагает возможностями для удовлетворения следующих потребностей: «быть материально обеспеченным» (4,34±2,04 балла), «стать известным и знаменитым» (4,51±1,56 балла).

Молодые люди из Томска, которые были отнесены к кластеру 1, также оценивают условия города как не совсем благоприятные (суммарный индекс реализуемости базисных ценностей по методике СОРБЦ = 4,63±0,62 балла), т.е. эти условия едва ли могут способствовать достижению успеха в профессиональной и личной сферах. Они предполагают, что в городской среде можно воплотить в жизнь следующие базисные ценности: «любить и быть любимым» (5,55±1,72 балла), «иметь благополучную семью» (5,53±1,41 балла), «быть справедливым» (5,16±1,23 балла). Однако потенциал города недостаточен для того, чтобы «стать известным и знаменитым» (3,82±1,43 балла), «все знать о мире» (3,97±1,38 балла). Томичи, которые вошли в кластер 2, определяют городские условия как располагающие возможностями для профессионального развития, создания семьи и отдыха (суммарный индекс реализуемости базисных ценностей по методике СОРБЦ = 6,17±0,42 балла). По их мнению, условия города способствуют удовлетворению потребности в том, чтобы «любить и быть любимым» (6,78±0,55 балла), «иметь благополучную семью» (6,75±0,54 балла), «найти смысл жизни» (6,64±0,68 балла), «достичь успехов в профессии» (6,56±0,73 балла). В то же время базисные ценности «стать известным и знаменитым» (5,18±1,46 балла), «иметь власть» (5,43±1,21 балла) могут быть реализованы в меньшей степени.

Таким образом, сравнение средних значений оценки реализуемости 20 базисных ценностей в городской среде по методике СОРБЦ в отношении разных кластеров показало, что молодые люди из кластера 1 в обеих выборках оценивают условия города как не совсем благоприятные для личностно-профессионального развития. Напротив, юноши и девушки из кластера 2 в обеих подгруппах убеждены в том, что городские условия располагают достаточным количеством возможностей для освоения профессии и личностного роста. При этом социокультурные условия обоих сибирских городов в большей мере способствуют поиску спутника жизни, созданию благополучной семьи и соблюдению принципа справедливости. Томская вузовская молодежь, оценивающая

городские условия как благоприятные, уверена, что в этом городе можно достичь успехов в профессии. И молодые люди из Лесосибирска, и молодые люди из Томска убеждены, что в городской среде сложно найти возможности «стать известным и знаменитым» и «все знать о мире». По мнению респондентов из Лесосибирска, в этом городе тяжело достичь обеспеченности в материальном плане, молодежь негативно оценивает условия Лесосибирска, уверена в том, что в городской среде сложно найти хорошую работу.

Для получения дополнительной информации о субъективном оценивании реализуемости базисных ценностей вузовской молодежью нами был проведен корреляционный анализ. Были выделены значимые корреляционные взаимосвязи между параметрами личностного потенциала и показателями по методике СОРБЦ в отношении всех четырех кластеров.

В кластере 1 из выборки Лесосибирска обнаружены достоверные зависимости между базисной ценностью «найти смысл жизни» и итоговым значением по шкале «Удовлетворенность жизнью» ($r = 0,30$ при $p \leq 0,01$). Соответственно, для молодых людей с низкой удовлетворенностью собственной жизнью характерны невысокие оценки городской среды в отношении поиска смысла жизни.

Получены неоднозначные корреляционные взаимосвязи между показателями по опроснику самоорганизации деятельности и базисными ценностями: шкалой «Ориентация на настоящее» и ценностью «найти смысл жизни» ($r = -0,36$ при $p \leq 0,01$), шкалой «Планомерность» и ценностью «быть примером для других» ($r = 0,29$ при $p \leq 0,01$), шкалой «Настойчивость» и ценностью «достичь успехов в профессии» ($r = -0,33$ при $p \leq 0,01$), шкалой «Фиксация» и ценностью «стать свободным» ($r = 0,30$ при $p \leq 0,01$), шкалой «Самоорганизация» и ценностью «достичь успехов в карьере» ($r = 0,34$ при $p \leq 0,01$), индексом целеустремленности и ценностью «иметь хорошую работу» ($r = -0,34$ при $p \leq 0,01$). Получается, что юноши и девушки с низкими показателями планомерности, сосредоточенности на процессе деятельности и склонности к самоорганизации не видят в городе возможности для того, чтобы быть примером для других, обрести свободу и достичь успехов в продвижении по карьерной лестнице. Однако и молодые люди с выраженной целеустремленностью, настойчивостью и ориентацией на настоящее (живут по принципу «здесь и сейчас», не витают в облаках) не воспринимают городскую среду как подходящую для реализации ценностей, связанных с достижением успехов в профессии, получением хорошей работы и обретением смысла жизни.

Показатели по опроснику «Якоря карьеры» в этой подгруппе достоверно взаимосвязаны со следующими базисными ценностями: шкала «Ориентация на служение» и ценность «все знать о мире» ($r = -0,30$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу для» и суммарный ин-

декс по методике СОРБЦ ($r = -0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу от» и суммарный индекс по методике СОРБЦ ($r = -0,34$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу от» и ценность «жить полной жизнью» ($r = -0,29$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу от» и ценность «иметь благополучную семью» ($r = -0,30$ при $p \leq 0,01$). Следовательно, молодые люди с выраженной карьерной ориентацией на служение другим людям склонны негативно оценивать городские условия в плане получения разносторонних знаний о мире. Для респондентов, у которых отмечается стремление освободиться от внешних ограничений и требований, характерны невысокая оценка городской среды как пригодной для проживания жизни в полном объеме, создания благополучной семьи, а также оценивание условий города как неблагоприятных в целом. Кроме того, молодые люди, которые стремятся стать свободными для выполнения важных дел и достижения значимых целей, также невысоко оценивают городскую среду в целом.

Следует отметить, что в этом кластере не было обнаружено значимых корреляционных взаимосвязей между результатами, полученными по методике СОРБЦ и методике «Дифференциальная диагностика рефлексивности», а также между результатами по методике СОРБЦ и шкалой «Самодетерминация личности».

Корреляционный анализ на основе результатов по кластеру 2 в выборке из Лесосибирска показал наличие взаимосвязей между следующими шкалами опросника самоорганизации деятельности и базисными ценностями: шкала «Фиксация» и ценность «быть уважаемым» ($r = 0,30$ при $p \leq 0,01$), шкала «Самоорганизация» и ценность «иметь власть» ($r = -0,37$ при $p \leq 0,01$), шкала «Планомерность» и ценность «быть справедливым» ($r = 0,29$ при $p \leq 0,01$), шкала «Целеустремленность» и ценность «быть справедливым» ($r = 0,39$ при $p \leq 0,01$), суммарное значение по опроснику самоорганизации деятельности и ценность «быть справедливым» ($r = 0,39$ при $p \leq 0,01$). Соответственно, молодые люди, для которых характерны планомерность, целеустремленность и фиксация на процессе деятельности, воспринимают городскую среду как благоприятную для того, чтобы стать уважаемым среди других людей и вести себя, придерживаясь принципа справедливости. В то же время у респондентов с высокой склонностью к самоорганизации наблюдается тенденция к негативной оценке города в плане получения власти.

Показатели по методике СОРБЦ значимо коррелируют с несколькими шкалами методики «Дифференциальная диагностика рефлексивности»: шкала «Фантазирование» и ценность «быть здоровым» ($r = -0,32$ при $p \leq 0,01$), шкала «Фантазирование» и ценность «жить полной жизнью» ($r = -0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Системная рефлексия» и ценность «быть справедливым» ($r = 0,31$ при $p \leq 0,01$). У молодых людей, которые принадлежат к этому кластеру, выраженная

склонность к фантазированию сопровождается низкой оценкой реализуемости базисных ценностей «быть здоровым» и «жить полной жизнью». Вместе с тем склонность к рефлексии деятельности связана с позитивной оценкой реализуемости ценности «быть справедливым».

Отдельные показатели по опроснику «Якоря карьеры» имеют достоверные взаимосвязи со следующими базисными ценностями: шкала «Ориентация на служение» и ценность «быть уважаемым» ($r = 0,32$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на служение» и ценность «быть примером для других» ($r = 0,32$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на служение» и ценность «самоутвердиться в жизни» ($r = 0,31$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу для» и ценность «быть уважаемым» ($r = 0,41$ при $p \leq 0,01$), шкала «Ориентация на свободу от» и ценность «самоутвердиться в жизни» ($r = 0,30$ при $p \leq 0,01$). Получается, что юноши и девушки с выраженной карьерной ориентацией на служение другим людям воспринимают городские условия как благоприятные для того, чтобы заслужить уважение других, стать примером для кого-то и самоутвердиться в жизни. Характерное для молодых людей из этого кластера стремление стать свободным, чтобы самостоятельно сделать что-то или достичь чего-то значимого, сопровождается высокой оценкой городской среды в плане достижения уважения в обществе. В то же время респондентам с выраженным стремлением освободиться от внешних ограничений и требований свойственна позитивная оценка городских условий с точки зрения возможностей для жизненного самоутверждения.

Шкалы методики «Самодетерминация личности» значимо взаимосвязаны со следующими базисными ценностями: шкала «Самовыражение» и ценность «быть свободным» ($r = 0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Самовыражение» и ценность «быть здоровым» ($r = 0,33$ при $p \leq 0,01$), шкала «Самовыражение» и суммарный индекс по методике СОРБЦ ($r = 0,36$ при $p \leq 0,01$), индекс самодетерминации и суммарный индекс по методике СОРБЦ ($r = 0,36$ при $p \leq 0,01$). Получается, что высокая склонность молодых людей к самодетерминации связана с высокой оценкой возможностей города с точки зрения обретения свободы и сохранения собственного здоровья, а также с оценкой города как комфортного, благоприятного в целом. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что значимых взаимосвязей между базисными ценностями, которые сопряжены с профессиональным развитием, в данном случае не обнаружено, т.е. молодые люди из Лесосибирска с выраженной склонностью к самодетерминации невысоко оценивают условия города в плане достижения успеха в профессии.

Однако в данной подгруппе не обнаружено корреляционных взаимосвязей между базисными ценностями и шкалой «Удовлетворенность жизнью».

С помощью расчета t-критерия Стьюдента были установлены достоверные различия между первой и второй подгруппами испытуемых из Лесосибирска по шкалам «Аутентичность» ($t = -3,82$ при $p = 0,00$), «Самовыражение» ($t = -3,88$ при $p = 0,00$), «Воспринимаемый выбор» ($t = -2,06$ при $p = 0,04$), «Индекс самодетерминации» ($t = -4,21$ при $p = 0,00$), «Самокопание» ($t = 2,86$ при $p = 0,00$), «Ориентация на служение» ($t = -2,54$ при $p = 0,01$). Следовательно, молодые жители Лесосибирска, которые были отнесены к кластеру 2, отличаются более высокой склонностью к самодетерминации, они в большей мере способны к тому, чтобы выступить причиной и источником собственного развития. Кроме того, они в меньшей мере склонны к самообвинению в случае возникновения трудностей и неудач, готовы связать будущую карьеру со служением другим людям, оказывать им помощь и поддержку. Для представителей кластера 1, в свою очередь, характерна невысокая склонность к самодетерминации, у них выражена тенденция к обвинению самих себя в случае неудач. Следует отметить, что между кластерами не обнаружено достоверных различий по шкалам опросника самоорганизации деятельности. Анализ «сырых» данных показал, что уровень склонности к самоорганизации молодых людей, принадлежащих к этим кластерам, является примерно одинаковым.

Для томичей, которые были отнесены к кластеру 1, выделены следующие взаимосвязи. Базисная ценность «достичь успехов в карьере» значимо коррелирует с суммарным показателем склонности к самоорганизации деятельности ($r = 0,52$ при $p \leq 0,01$) и индексом рациональности ($r = 0,48$ при $p \leq 0,01$), определяемыми с использованием опросника самоорганизации деятельности. В связи с этим можно отметить, что склонность вузовской молодежи к самоорганизации, проявление рациональности при планировании собственного будущего сочетаются с высокой оценкой условий города для самореализации в карьерном плане. Невысокая оценка городской среды в плане построения карьеры, в свою очередь, сочетается с низкой склонностью к самоорганизации и низким значением индекса рациональности.

Шкала «Ориентация на предпринимательство» опросника «Якоря карьеры» положительно коррелирует с потребностью «быть примером для других» ($r = 0,47$ при $p \leq 0,01$). Следовательно, молодые люди с выраженной карьерной ориентацией на предпринимательство высоко оценивают городские условия в отношении получения признания среди других людей.

Шкала «Самовыражение» методики «Самодетерминация личности» имеет достоверную взаимосвязь с базисной ценностью «иметь власть» ($r = 0,65$ при $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что юноши и девушки, которые стремятся к самовыражению, к тому, чтобы раскрыть свой потенциал в той или иной сфере деятельности, отличаются

высокой оценкой городской среды в плане реализации потребности в наличии власти.

Необходимо подчеркнуть, что в отношении этого кластера не было выделено ни одной значимой взаимосвязи между базисными ценностями и шкалами методики «Дифференциальная диагностика рефлексии», а также между базисными ценностями и показателями по методике «Удовлетворенность жизнью».

В отношении кластера 2, выделенного в томской подгруппе испытуемых, было обнаружено несколько значимых взаимосвязей между показателями шкалы «Самодетерминация личности» и методики СОРБЦ, а также между шкалами опросника самоорганизации деятельности и методики СОРБЦ. В частности, индекс самодетерминации прямо пропорционально коррелирует с такими базисными ценностями, как «достичь успехов в профессии» ($r = 0,37$ при $p \leq 0,01$), «любить и быть любимым» ($r = 0,33$ при $p \leq 0,01$), «стать известным и знаменитым» ($r = 0,33$ при $p \leq 0,01$), «быть справедливым» ($r = 0,38$ при $p \leq 0,01$). Кроме того, обнаружена достоверная зависимость между склонностью к самодетерминации и суммарным индексом по методике СОРБЦ ($r = 0,39$ при $p \leq 0,01$). Поэтому молодые люди со склонностью к самодетерминации в целом воспринимают условия города как благоприятные, но особенно высоко оценивают его потенциал для поиска будущего спутника жизни, профессиональной самореализации, получения всемирного признания и соблюдения принципа справедливости в осуществлении деятельности и построении отношений с другими людьми. Шкала «Самовыражение» этой же методики значимо взаимосвязана с такими базисными ценностями, как «достичь успехов в карьере» ($r = 0,46$ при $p \leq 0,01$) и «достичь поставленных целей» ($r = 0,32$ при $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что молодым людям, желающим найти такие сферы жизнедеятельности, в которых они смогут раскрыть собственный потенциал, свойственны высокие оценки городской среды в плане построения карьеры и реализации планов. Важно обратить внимание на тот факт, что склонность к самодетерминации в этой подгруппе испытуемых имеет достоверные взаимосвязи с базисными ценностями, которые могут быть реализованы в городской среде в меньшей степени (в частности, базисная ценность «стать известным и знаменитым»).

Индекс целеустремленности имеет положительные взаимосвязи с потребностями в том, чтобы «иметь благополучную семью» ($r = 0,38$ при $p \leq 0,01$) и «быть уважаемым» ($r = 0,34$ при $p \leq 0,01$), а также с суммарным индексом по методике СОРБЦ ($r = 0,34$ при $p \leq 0,01$). Вузовская молодежь со склонностью к постановке целей и проявлению усердия в процессе их достижения характеризуется позитивным восприятием возможностей города в целом, а также в отношении создания благополучной семьи и получения признания среди других людей. Ин-

декс рациональности значимо коррелирует с базисной ценностью «быть уважаемым» ($r = 0,47$ при $p \leq 0,01$). Получается, что юноши и девушки, которые склонны к проявлению рациональности, прагматичности в деятельности и опираются на принцип реальности в процессе ее выполнения, также оценивают городскую среду как благоприятную для получения признания среди других людей.

Между шкалой «Системная рефлексия» методики дифференциальной диагностики рефлексивности и базисной ценностью «быть уникальным и оригинальным» также обнаружена прямо пропорциональная зависимость ($r = 0,40$ при $p \leq 0,01$). Следовательно, молодые жители Томска, которые отличаются склонностью к системному анализу своих действий, рассмотрению минувших событий с позиции того, что было сделано верно, а что нет, позитивно оценивают условия города с точки зрения раскрытия их оригинальности и уникальности.

Карьерная «ориентация на служение» достоверно взаимосвязана с потребностью «быть справедливым» ($r = 0,30$ при $p \leq 0,01$). Следовательно, для молодых людей, которые стремятся связать свою карьеру с оказанием помощи и поддержки другим людям, характерно оценивание городской среды как благоприятной в плане соблюдения принципа справедливости при выполнении деятельности и построении отношений с другими людьми.

Значимых корреляционных взаимосвязей между базисными ценностями и шкалой «Удовлетворенность жизнью» в этом кластере выделено не было.

Сравнительный анализ показателей личностного потенциала молодых жителей Томска, распределенных по двум кластерам, позволил сделать вывод, что значимые различия между ними обнаружены в отношении шкал «Аутентичность» ($t = -4,15$ при $p = 0,00$), «Воспринимаемый выбор» ($t = -5,6$ при $p = 0,00$), «Самовыражение» ($t = -3,74$ при $p = 0,00$), «Индекс самодетерминации» ($t = -6,26$ при $p = 0,00$), «Системная рефлексия» ($t = -2,37$ при $p = 0,02$), «Самокопание» ($t = 2,98$ при $p = 0,00$), «Самоорганизация» ($t = -2,04$ при $p = 0,04$) и «Ориентация на служение» ($t = -3,29$ при $p = 0,00$). Респонденты, выделенные в кластер 2, отличаются более высокой склонностью к самодетерминации и самоорганизации, в большей мере ориентированы на служение другим людям и не склонны к чрезмерному самообвинению в случае неудач. Вполне возможно, что именно эти личностные особенности и оказывают влияние на восприятие вузовской молодежью среды своего самоосуществления.

Нами был рассчитан t-критерий Стьюдента в отношении показателей личностного потенциала по кластеру 1 из выборки Лесосибирска и кластеру 1 из выборки Томска. Обнаружены достоверные различия между подгруппами по шкалам «Ориентация на предпринимательство» ($t = 4,66$ при $p = 0,00$), «Ориентация на настоящее» ($t = 2,85$ при

$p = 0,00$), «Самоорганизация» ($t = -2,39$ при $p = 0,02$). Следует отметить, что респонденты из Лесосибирска в большей мере ориентированы на построение собственного дела, у них выражено стремление создать собственный бизнес. При этом молодые люди стремятся не планировать деятельность на долгие сроки, не склонны к использованию вспомогательных средств при планировании деятельности, они предпочитают опираться на то, что происходит в настоящий момент. В свою очередь, томская вузовская молодежь отличается большей склонностью к самоорганизации, может успешно применять дополнительные средства для ее выстраивания.

Далее были сопоставлены эти же показатели по кластеру 2 из выборок Лесосибирска и Томска. В отношении шкал «Ориентация на предпринимательство» ($t = 3,59$ при $p = 0,00$), «Ориентация на служение» ($t = -3,80$ при $p = 0,00$), «Системная рефлексия» ($t = -4,65$ при $p = 0,00$), «Самоорганизация» ($t = -6,05$ при $p = 0,00$), индекса рациональности ($t = -2,15$ при $p = 0,03$), суммарного индекса по опроснику самоорганизации деятельности ($t = -2,08$ при $p = 0,04$), «Воспринимаемый выбор» ($t = -2,01$ при $p = 0,04$) и индекса самодетерминации ($t = -2,41$ при $p = 0,02$) обнаружены значимые различия. В соответствии с этим для молодых жителей Томска в большей мере характерны стремление реализовать себя в профессии через оказание помощи и поддержки другим людям, склонность к систематическому переосмыслению того, что было сделано и прожито, склонность к самоорганизации и самодетерминации. Юноши и девушки, проживающие в Лесосибирске, напротив, склонны в профессиональной деятельности претворить в жизнь карьерную ориентацию на предпринимательство.

Таким образом, на основе проделанной работы могут быть выделены личностные особенности, характерные для молодых людей, которые проживают в двух сибирских городах и по-разному оценивают городские условия. Для уточнения степени выраженности карьерных ориентаций в разных кластерах мы обратились к анализу средних значений по опроснику «Якоря карьеры» (рис. 2).

Так, молодые люди из кластера 1 в лесосибирской выборке отличаются выраженной карьерной ориентацией на создание собственного дела, а юноши и девушки из кластера 2 – доминирующей карьерной ориентацией на служение. Для последних характерна склонность к самодетерминации, у них отсутствует склонность к самокопанию при возникновении трудностей. Данными чертами не обладают молодые люди из кластера 1; в связи с этим можно предположить, что личностный потенциал представителей кластера 2 является более высоким. Скорее всего, именно различия в уровнях проявления личностного потенциала у представителей кластеров 1 и 2 и являются причиной того, они по-разному оценивают городские условия.

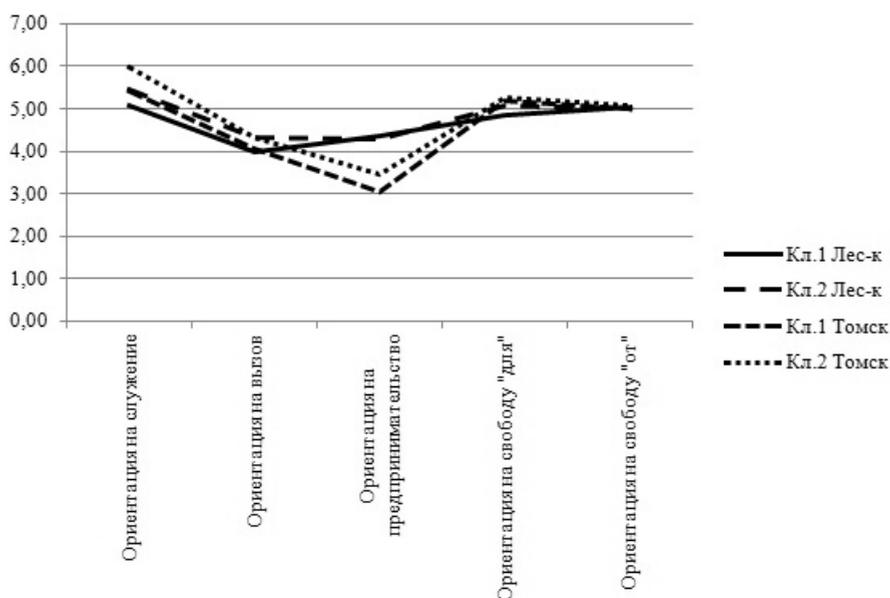


Рис. 2. Профили средних значений для каждого из кластеров по основным шкалам опросника «Якоря карьеры»

Юноши и девушки из кластера 1 в томской выборке отличаются рациональностью и прагматичностью в построении деятельности, у них преобладает карьерная ориентация на «свободу для», т.е. они стремятся стать свободными, чтобы самостоятельно создать что-то, сделать важное дело. Томская вузовская молодежь, принадлежащая кластеру 2, также характеризуется выраженной карьерной ориентацией на служение, причем среднее значение этого показателя в данном кластере является самым большим. При этом респонденты склонны к самоорганизации и самодетерминации, предпочитают анализировать собственную деятельность. Можно предположить, что параметры их личностного потенциала являются наиболее высокими среди представителей всех четырех кластеров. Однако по сравнению с молодыми людьми из Лесосибирска, которые также характеризуются высокими показателями личностного потенциала, они в меньшей мере ориентированы на создание собственного дела. В таблице отражены выделенные в ходе исследования специфика восприятия городской среды и особенности проявления личностного потенциала у вузовской молодежи из разных кластеров.

Анализ личностных свойств, которыми обладают юноши и девушки из кластера 1 в лесосибирской и томской выборках, позволяет выдвинуть предположение о том, что в этих подгруппах оказались лица, поступившие на гуманитарный факультет, но не являющиеся истинными гуманитариями. В свою очередь, личностные особенности молодых людей из кластера 2 в обеих выборках свидетельствуют о том, что им свойственна, напротив, гуманитарная ориентация, они це-

ленаправленно осваивают профессию и чувствуют, что могут реализовать себя в ней.

Специфика восприятия городской среды и особенности проявления личностного потенциала у представителей каждого из выделенных кластеров

Лесосибирск, кластер 1	Томск, кластер 1
<p>Негативно оценивают условия города в плане наличия возможностей для лично-профессионального развития. Характерна невысокая склонность к самодетерминации. Отмечается склонность к самокопанию, самообвинению. Ориентированы на построение собственного дела. Не стремятся планировать деятельность на долгие сроки, нет склонности к использованию вспомогательных средств при планировании деятельности, предпочитают опираться на то, что происходит в настоящий момент</p>	<p>Негативно оценивают условия города в плане наличия возможностей для лично-профессионального развития. Свойственна невысокая склонность к самодетерминации (самые низкие показатели среди четырех кластеров). Характерна склонность к самообвинению, самокопанию, нет склонности к систематическому переосмыслению того, что было сделано. Не выражена карьерная ориентация на служение и предпринимательство, но выражена карьерная ориентация на «свободу для». Склонность к использованию внешних средств при планировании своей деятельности выше, чем у представителей кластера 1 из Лесосибирска</p>
Лесосибирск, кластер 2	Томск, кластер 2
<p>Оценивают условия города как благоприятные для лично-профессионального развития. Высокая склонность к самодетерминации. Отсутствует склонность к самокопанию, самообвинению. Невысокая склонность к системной рефлексии. Выражена как карьерная ориентация на служение, так и карьерная ориентация на предпринимательство. Невысокая склонность к самоорганизации, использованию вспомогательных средств при планировании деятельности</p>	<p>Оценивают условия города как благоприятные для лично-профессионального развития. Высокая склонность к самодетерминации (самые высокие показатели среди четырех кластеров). Высокая склонность к системной рефлексии, отсутствует склонность к самообвинению, самокопанию. Характерна ориентация на помощь и поддержку другим людям. Высокая склонность к самоорганизации (самая большая выраженность среди четырех кластеров)</p>

Восприятие среды своего самоосуществления молодыми людьми из Лесосибирска и Томска имеет определенную специфику. Респонденты с невысокими показателями личностного потенциала, низкой склонностью к самоорганизации деятельности и самодетерминации (кластер 1 в лесосибирской и томской выборках) негативно оценивают потенциал города, что может свидетельствовать о несоответствии возможностей среды и их личностных особенностей. Следует подчеркнуть, что молодым людям из Лесосибирска, которые отличаются целеустремленностью, настойчивостью и предпочитают жить согласно принципу «здесь и сейчас» (кластер 1 в лесосибирской выборке), также

свойственны негативные оценки городской среды. Юноши и девушки из Лесосибирска и Томска с высокими показателями личностного потенциала (склонность к самоорганизации, склонность к самодетерминации, системная рефлексия, карьерная ориентация на служение, карьерная ориентация на предпринимательство; кластер 2 в лесосибирской и томской выборках) отличаются позитивной оценкой реализуемости базисных ценностей в городских условиях. Получается, что условия образовательного учреждения не совсем подходят для формирования у респондентов из Томска карьерной ориентации на предпринимательство.

Таким образом, в рамках исследования рассматривалась проблема влияния параметров личностного потенциала вузовской молодежи на восприятие ею среды самоосуществления. С помощью метода кластерного анализа выделены по два кластера в лесосибирской и томской выборках. В качестве основания для кластеризации были выбраны предложенные молодыми людьми субъективные оценки реализуемости базисных ценностей в городской среде. Выявлены закономерности личностно-обусловленного восприятия городской среды, однако они проявляются по-разному, в зависимости от кластера, к которому принадлежат испытуемые. Юноши и девушки, которые вошли в кластер 1 в лесосибирской и томской выборках, негативно оценивают условия города, не воспринимают их как благоприятные для личностно-профессионального развития. Для них характерны невысокая склонность к самоорганизации и самодетерминации, склонность к самокопанию, т.е. собственный личностный потенциал осознан и раскрыт ими в незначительной мере.

Молодые люди из кластера 2 в обеих выборках, напротив, склонны к позитивному оцениванию городской среды, предполагают, что в этих условиях можно найти возможности для создания семьи, освоения профессии и отдыха. К числу характерных для них личностных свойств относятся склонность к самоорганизации и самодетерминации, системная рефлексия, карьерная ориентация на служение, карьерная ориентация на предпринимательство, т.е. показатели их личностного потенциала являются достаточно высокими. Скорее всего, эти различия обусловлены тем, что только представители кластера 2 в обеих выборках могут быть отнесены к истинным гуманитариям. В свою очередь, молодые люди из Лесосибирска отличаются более выраженной карьерной ориентацией на предпринимательство, а юноши и девушки из Томска – преобладающей карьерной ориентацией на служение. Молодые жители Томска в большей мере обладают склонностью к самоорганизации, а юноши и девушки из Лесосибирска, для которых характерны настойчивость, целеустремленность и стремление жить по принципу «здесь и теперь», негативно оценивают условия города. Следовательно, городская среда влияет на личностные особенности юношей и девушек, которые проживают в этом городе, а показатели лич-

ностного потенциала могут определять характер оценивания ими городских условий.

Литература

1. Мартынова М.А., Литвина С.А., Богомаз С.А. Взаимосвязь личностного потенциала вузовской молодежи с субъективной оценкой реализуемости базисных ценностей // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). С. 2.
2. Смолова Л.В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. СПб. : Речь, 2008. 379 с.
3. Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. СПб. : Речь, 2004. 239 с.
4. Алонцева А.И. Самоосуществление личности обучающегося // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 112–115.
5. Четошников Е.В. Эмоционально-ценностные основания рефлексивной оценки жизненного самоосуществления : дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2008. 193 с.
6. Логинова И.О. Психология жизненного самоосуществления. М. : Изд-во СГУ, 2009. 279 с.
7. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск : Издательство Томского университета, 1999. 154 с.
8. Чупина В.Б. Социокультурная детерминация самооценки и самореализационного потенциала молодых преподавателей вуза. СПб., 2007. 160 с.
9. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.
10. Мартынова М.А., Богомаз С.А. Самодетерминация в структуре личностного потенциала современной российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 164–168.
11. Атаманова И.В., Стариченко О.Н., Богомаз С.А. Психологические особенности магистрантов и аспирантов, обучающихся в вузах с ориентацией на классическое и инженерное образование // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 128–135.
12. Каракулова О.В., Богомаз С.А. Оценка реализуемости базисных ценностей в условиях города Томска с точки зрения гуманитарно-ориентированной и негуманитарно-ориентированной вузовской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 117–120.
13. Богомаз С.А., Мацута В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.

МАРТЫНОВА Марина Александровна, старший преподаватель кафедры психологии развития личности Лесосибирского педагогического института – филиала ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Лесосибирск).

E-mail: martynova.marina.24@gmail.com

БОГОМАЗ Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой организационной психологии Томского государственного университета.

E-mail: bogomazsa@mail.ru

CORRELATION BETWEEN HIGH SCHOOL STUDENTS' PERSONAL POTENTIAL AND SPECIFICS OF THEIR PERCEPTION OF ENVIRONMENT OF THEIR SELF-REALIZATION

Martynova Marina A. Lesosibirsk Pedagogical Institute – a branch of Siberian Federal University (Lesosibirsk, Russian Federation).

E-mail: martynova.marina.24@gmail.com

Bogomaz Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: bogomazsa@mail.ru

Keywords: personal potential; self-realization; urban environment; sociocultural conditions; basic values; self-organization; self-determination.

Abstract

The article presents the results of the research of the problem of high school students' perception of environment of their self-realization. A city (urban environment, city conditions) was chosen as the environment for self-realization. The personal potential of young people acts as a resource for self-realization, and the implementation of definite strategies of self-realization by young men and girls depend on how this resource is consciously recognized and fulfilled. In addition, typical for young people personal features act as lenses through which they look at the world around them and assess the conditions in which they live, including the conditions of the city. It turns out that young men and girls with different personal features will assess differently the socio-cultural conditions of the city from the point of view of opportunities for self-realization. Thus, basic values and the way they can be implemented in the city act as the assessment criteria of the urban environment. This assumption was tested in a pilot study. Senior students, graduates and postgraduate students studying a degree in Humanities and living in Tomsk and Lesosibirsk (Krasnoyarsk region) participated in it. These cities were chosen because the current socio-cultural conditions in them differ significantly from each other. Using the method of cluster analysis we defined two clusters both in Lesosibirsk and in Tomsk selection. Examinees from cluster 1 in both selections have negative assessment of city conditions; these young people do not perceive the city as a suitable place for personal and professional development. These young men and women have low rates of personal potential, low tendency to self-organization activities and self-determination. However, in cluster 1 in the selection of Lesosibirsk negative estimation of an urban environment is also relevant to young people who are ambitious, persistent and aspire to live by the principle "here and now". Personal features, which young men and girls from a cluster 1 in both selections have, allow us to refer them to those who entered the faculty of Humanities but are not truly humanitarian oriented. On the contrary, examinees from cluster 2 in both selections are positive about the city conditions. Still they differ by high indicators of personal potential (the tendency to self-organization, the tendency to self-determination, systematic reflection, career orientation to service, career orientation to business). Young people from cluster 2 in the selection of Lesosibirsk are more focused on business, but they are less endowed with a tendency to self-organization and systematic reflection. These personal features are revealed better among young people from cluster 2 in the selection of Tomsk. They are also characterized by the predominance of career orientation to service to others. Personal characteristics of young people from cluster 2 in Lesosibirsk and in Tomsk selections allow to define them as possessing a true humanitarian orientation.

References

1. Martynova M.A., Litvina S.A., Bogomaz S.A. Correlation between students' personal potential and value judgement of feasibility of basic values. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Research of Social Problems*, 2013, no. 3(23), p. 2. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-8.
2. Smolova L.V. *Vvedenie v psikhologiyu vzaimodeystviya s okruzhayushchey sredoi* [Introduction to the psychology of interaction with the environment]. St.Petersburg: Rech' Publ., 2008. 379 p.
3. Steinbakh Kh.E., Elenskiy V.I. *Psikhologiya zhiznennogo prostranstva* [Psychology of living space]. St.Petersburg: Rech' Publ., 2004. 239 p.
4. Alontseva A.I. Self-fulfillment of a student's personality. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of social Development*, 2012, no. 11, pp. 112-115.
5. Chetoshnikova E.V. *Emotsional'no-tsennochnyye osnovaniya reflektivnoy otsenki zhiznennogo samoosushchestvleniya*: dis. kand. psikhol. nauk [Emotional and normative foundations of reflexive evaluation of the life self-fulfillment. Psychology Cand. Diss.]. Barnaul, 2008. 193 p.
6. Loginova I.O. *Psikhologiya zhiznennogo samoosushchestvleniya* [Psychology of life self-fulfillment]. Moscow: SGU Publ., 2009. 279 p.
7. Klochko V.E., Galazhinskiy E.V. *Samorealizatsiya lichnosti: sistemnyy vzglyad* [Self-realization of the individual: a systematic view]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 154 p.
8. Chupina V.B. *Sotsiokul'turnaya determinatsiya samoosushchestvleniya i samorealizatsionnogo potentsiala molodykh prepodavateley vuza* [Social and cultural determination and self-realization potential of young university teachers]. St. Petersburg, 2007. 160 p.
9. Leontyev D.A. (ed.) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [The personal potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl Publ., 2011. 680 p.
10. Martynova M.A., Bogomaz S.A. Self-determination in the structure of personal potential of modern Russian youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 357, pp. 164-168. (In Russian).
11. Atamanova I.V., Starichenko O.N., Bogomaz S.A. Psychological features of master and doctoral students at universities oriented towards classical and engineering education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 367, pp. 128-135. (In Russian).
12. Karakulova O.V., Bogomaz S.A. Evaluation of basic values realizability in local settings (Tomsk) by arts and science-oriented university students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 366, pp. 117-120. (In Russian).
13. Bogomaz S.A., Matsuta V.V. Subjective evaluation of basic value's realizability in urban environment. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2012, no. 46, pp. 67-75. (In Russian).

ЕДИНСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО – ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА (часть II)

Е.И. Кузьмина

Военный университет МО РФ (Москва, Россия)

Аннотация. В статье (часть II) раскрывается содержание проведенного в группах студентов и курсантов эмпирического исследования поэтического творчества с использованием гештальт-техники «Вселенная». Представлены основные шаги психологического анализа продуктов творчества, позволяющие продвинуться в понимании единства эмоционального и интеллектуального, самоэффективности как дополнительной мотивации свободы творчества.

Ключевые слова: гештальт-техника «Вселенная»; поэтическое творчество; дополнительный продукт творчества; самоэффективность; единство эмоционального и интеллектуального; движение мысли.

Проблема соотношения эмоционального и интеллектуального конкретизируется и обогащается новым содержанием при её рассмотрении в историческом плане – появлении, расхождении, споре двух традиций понимания механизмов поэтического творчества: символизма (К. Бальмонт) и акмеизма (В. Брюсов, Л. Гумилёв и др.), а также в эмпирическом плане – возможностях терапии поэзией, тренинговой работы по развитию творчества [1, 2].

На занятиях по общей психологии нами проведено исследование продуктов творчества по *гештальт-технике «Вселенная»* (К. Стьюарт). Данная методика, как свидетельствуют результаты, полученные в различных студенческих и курсантских учебных группах, построена на критерии «реальности» измеряемых творческих достижений, их фиксируемости в лабораторных условиях. Аналогом такой методики является применяемое для оценки творческих продуктов стихотворное задание «Американское хайку» (Amabile, 1985), где участникам предлагают написать стихотворение из пяти строк по определенным правилам [3. С. 641]. В нашем исследовании по методике «Вселенная» оценивается творческий продукт – стихотворение – как показатель свободы творчества и креативности мышления субъекта, его творение в экологическом пространстве, которое задано предельно широко, так как вызывает к «разгону» и «полету» человека в диапазоне вселенского масштаба. Данное исследование является продолжением эмпирического изучения феномена свободы творчества, которое мы проводили ранее на основе модифицированной гештальт-техники «Великий худож-

ник – ученик» среди студентов в диадах демократического и авторитарного типов взаимодействия. Было доказано, что свобода совместного творчества возможна лишь в условиях демократического типа взаимодействия [4].

Цель выполнения задания по методике «Вселенная»: обнаружить единство эмоционального и интеллектуального как дополнительной мотивации свободы творчества (безусловно, данная цель не известна участникам экспериментального исследования).

Ход выполнения задания. Тихо звучит космическая музыка. Психолог пишет на доске слово «Вселенная», предлагает участникам группы назвать семь-восемь слов, которые ассоциируются с ним, и фиксирует их на доске.

\ | /
--- ВСЕЛЕННАЯ ---
/ | \

Инструкция. «Каждому из Вас предлагается написать стихи, используя слова, которые Вы видите на доске. Это может быть четверостишие, восьмистишие, белые стихи; у Вас пятнадцать минут».

Например, на одном из занятий предлагался следующий ряд слов: вселенная, бесконечность, мгновение, многомерность, разум, гармония, мир, я, музыка. Заметим, что каждое ассоциативное со словом «вселенная» понятие содержит в себе мощный семантико-эмоциональный заряд, приводящий к инсайту; при смысловом объединении слов-ассоциаций возникает полифония значений, сгустки противоречий (например, Я – Вселенная (!), но Вселенная бесконечна, тогда Я – миг этой Вселенной!), рождающих побочный продукт, новые смыслы, идеи и эмоции. «Законы поэзии спят в гортани» (О. Мандельштам). При внимательном вслушивании в начинающую разворачиваться полифонию звуков, фонем, образов, слов можно уловить потоки мысли, перевести их в дискурс. Мысль из неопределенной её формы проясняется с неимоверной скоростью. Её содержание и сам процесс появления поэтически оформленной (рифмованной) мысли вызывают у человека ощущение чуда и своего участия в нём, что усиливает мотивацию, веру в себя и в божественную силу красоты и гармонии, возможность приобщиться к ней, быть в Мире, слышать и понимать его. По всей вероятности, в процессе рождения стихотворения ощущение себя субъектом творчества и связанная с ним каузальная атрибуция находятся «в режиме флуктуации»: человек часто чувствует себя инструментом, как полагал И. Бродский, на вторых ролях – первая роль, как он сам думает, принадлежит чему-то, что выше, больше и сильнее его.

Многие участники исследования осознают способность к поэтическому творчеству, переживают чувства полёта, открытия нового,

удовлетворенности, радуются факту реализации виртуальных возможностей (Я могу писать стихи и прочитать их в группе!). Опыт написания стихов укрепляет веру в свои творческие способности, усиливает самооффективность, которая служит дополнительной мотивацией творческой деятельности.

После того, как задание выполнено, желающие зачитывают свои стихи; ведущий задаёт вопросы:

- Что Вы сейчас чувствуете?
- С какой целью дано это задание?
- Что побудило Вас написать стихи?
- Почему одни люди пишут стихи, а другие – нет?

В психологическом анализе продуктов творчества учитываются (подсчитываются в баллах от одного до десяти) влияющие на самооффективность: степень оригинальности и уникальности, соотношение аффекта и интеллекта, увлеченность и интерес к выполнению задания, удовлетворенность результатами деятельности.

Всего в исследовании приняли участие в разные годы более 120 человек (студенты и курсанты). Как показал анализ продуктов творчества, все участники стремятся выполнить задание, осуществить «пробу пера», стараются написать стихи, хотя не у каждого это получается.

При психологическом анализе, согласно классификации И. Бродского (лирическое и дидактическое начала), мы разделили эти стихи на два вида – с доминированием эмоционального и рационального содержания.

Приведём строки из некоторых стихотворений с преобладанием *эмоционального* содержания, в которых слово «вселенная» ассоциировалось с проявлением высших чувств (здесь и далее стихи приводятся в авторской редакции):

«Мгновенье, вечность, мощь и жизнь
Привычны каждому из нас,
Но лишь поймёт любовь,
Кто был любим и любит сейчас».
«Любовь бесконечна, она, как весна, –
Дышит, цветёт, зеленеет,
Как звёзды на небе, светит она,
Как солнце, ласкает и греет.
Любовь гармонична, и в ней человек
Играет две разные роли:
Он – её раб и в тот же момент
Мудрый владелец вселенной».
«Порой мы ищем другие миры,
Где не было боли и нет войны,
Когда от зари до зари
Фортуна и счастье идут впереди».

В стихах с преобладанием *когнитивного* содержания встречаются такие строки:

«Я иногда смотрю на ясную луну,
Её вселенная миру подарила,
Весеннюю зелёную красу
И эти смольные небесные чернила». «И телескоп не нужен в этом деле –
И так я вижу глубину веков,
А Млечный путь хранит на белом теле
Осколки мудрости ушедших знатоков». «Вселенная бесконечно интересная,
Для человека неизвестная,
Темная, холодная
Загадка звездная». «Чёрные дыры загадку хранят
О бесконечности снов».

Многие участники исследования во время чтения своих стихов перед группой испытывали самоэффективность, о чем свидетельствовали: блеск в глазах, высоко поднятая голова, улыбка (загадочная, смущенная, торжествующая), появление румянца на щеках, изменение дыхания, декламация, волнение, радость. В процессе построения своей поэтической мысли студенты и курсанты проявляли свободу творчества.

При анализе продуктов творчества мы опирались на теорию С.Л. Рубинштейна, его принципы – детерминизма, единства сознания и деятельности, «анализа через синтез». Мы полагаем, что синонимы слова «вселенная», своего рода «семантические сгустки» пространства движения мысли, выступили теми предметами и сущностями, порой противоречащими друг другу, протраивание связей между которыми сделало возможным то, о чем писал С.Л. Рубинштейн: поворот предмета новой гранью, процесс «вычерпывания из объекта» нового его значения, нового качества. В сочетании с другими словами есть шанс появления нового знания и смысла. Соотношение этих значимых для человека понятий и даёт тот побочный продукт, который служит новым шагом в развитии поэтической мысли, появления нового чувства. Эмоциональное и интеллектуальное взаимосвязаны. С.Л. Рубинштейн писал: «Всякая реальная эмоция обычно представляет собой единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания, поскольку она включает в себя в той или иной мере и волевые моменты, влечения, стремления, поскольку вообще в ней в той или иной мере выражается весь человек» [5. С. 153].

Некоторые из участников исследования переживали состояние инсайта, в результате которого появлялся побочный продукт творчества: в пунктирную, угадываемую линию – мерцающую идею будущего и уже в настоящем времени – начавшего дышать стихотворения

встраивался *новый шаг* – незапланированный, но насыщенный в эмоциональном плане и, как оказывалось в результате рефлексии, богатый смыслом образ, задающий новый ход мысли, обогащающий первоначально схваченную логику стиха или её же меняющий. Благодаря теоретико-экспериментальному изучению побочного продукта в школе Я.А. Пономарева, а также литературоведческим работам И. Бродского, который нашел в поэзии М. Цветаевой и О. Мандельштама феномен побочного продукта и раскрыл его в качестве механизма поэтического творчества, обогащается микросемантический анализ процесса поэтического творчества, изучения индивидуальных особенностей личности и качеств ума. «Поэзия, по мнению Бродского, – искусство конденсации, сужения. Самое интересное для исследователя – и для читателя – вернуться «назад по лучу», т.е. проследить, как эта конденсация протекала, с какого момента в общей для всех нас раздробленности для поэта начинает прорезаться языковой знаменатель» [6. С. 91].

По всей вероятности, побочный продукт – незапланированный, но в результате инсайта возникший в творческой деятельности образ (слово, четверостишие) «подключает» к прогнозированию новый участок семантической сети с новыми комплексами звуков, фоном, ассоциаций, обобщений, переводит рефлексивную позицию субъекта на другой рефлексивный ранг (в духовную вертикаль рефлексивных рангов), активизирует мыслительный процесс, будит и насыщает мысль, вызывает новые чувства. Во взаимодействии нарастающей продуктивной мыслительной активности и эмоционального подъема рождается волна дополнительной мотивации поэтического творчества. При рефлексии на его ощутимые результаты актуализируется и усиливается самоэффективность – своего рода «гольфстрим» творческого процесса. Она не является целью, а выступает «допингом», «ускорителем» творчества, дополнительной его мотивацией.

Несомненно, анализ процесса творчества, тем более поэтического, – сложная задача. Шаги, сделанные в этом направлении философами и талантливыми поэтами, представляют интерес для психологического анализа творческого процесса, имеют высочайшую ценность для развития духовного потенциала личности.

Платон в диалоге «Федр» приводит размышления Сократа о благе неистовства, если оно является «божьем даром... видом одержимости и неистовства – от Муз»: «Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот ещё далёк от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» [7. С. 301]. Действительно, если душа не затронута чем-то значимым и человек не испытывает эмоциональный подъём, то вряд ли он напишет стихи.

Интерес представляют размышления О. Мандельштама о природе поэтического языка, различии и «соподчинённости» «порыва» и «тек-

ста», «образности» и «орудийности», «мастера поэзии» и «изготовителя образов». В эссе «Разговор о Данте» он пишет: «Поэтическая речь, или мысль, лишь чрезвычайно условно может быть названа звучащей, потому что мы слышим в ней лишь скрещиванье двух линий, из которых одна, взятая сама по себе, абсолютно немая, а другая, взятая вне орудийной метаморфозы, лишена всякой значительности и всякого интереса и поддается пересказу, что, на мой взгляд, вернейший признак отсутствия поэзии: ибо там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом, там простыни не смяты, там поэзия, так сказать, не ночевала».

Значимыми для понимания природы поэтического творчества являются работы И. Бродского. Нам неизвестно, читал ли он труды философско-экзистенциалистов, ещё менее вероятным представляется его знакомство с психологической теорией мышления Я.А. Пономарева, однако в эссе о прошлом и настоящем в русской литературе проводится богатейший психологический анализ особенностей и механизмов поэтического творчества, раскрывающий природу творчества в целом. В их числе: единство лирического и дидактического начал в поэзии (эмоционального и интеллектуального); феномен добровольной отдачи себя власти стихий – энергии речи и слова, выступающего в качестве средства, которое может самостоятельно выбирать новые цели; динамическая природа поэтической речи; функция рифмы, на которую «натягается» и о которую «всплёскивается» сам язык – «освобожденная стихотворная масса»; содержание и роль «крайности» («дедуктивной, эмоциональной, лингвистической»), за которую идёт поэт, постигая суть предмета; «навык отстранения как предпосылка творчества», выход за пределы самого себя, взлёт по духовной вертикали (то, что в экзистенциализме называют трансцендированием и экзистированием); «побочный продукт», меняющий первоначальную цель и логику стихотворения; «стилистический маятник, раскачивающийся между пластичностью и содержательностью»; «душевная оптика» поэта – мировоззрение, совесть.

При анализе стихотворения О. Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...» И. Бродский отмечает: «Интонация отрицания как бы перевыполняет норму (требуемую) и перехлёстывает параметры информации, приближаясь к исповеди. Цель забывается, остаётся только динамика самих средств. Средства обретают свободу и сами находят подлинную цель стихотворения» [6. С. 61]. При этом может произойти «лирический и дидактический взрыв» и появляется новая тема в стихотворении. «Поэтическая речь – как и всякая речь вообще, – пишет И. Бродский, – обладает собственной динамикой, сообщающей душевному движению то ускорение, которое заводит поэта гораздо дальше, чем он предполагал, начиная стихотворение. Но это и есть главный механизм (соблазн, если угодно) творчества... Речь выталкивает поэта в те сферы, приблизиться к которым он был бы иначе не в состоянии... И происходит это выталкивание со стремительностью необычай-

ной: со скоростью звука, – высшей, нежели та, что даётся воображением или опытом... душа певца не столько совершенствуется, сколько пребывает в постоянном движении... поэтическая концепция существования чуждается любой формы конечности и статики» [6. С. 81–82]. Поэты обладают «душевной оптикой», понимаемой как «качество зрения, определяемое метафизическими возможностями индивидуума, которые, в свою очередь, являются залогом бесконечности» [6. С. 98]. Единство аффекта и интеллекта, восходящее к гармонии, по всей вероятности, выступает одним из показателей «душевной оптики». Тот, кто любит и читает поэзию, приобретает к этой «оптике», не перестаёт удивляться и учиться глубинному пониманию сущности поэтического мастерства у поэтов, пытавшихся проникнуть в тайны творчества и Бытия.

Не скрою, что с детства я отдавала предпочтение Поэту и в десятилетнем возрасте написала посвящение А.С. Пушкину:

Поэт! Тебе даю я предпочтенье!
Я восхищён самозабвеньем
И творчеством твоим!
Твои бурлящие, клокочущие мысли
Бегут вперёд,
И как незримый пароход
Плывёшь по волнам побеждённым.
Поёт душа твоя, лелеет жаркий пыл.
Давно в веках ты гением прослыл.
Тебе открыты все пути, дороги
В мир сказок, вдохновений и чудес.
Ты слышишь, как щебечут птицы
В час тревоги,
И тихо шепчет тёмный лес.
Ты видишь водные глубины,
Брега морские и долины,
Которые не знает человек.
Поэт – это тот же певец,
Тот же воин, храбростью слывший в бою.
И за это – счастья творец,
Тебя благодарю!

Ниже приводятся более поздние стихи.

Хочу на качели,
Которые с детства ветра обгоняли,
На волны морские – накатом на мели
И снова в пучины глубин убегали.
Взором – за линию горизонта,
За рамки привычного спектра цветов,

Сквозь сети значений, подстрочники слов,
Под ливень метафор без зонта!
Чтоб легкие крылья
Несли по эфиру,
Скользя без усилий
В материи мира.
И в этом движеньи, едином дыханьи
Угадывать ритмы её колыханья.
Под тонкой вуалью просвет бытия
Я вижу... И звуки его наполняют меня...
Легко и свободно, как волны на брег,
Слова наплывают – стремительный бег
Успеть записать бы, потом разберу.
Опять идут волны! Быстрее к перу!

Пречистенка – улица эта
Наполнена солнечным светом,
Здесь жили когда-то поэты,
Сам Пушкин к ним приходил:
К Денису Давыдову, другу,
И позже, лет через сто –
Борис Пастернак... В его думы,
Дыханье и вирши его.
Зазимки... Стою перед домом,
Где комнату он снимал,
В десятилетие – трудные годы
Творил, не спал, улетал...
В своём легкокрылом полёте,
Прорезывая пустоту,
Он видел Россию на взлёте,
Изломы её и черту.
Спиной, едва ощущая
Дубовой двери заслон,
Я вслушиваюсь, пытаюсь
Понять, что чувствовал он,
Когда выходил из дома.
Храмы, Кремль, купола,
Древней стены узоры,
Неба синь синева.
За перекрёстком скоро
Тер-ра фило-софия.
Там ясность мысли просветляет душу,

Наполненная солнечной энергией, она
Всё может пропустить через себя,
Нисколько не нарушив,
А лишь усилив звуки Бытия,
И, распахнув границы зренья,
Знать больше, чем дарует сновиденье,
И видеть дальше, глубже, вокруг себя.
Как темь спускается устало
На сонмы парков и оград,
Как осень перелицевала
За утро весь Нескучный сад...

Вселенная*

Мне сегодня ночью снилось
Многомерное пространство.
Симметричность отразилась
В гармоничность. В постоянстве
Вместе были красота и человечность,
Во взаимном превращеньи –
Разум, Музыка и Вечность,
Я – Вселенная – Мгновенье;

(* Стихи написаны на гештальт-тренинге в ПИ РАО, 1994)

Зачем нам рифма? Можно выразить словами всё
Без условностей, препятствий и цепей,
И знания, что значит дактиль,
Верлибр, ямб или хорей!
Ужели всё?
К скале прикованный по воле Зевса Прометей
Свой вещей не утратил голос,
Он стал ещё возвышенной, смелей!
По воле собственной надетые вериги
Так усмиряют плоть и сковывают тело,
Что более оно не властно. Ценны миги
Прозрения, Божественная вера.
Быть может, рифмы – это ритмы, глас Природы –
Порывы ветра, плеск волны, её прилив и убеганье,
Услышанный поэтом для народа,
Поющим в резонансе с мирозданьем,
Чтоб совпадать с его дыханьем.

В качестве резюме вышеизложенного отметим следующее: творческая (поэтическая) плодотворная деятельность, основанная на единстве эмоционального и интеллектуального, приводит к единению души преподавателя и студентов (курсантов), взаимопониманию, признанию ценности творчества, повышению самооффективности развивающейся личности и её высшего выражения – чувства собственного достоинства. Самооффективность – это не только вера в себя, уверенность в себе, но и радость в жизни. Побочный продукт и возникающие на его основе самооффективность, чувства и мысли служат дополнительной мотивацией творчества. Духовный труд, мировоззрение, работа ума выступают теми внутренними силами, которые укрепляют веру в свои способности, дают дополнительную мотивацию творческой активности личности.

Литература

1. Семенов И.Н., Трмасов А.Н. Рефлексивно-поэтический тренинг как способ развития творческого потенциала в преподавании практической психологии // Практическая подготовка психологов в системе высшего образования. М. : МОСУ, 1999. С. 260–265.
2. Оганесян Н.Т. Практикум по психологии творчества. М. : Флинта: МПСИ, 2007.
3. Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / под ред. Д.В. Ушакова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
4. Кузьмина Е.И. Психология свободы: теория и практика : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2007.
5. Иосиф Бродский. Власть стихий. Эссе. СПб., 2012.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии : в 2 т. Т. II. М. : Педагогика, 1989.
7. Платон. Диалоги : пер. с древнегр. М. : Астрель, 2011.
8. Бандура А. Самооффективность (self-efficacy) // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. С. 777–778.

КУЗЬМИНА Елена Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Военного университета Министерства обороны РФ (г. Москва).
E-mail: kuzminaell@yandex.ru

THE UNITY OF EMOTIONAL AND INTELLECTUAL – EXTRA MOTIVATION FREEDOM OF CREATIVITY (part II)

Kuzmina Elena I. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: kuzminaell@yandex.ru

Keywords: «Universe»; poetry; additional product of creativity; self-efficacy; the unity of emotional and intellectual; the movement of thought.

Abstract

To study the unity of emotional and intellectual as extra motivation, creativity and freedom we conducted a survey of the products of creativity on gestalt-technique of «Universe».

The progress of the assignment. Calm space music is playing. Psychologist writes the word «Universe» on the board, invites the participants to name seven words associations, and writes them down.



Instruction: «You are invited to write poems, using the word-symbols; You have fifteen minutes to proceed with the task».

Many of the participants rejoice in the fact of realization of opportunities (I can write verses and read them to the group!), wishing to read their poems. The following parameters influencing self-efficacy are considered (counted in scale from one to ten): the degree of originality and uniqueness, the ratio of affect and intellect, passion and interest in the task, satisfaction with the results of activities. The study involved more than 120 people (students, cadets). Analyzing the process we divided the verses with the dominance of emotional and rational content.

Arising in creative activities byproduct «connects» a new section of the semantic network to the prediction process with new complexes of sounds, phonemes, associations, generalizations, translates reflective position of the entity at the other reflective rank, activates the process of thinking, awakes and nourishes the thinking process, leads to new feelings. The interaction between the increasing of productive mental activity and emotions leads to a wave of extra motivation and creativity. During the self analysis of the results self-efficacy is revealed and enhanced. Fruitful activity, based on the unity of emotional and intellectual, leads to the unity of the soul of the teacher and the students (cadets), to mutual understanding, recognition of the value of the creativity, it increases self-efficacy of a developing personality and improves his/her self-esteem. A byproduct and emerging on its basis self-efficacy, feelings and thoughts serve as extra motivation to creativity. Spiritual work, worldview and the work of the mind are the internal forces that reinforce our confidence in our abilities, provide additional motivation to creative activities.

The article contains statements of philosophers, poets, which are of interest for a psychological analysis of creativity, and fragments of poems created during the training and authors poems.

References

1. Semenov I.N., Tremasov A.N. *Refleksivno-poeticheskiy trening kak sposob razvitiya tvorcheskogo potentsiala v prepodavanii prakticheskoy psikhologii* [Reflective and poetic training as a way to develop creativity in teaching practical psychology]. In: *Prakticheskaya podgotovka psikhologov v sisteme vysshego obrazovaniya* [Practical training of psychologists in higher education]. Moscow: MOSU Publ., 1999, pp. 260-265.
2. Oganesyanyan N.T. *Praktikum po psikhologii tvorchestva* [Workshop on the psychology of creativity]. Moscow: Flinta: MPSI Publ., 2007. 528 p.
3. Ushakov D.V. (ed.) *Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovaniy k sotsial'nym i kul'turnym fenomenam* [Creativity: from biological bases to social and cultural phenomena]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2011. 734 p.
4. Kuz'mina E.I. *Psikhologiya svobody: teoriya i praktika* [Psychology of freedom: theory and practice]. St. Petersburg: Piter Publ., 2007. 336 p.
6. Brodsky J. *Vlast' stikhiy. Esse* [Power of the elements. An essay]. St. Peterburg: Azbuka Publ., 2012. 220 p.
6. Rubinstein S.L. *Osnovy obshchey psikhologii: v 2 t. T. II* [The fundamentals of general psychology. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Pedagogika Publ., 1989. 720 p.
7. Plato. *Dialogi* [Dialogues]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Astrel' Publ., 2011. 349 p.
8. Bandura A. *Samoeffektivnost' (self-efficacy)* [Self-efficacy]. In: Korsini R., Auerbakh A. (eds.) *Pedagogicheskaya entsiklopediya* [Pedagogical Encyclopedia]. St. Petersburg: Piter Publ., 2006, pp. 777-778.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О РЕСПОНЗИВНОЙ ПРИРОДЕ ЭМПАТИИ

И.В. Федоров

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Аннотация. Рассматривается ряд идей относительно современного понимания феномена эмпатии. Предложено рассматривать эмпатию не как способность человека телесно, чувственно переживать и понимать явления мира и состояния других людей, что традиционно для двадцатого столетия, а как форму психологической активности, воплощающуюся в различных образах в соответствии с конкретными условиями ситуации. Эмпатическая активность – форма фундаментальной, имплицитно присутствующей человеку респонзивной активности. Респонзивность – изменение себя в ответ. Эмпатическую активность в качестве проявления респонзивности мы предлагаем описывать через соответствие трех модулов психологической активности: инициативности, реактивности и рефлексивности. Предложенные положения позволяют интегрировать психотехнический, деятельностный, дифференциальный и другие подходы к пониманию эмпатии в системный и системно-антропологический.

Ключевые слова: эмоции; инициатива; реактивность; рефлексивность, взаимодействие; активность.

От проблемы эмпатии к проблеме эмпатической активности

Феномен эмпатии в философии и психологии традиционно понимался как способность человека телесно, чувственно переживать и понимать воспринимаемые или вспоминаемые состояния Другого. Тенденция к преодолению дихотомии субъекта и объекта и появление подходов, рассматривающих человека не только в интерперспективе, но и в трансперспективе, изменила фокус понимания эмпатии. В обзоре взглядов Западных философов на феномен эмпатии В.Ю. Пузыревский [1] отмечал, что феномен эмпатии важен для философов, ищущих допредикативные основания понимания и отчуждения, эмоционально-познавательного отношения к миру и технике. Если очень коротко обобщать дискуссии двадцатого и начала двадцать первого столетия об эмпатии, то можно главное сомнение сформулировать так: является ли эмпатия методом познания и методом взаимодействия? Ряд подходов отвечает на этот вопрос отрицательно, а ряд – положительно, это зависит от того, какие имплицитные свойства они предполагают в человеке, какие формы активности они предполагают имплицитными в познании и взаимодействии. Основные положения и доводы примерно следующие:

1. Эмпатия – это метод познания, потому что она позволяет человеку установить особую, подлинную, аутентичную дистанцию между субъектом и объектом, выявить способ познания, объединяющий этическое, эстетическое и прагматическое отношение к природе и человеку.

2. Эмпатия не является методом познания, потому что это не исходная, подлинная, дорассудочная способность понимания-бытия, а способ удовлетворения потребности в подлинности и полноте бытия и часто искажается фанатизмом, абстрагированием, отчуждением и пр.

3. Эмпатия – отчасти метод познания, поскольку она является способом конституирования Другого, переноса на Другого и восприятия его как «alter ego».

4. Эмпатия не является методом познания, поскольку представляет собой лишь психологическую интерпретацию, посредством которой можно лишь приблизительно предугадывать замысел, но невозможно понять или воспроизвести смысл.

5. Эмпатия не является методом познания, поскольку она есть моральная эмоция и не может быть убедительным аргументом.

6. Эмпатия является методом познания в той мере, в которой является способностью человека непосредственно познавать.

Обобщив эти точки зрения, можно предположить, что разрешение сомнений лежит в понимании природы эмпатической активности. Чем определяется эмпатия – способностью устанавливать и удерживать дистанцию восприятия или способностью ее восстанавливать, возвращать, компенсировать? Мы предлагаем сформулировать вопрос так: какую роль играют инициативный, реактивный и рефлексивный аспекты в эмпатической активности?

На основании проведенных нами теоретических и эмпирических исследований мы предлагаем ответить на этот вопрос так: эмпатическая активность имеет респонзивный характер; это не способ познания субъектом объекта или другого субъекта, а способ быть ответом, отвечать, т.е. меняться и оставаться собой в соответствии с Другим. Эмпатия – это соответствие различных модусов активности: инициативности (преображения), реактивности (образования) и рефлексивности (воображения).

Наиболее непосредственное применение эмпатия как форма респонзивности, вероятно, имеет в психотерапии. В двадцатом столетии специфику этой профессии даже определяли как деятельность, в которой методом помощи является психотерапевт, а методом получения помощи – клиент. Принятие и присутствие описывались как базальные основания психотерапевтического взаимодействия.

Эмпатическая активность как психотехника

В книге «Методология психологии: проблемы и перспективы» В.Ф. Василюк [2], уделяя большое внимание практике психотерапии,

сравнивает эмпатический отклик терапевта с радиоволнами, которые, чтобы их воспринимали, нуждаются в радиоприемнике. Но радиоприемник – это, строго говоря, не приемник, не только приемник. Он настраивается и резонирует в соответствии с полученным сигналом. И, если говорить о продолжительном «восприятии», то радиоприемник «отвечает» передатчику. Имеет смысл говорить о целостности (системе), характеризующейся особой активностью, направленной не только от «передатчика» к «приемнику», но и от «приемника» и от «мира».

Авторы этой монографии (Ф.Е. Василюк, В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряков, В.А. Петровский, В.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина) опираются на дифференциацию процесса переживания и в качестве базовой схемы, дифференцирующей процесс переживания, предлагают уровни или режимы функционирования сознания. Они предлагают различать в системе сознания уровни рефлексии, сознания, непосредственного переживания и бессознательного. Каждому из этих уровней переживания и адекватных им методов они полагают в соответствие четыре базовые психотехнические единицы: «переживание – майевтика», «сознание – понимание», «непосредственное переживание – эмпатия» и «бессознательное – интерпретация».

В психотерапевтическом контексте каждая из этих единиц составляет нерасторжимое единство, элементы которого не имеют самостоятельного существования. Например, бессознательное не может стать реальностью психотерапии без интерпретации; непосредственное переживание клиента тоже не получит статуса реального события внутри психотерапии без эмпатического отклика терапевта (по аналогии с тем, как для того, чтобы радиоволна превратилась в звуковой сигнал, нужен радиоприемник).

Авторы указывают, что различные психотерапевтические школы признают ведущим уровнем для построения главного метода разные из описанных единиц. Психоанализ, считая в качестве базового уровня бессознательное, полагает главным методическим принципом интерпретацию; клиент-центрированная терапия, ориентируясь на уровень непосредственного переживания, опирается на эмпатию; для когнитивной психотерапии ведущий уровень работы – сознание, а главный методический принцип – понимание. Существуют и такие подходы (например, школа парадигматической аналитической психотерапии), которые главную задачу психотерапевтического метода видят в майевтической стимуляции процесса рефлексии. В понимающей психотерапии, которую и разрабатывают авторы монографии, предполагается использование всей гаммы базовых психотехнических единиц, что позволяет избирательно входить в резонанс с разными слоями целостного процесса переживания клиента, и, вслушиваясь во внутренние ритмы и тенденции, гармонизировать работу переживания, помогая ее выполнить в наиболее концентрированном и полном виде.

Мы также считаем, что, отдав должное ортодоксам отдельных школ психотерапии, нам необходимо увидеть симфонию их оснований. Но сведение эмпатии к психотехнике, на наш взгляд, значительно редуцирует смысл эмпатии как специфически человеческой активности. Нам представляется, что терапевт высокой квалификации, идентифицирующий себя, например, с клиент-центрированным направлением, опирается в равной степени и на эмпатию, и на осознание, как и психотерапевт, достигший мастерства в русле психодинамической психологии, только опираются они по-своему, поскольку на пути к вершинам мастерства и опыта каждый из них откорректировал «слабости» школы своей эмпатической активностью. То есть психотерапевт, сохранивший себя и повысивший свою компетентность в психотерапии, собственной эмпатической инициативностью, реактивностью и рефлексивностью действительно согласовал в достаточной мере психотехнические уровни и слои практики.

Эмпатическая активность как специфическая деятельность

В 2013–2014 гг. нами было проведено эмпирическое исследование, в котором участвовали 70 студентов юридического и психологического факультетов. Исследование описано в ряде публикаций [3, 4]. Кроме других данных, в нем мы сравнили эмпатическую активность студентов психологического и юридического факультетов и выяснили, что и те и другие, обладая достаточно развитыми способностями к эмпатии, сохраняя достаточную степень включенности и участия, поразному проявляют свою активность. Студенты-психологи в ситуации коммуникации без определенного смысла склонны эмоционально сблизиться с незнакомым собеседником, а студенты-юристы – эмоционально дистанцироваться. При этом неправильно говорить, что студенты-юристы менее эмпатичны. Вероятно, их профессиональная ориентация и образование способствуют тому, что именно эмоциональное дистанцирование является для них формой проявления эмпатической активности.

Исследователи физиологии мозга обнаруживают специальные структуры, обеспечивающие эмпатическую активность. При этом, как это характерно для естественнонаучных методов исследования психологической реальности, они концентрируются на реактивности, отражении активности другого, выделяя специализированные нейроны. Активность мозга, отражающая состояние и действия других существ, описывается как активность зеркальных нейронов. Эти нейроны были впервые зарегистрированы в начале 1990-х гг. во фронтальной коре обезьян итальянскими учеными Риццолатти, Галлезе и их коллегами из Пармского университета [5]. Предполагается, что зеркальные нейроны участвуют в нейрофизиологических механизмах эмпатии.

Эмпатическая активность как эмоциональный интеллект

В современной психологии вызывает много споров предположение об эмоциональном интеллекте, который представляется в виде дифференцированной эмпатии [6, 7].

Модель эмоционального интеллекта Рувена Бар-Она была представлена в 1996 г. на собрании американской ассоциации психологов в Торонто (Канада). Но наиболее популярной сегодня является модель эмоционального интеллекта Майера и Салоуэя (модель способностей). Майер и Сэловей выделяют всего четыре составляющие, которые, как мы можем видеть, представляют собой формы соответствия трех выделенных нами модусов эмпатической активности:

1. **Точность оценки и выражения эмоций.** Эмоции являются для нас сигналом о важных событиях, которые происходят в нашем мире, будь это внутренний мир или внешний. Важно точно понимать как свои эмоции, так и эмоции, которые испытывают другие люди. Это умение представляет собой способность определить эмоции по физическому состоянию и мыслям, по внешнему виду и поведению. Кроме того, оно включает в себя и способность точно выражать свои эмоции и потребности, связанные с ними, другим людям. Очевидно, что точность оценки и выражения эмоций не может иметь только инициативный, только реактивный или только рефлексивный характер. Все три модуса должны быть вовремя и в достаточной степени реализованы. При этом человек, точно понимающий и выражающий эмоции, не может быть неизменным и не в ответе за себя и за другого.

2. **Использование эмоций в мыслительной деятельности.** То, как мы себя чувствуем, влияет на то, как мы думаем и о чём мы думаем. Эмоции направляют наше внимание на важные события, они готовят нас к определённым действиям и влияют на наш мыслительный процесс. Эта способность помогает понять, как можно думать более эффективно, используя эмоции. Управляя эмоцией, человек может видеть мир под разным углом и более эффективно решать проблемы. Так же, как и в первом пункте, говоря об использовании эмоций для осмысления, об управлении эмоциями, мы видим необходимость ре-спонзивности (ответности), мыслить и управлять эмоцией не в ответ нельзя. Речь идет о «симфонии» отклика, избирательности, соответствия, намерения и др.

3. **Понимание эмоций.** Эмоции – не случайные события. Их вызывают определённые причины, они меняются по определённым правилам. Эта способность отражает умение определить источник эмоций, классифицировать эмоции, распознавать связи между словами и эмоциями, интерпретировать значения эмоций, касающихся взаимоотношений, понимать сложные (амбивалентные) чувства, осознавать переходы от одной эмоции к другой и возможное дальнейшее развитие

эмоции. Понимание эмоций требует соответствия контексту и основаниям. Очевидно, что, фиксируя конечные стадии понимания эмоций, мы будем иметь дело с рефлексивностью человека, но это не значит, что в этом не проявляется реактивность и инициативность. Именно они и придают рефлексивности адекватность, определяют ее уместность и меру.

4. **Управление эмоциями.** Поскольку эмоции содержат информацию и влияют на мышление, имеет смысл принимать их во внимание при построении логических цепочек, решении различных задач, принятии решений и выборе своего поведения. Для этого необходимо принимать эмоции вне зависимости от того, являются ли они желаемыми или нет, и выбирать стратегии поведения с их учётом. Эта способность относится к умению использовать информацию, которую дают эмоции, вызывать эмоции или отстраняться от них в зависимости от их информативности или пользы; управлять своими и чужими эмоциями.

Можно ли говорить о хороших и плохих эмоциях? Нет. Но, говоря об эмоциональном интеллекте, мы можем говорить о расстройствах, нарушениях интеллекта. В связи с гипотезой о респонзивности эмпатии нарушения и расстройства эмоционального интеллекта могут быть описаны как дефициты эмпатической активности, специфицирующиеся в зависимости от дефицитарности ее модусов: дефицита инициативы, дефицита реактивности или дефицита рефлексии. Поскольку мы системно рассматриваем динамику активности, то можно предположить, что дефицитарность одного модуса активности будет выражаться в относительном профиците проявлений другого модуса. Например, актуальный дефицит инициативы может выглядеть как относительный избыток рефлексии. Но при этом для эмоциональных проявлений такого рода будет характерна закрытость, заикленность, эмоциональная навязчивость.

При встрече с другой жизнью, воплощенной в человеке или произведении через состояние, при попытке понимания Другого, происходит качественное изменение ситуации, «преображение» – начало перехода из стадии простой потенциальности эмпатии в стадию эмпатической активности. Смыслы начала, середины или конца эмпатического взаимодействия характеризуются инициативой, а не только репертуаром реакций или рефлексии.

Дальнейшую перспективу изучения эмпатической активности мы связываем с системно-антропологическим подходом В.Е. Ключко [8] и транстемпоральным подходом О.В. Лукьянова [9–12]. Принцип соответствия, лежащий в основе избирательности восприятия, утверждается в системно-антропологическом подходе. Это позволяет изучать длительностные закономерности проявления эмпатической активности. А принцип транстемпоральности (соответствия темпоральностей и сингулярностей) в проявлениях эмпатической активности, утверждаемый в транстемпоральном подходе, позволяет эксплицировать критические моменты и смыслы человеческой активности.

Заключение

В данной статье нами выдвинута гипотеза о респонзивной природе эмпатической активности. Категория респонзивности позволяет целостно (системно) рассматривать два аспекта эмпатии: эмпатию как метод познания и видеть его не только в нахождении ответа, но в бытии, становлении ответом, и эмпатию как метод взаимодействия, понимаемый не только как преодоление того, что разделяет человека с миром и другими, но как изменение человека в ответ на присутствие и активность мира и Другого. Благодаря категории респонзивности мы можем не разделять аспекты понимания и взаимодействия, а интегрировать их в понимание эмпатической активности, которая является формой более фундаментальной респонзивной активности. Эмпатическая активность проявляется в согласованности трех модусов: инициативности, реактивности и рефлексивности. Идея респонзивной природы эмпатической активности позволяет обнаружить базовые основания дискуссионных вопросов: эмпатии как психотехники, эмпатии как специфической деятельности, эмпатии как эмоционального интеллекта. Если обобщить достигнутые в русле этих подходов понимания на базе идеи респонзивности, то мы сможем устранить ряд сомнений и построить программу эмпирических исследований эмпатической активности и эмпатической компетенции, что является актуальным как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Литература

1. Пузыревский В.Ю. Феномен эмпатии в контексте современной западной философии // Сибирь, философия, образование. 2002. № 6. С. 103–118.
2. Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. и др. Методология психологии: проблемы и перспективы : учеб. пособие / под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. 509 с. (Серия «Humanitas»).
3. Федоров И.В. Эмпирическое изучение эмпатических компетенций. Системно-антропологический ракурс // Наука в центральной России. Декабрь, 2013. С. 106–111.
4. Федоров И.В., Лукьянов О.В. Построение современной системно-антропологической модели эмпатии // Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы : сборник материалов V Сибирского психологического форума (3–5 октября 2013 г.). Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2013. С. 139–143.
5. Gallese V., Goldman A.I. Mirror neurons and the simulation theory // Trends in Cognitive Sciences. 1998. № 2. P. 493–501.
6. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. Vol. 18, suppl., pp. 13–25. URL: <http://www.psicothema.com/pdf/3271.pdf>.
7. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R., Sitarenios G. Emotional Intelligence As a Standard Intelligence. Emotion, 2001.
8. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–336.

9. Лукьянов О.В. Актуальность изучения транстемпоральных аспектов социального и психологического опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 179–185.
10. Лукьянов О.В. Принцип транстемпоральности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 59–66.
11. Лукьянов О.В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 164–170.
12. Лукьянов О.В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций Психология // Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 2. С. 46.

ФЕДОРОВ Игорь Валерьевич, аспирант кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: nobelis-f@rambler.ru

ON THE RESPONSIVE NATURE OF EMPATHY

Fedorov Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nobelis-f@rambler.ru

Keywords: Emotions; initiative; sensibility; reflexivity; interaction; activity.

Abstract

In the 20th century and the beginning of the 21st century, the traditional understanding of the phenomenon of empathy was based on presumptions of implicit characteristics of human personal identity. Empathy was interpreted as the ability of people to be aware, through their own senses, of the condition of other people and things. We suggest to interpret empathy as a form of psychological activity of a human, that is to say a form of expressing responsiveness that is implicitly inherent to human existence – an ability to change while responding.

The hypothesis of the responsive nature of empathic activity allows us to overcome the question of empathy being a human way to learn and interact. We propose to eliminate this question by making the subject matter more precise. It is probably not possible to find a final answer to the question of empathy. However, we can surely consider empathy both a way of learning and a way of interaction. This is not about two different aspects or components, but about cohesiveness. Responsive interpretation of empathy allows us to discover the basis of such types of psychological activity as establishing appropriate distance and institutionalization of the Other, taking into consideration that these are inevitably connected to transfer, subjectivity of reception, and identification.

Examining the psychotechnical and differential aspects of empathic activity which are expressed in the modern concepts of positive psychotherapy and emotional intelligence, we suggest a more systematic view. Empathic activity appears in the coordination of the three psychological activity modes: initiative, sensibility, and reflexivity. Under the optimum circumstances, these modes are complementary to each other and the situation. However, in real situations there might be stages of this process that are characterized by deficit and imbalance of these modes. In this regard, it makes sense to point out one more aspect of empathic activity – empathic deficit.

References

1. Puzyrevskiy V.Yu. Fenomen empatii v kontekste sovremennoy zapadnoy filosofii [The phenomenon of empathy in the context of modern Western philosophy]. *Sibir', filosofiya, obrazovanie*, 2002, no. 6, pp. 103-118.
2. Vasilyuk F.E., Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G. et al. *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy* [Methodology of psychology. Problems and prospects]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2012. 509 p.
3. Fedorov I.V. Empiricheskoe izuchenie empaticheskikh kompetentsiy. Sistemno-antropologicheskii rakurs [Empirical study of empathic skills. System-anthropological perspective]. *Nauka v tsentral'noy Rossii – Science in the Central Russia*, 2013, December, pp. 106-111
4. Fedorov I.V., Lukyanov O.V. [Building a modern system-anthropological model of empathy]. *Antropologicheskaya psikhologiya v XXI veke: problemy i perspektivy : sbornik materialov V Sibirskogo psikhologicheskogo foruma* [Anthropological psychology in the 21st century: problems and prospects. Proc. of the 5th Siberian Psychological Forum]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2013, pp. 139-143. (In Russian).
5. Gallese V., Goldman A.I. Mirror neurons and the simulation theory of mind-reading. *Trends in Cognitive Sciences*, 1998, no. 2, pp. 493-501. DOI: 10.1016/S1364-6613(98)01262-5.
6. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). *Psicothema*, 2006, vol. 18, pp. 13-25. Available at: <http://www.psicothema.com/pdf/3271.pdf>.
7. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R., Sitarenios G. Emotional intelligence as a standard intelligence. *Emotion*, 2001, vol. 1, no. 3, pp. 232-242. DOI: 10.1037/1528-3542.1.3.232.
8. Klochko V.E., Lukyanov O.V. Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. 333-336. (In Russian).
9. Lukyanov O.V. The urgency of studying transtemporal aspects of social and psychological experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 298, pp. 179-185. (In Russian).
10. Lukyanov O.V. Principle of transtemporality in actual psychological practice. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2007, no. 25, pp. 59-66. (In Russian).
11. Lukyanov O.V. Existential analysis and the nature of time. Transtemporal character of existential experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 299, pp. 164-170. (In Russian).
12. Lukyanov O.V. Time Factor in the System of Psychological Interpretations. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2010, vol. 7, no. 2, pp. 46. (In Russian).

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.9.072

ВЫБОР СТРАТЕГИЙ РЕШЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ СТУДЕНТАМИ РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Т.А. Ваулина, О.М. Краснорядцева, Э.А. Щеглова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-06-00712 «Кросскультурное исследование уровня развития математической креативности у студентов вузов разных категорий и профилей подготовки»

Аннотация. Рассматриваются результаты исследования когнитивных действий при решении математических задач студентами, обучающимися по разным направлениям подготовки. Представлено краткое описание выделяемых стратегий решения математических задач. Обсуждаются результаты проведенного исследования, показавшие, что существуют приоритеты в выборе студентами разных направлений определенных стратегий решения математических задач, традиционно используемых для выявления математической креативности. Обосновывается целесообразность введения в образовательные программы профессиональной подготовки студентов психолого-образовательных технологий, направленных на актуализацию ресурсов самореализации как процесса и результата развития когнитивного потенциала.

Ключевые слова: стратегии решения математических задач; математическая креативность; беглость; гибкость; оригинальность.

Введение

Процесс решения математических задач традиционно продолжает оставаться достаточно привлекательным предметом исследования для когнитивной психологии. Особое место занимают в этом исследовательском поле проблемы выявления специфики тех изменений, которые приводят к успешному решению математической задачи и объективации самого процесса решения. Так, зарубежные исследователи показывают, что умение решать математические задачи коррелирует с общими достижениями в математике, а развитие навыков решения математических задач соотносится с достижениями в школе и за ее пределами [1]. В связи с осознанием важности наличия навыков решения математических задач в США на национальном уровне произошли существенные изменения в

восприятию математики как учебного предмета [2]. Правительство страны поддерживает исследования, посвященные изучению математического мышления учащихся (Fuchs&Fuchs, 2002; Marjorie Montague, 1993; Krawec, 2014), причем существенную роль имеют исследования, посвященные особенностям решения мыслительных задач студентами, испытывающими затруднения в обучении, а также студентами с низким уровнем достижений в учебе [2, 3]. В Израиле также государственной поддержкой пользуются исследования, посвященные изучению математического мышления одаренных школьников и студентов [4, 5]. Создание условий для развития математических способностей у детей и подростков является сегодня одной из приоритетных задач, поставленных перед российской системой образования (Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г., предусматривающий разработку Концепции развития математического образования в Российской Федерации).

Обращаясь к проблеме изучения механизмов решения мыслительных задач, В.Ф. Спиридонов [6] описывает используемый им метод изучения критериев принятия решения в перцептивных задачах, основанный на классификации алгебраических текстовых задач, различных по своей структурной сложности, и модифицированном методе «Да-Нет» (Rehder, 1999). Р. Лейкин в качестве инструмента оценки относительной (математической) креативности предлагает использовать задания с несколькими решениями (ЗНР), позволяющие зафиксировать стратегии, которые использует учащийся при решении математических задач [4, 5].

В нашей предыдущей работе [7] были выделены и описаны стратегии решения математических задач, используемые российскими студентами при решении задач с несколькими вариантами решений, а также показано, как использование определенных стратегий решения математических задач может выступать показателем проявления математической креативности [7]. Под стратегиями решения математических задач понимаются осознанные способы построения и применения системы актуально и потенциально доступных средств (способов) решения математической задачи. К актуально доступным средствам решения относят способы и алгоритмы решения задачи, которые изучаются в рамках образовательной программы, к потенциально доступным средствам – существующие способы решения математической задачи, но не рассматриваемые в учебном процессе [7].

В данной работе мы предприняли попытку подойти к изучению когнитивных действий при решении математических задач студентами, обучающимися по разным направлениям подготовки в вузе. В рамках проводимого нами исследования решались две взаимосвязанные задачи:

1. Изучить специфику стратегий решения математических задач, применяемых студентами разных направлений подготовки.
2. Исследовать влияние разных видов задач, имеющих несколько решений, на выбор студентами определенных стратегий решения.

Выборка исследования

Исследование проводилось среди студентов первых курсов различных факультетов Томского государственного университета. Первый курс был выбран в качестве исследовательской выборки, поскольку все испытуемые на момент проведения исследования имели достаточно актуализированные компетенции в области решения математических задач (все сдали ЕГЭ по математике всего полгода назад). Всего в исследовании приняли участие 288 респондентов. В соответствии с профилями подготовки респонденты были распределены по трем целевым группам. В первую группу (физико-математическое направление подготовки, $n = 94$) вошли студенты факультета прикладной математики и кибернетики и физико-технического факультета, во вторую группу (экономическое направление подготовки, $n = 102$) – студенты экономического факультета, в третью группу (гуманитарное направление подготовки, $n = 92$) – студенты факультета журналистики и института искусств и культуры.

Методы исследования

Для изучения особенностей стратегий решения студентами математических задач применялась модель оценивания креативности с использованием задач с множественными способами решений (ЗНР), разработанная R. Leikin (2009) [4, 5]. Эта модель включает операциональные определения и соответствующую схему расчетов для оценивания креативности, основанную на трех элементах: беглость, гибкость и оригинальность, предложенных Torrance (1974).

Используемые в исследовании задачи различались темой, к которой относится задача в школьной программе по математике, сложностью, традиционностью задачи и традиционностью решений. Студентам было предложено решить как минимум тремя способами арифметическую задачу, систему линейных уравнений и текстовую алгебраическую задачу. Все задания относятся к типовым задачам, включенным в школьную программу по математике, и имеют множество различных способов решения, основанных на математических правилах, математическом представлении и математическом моделировании. Причем каждая из задач имеет нестандартные решения, основанные на понимании ее структуры.

В процессе качественного анализа работ респондентов для каждой задачи был определен спектр различных способов решений, которые, исходя из сходства и различия используемых математических представлений, были сгруппированы в соответствующие категории. Решения к одной и той же задаче считались разными, если они были основаны на разной репрезентации некоторых математических кон-

цептов, задействованных в задаче; на различных свойствах (определенных или теоремах) математических объектов в пределах определенной области или различных свойствах математических объектов в разных областях. На основании полученных данных были определены коллективные (совокупность решений, предложенных группой) и индивидуальные пространства решений (все решения задачи, предложенные решающим). Кроме того, по каждой задаче для каждого респондента в соответствии с индивидуальными и коллективными пространствами решений были вычислены такие показатели, как *правильность, беглость, гибкость, оригинальность и креативность*.

Основные стратегии решения математических задач были определены на расширенной выборке испытуемых [7]. Основаниями для классификации стратегий решения математических задач послужили количество предложенных способов решения задачи, их эффективность (нахождение правильного решения), количество используемых математических подходов (идей, представлений, алгоритмов, инструментов).

Количественный анализ и статистическая обработка эмпирических данных проводились с помощью программы IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования

Классификация стратегий решения математических задач.

Детальный анализ письменных работ респондентов и вышеобозначенных показателей позволил выделить четыре преобладающие стратегии решения математических задач.

Первая стратегия («элементарная») характеризуется 1 или 2 способами решения задачи, основанными на элементарном (самом популярном) традиционном математическом алгоритме. Причем второй способ представляет собой незначительную модификацию первого. Примерами такой стратегии являются вертикальное умножение, когда множители меняют местами, или при решении системы 2-линейных уравнений поочередное выражение каждой переменной и ее подстановка в другое уравнение. Как правило, алгоритмические задачи решаются правильно, но попытка решения текстовой задачи, требующей аналитического подхода, основанного на понимании ее структуры, в большинстве случаев оказывается неуспешной (верный ответ может быть получен в результате использования метода подбора) либо попытка решения вовсе отсутствует.

В случае применения данной стратегии решения отмечаются низкие показатели беглости, гибкости и оригинальности и, соответственно, очень низкий уровень креативности (практически ее отсутствие).

Вторая стратегия («репродуктивно-вариативная») характеризуется достаточно большим количеством способов решения задачи, каждый из которых соответствует разным математическим подходам, основанным на использовании традиционных математических алго-

ритмов. Например, систему линейных уравнений решают и через выражение переменной и ее подстановку, и совершая различные алгебраические действия с исходными уравнениями, и матричными методами, и т.д. При этом последовательность способов решения задачи часто соответствует увеличению их сложности. Возможно, что не все решения будут правильными или завершенными (но не обязательно). Нестандартные решения алгоритмических задач не используются. Для решения текстовой задачи, требующей понимания ее структуры, применяется один или несколько способов решения с использованием традиционных математических алгоритмов. Например, текстовая задача решается через составление уравнения или системы уравнений (традиционный математический подход для подобных задач). При этом если предлагается несколько вариантов решения задачи, то все они основаны на одном математическом подходе и даже по своей сути чаще всего представляют один способ решения. Отличия могут состоять в том, что записаны однотипные системы уравнений с некоторой модификацией (сокращают множители, переносят члены уравнения в другую его часть и пр.) или варианты решений состоят в том, что одну систему уравнений решают разными способами. Решений текстовой задачи, основанных на понимании и логическом рассуждении, не предлагается.

При использовании этой стратегии решения отмечаются высокие показатели беглости и гибкости, но низкий показатель оригинальности при слабо выраженной креативности.

Третья стратегия («креативно-инсайтная») характеризуется достаточно большим количеством предложенных способов решения, не только основанных на разных традиционных математических подходах, но и представляющих собой нестандартные решения стандартных задач. Здесь возможны следующие варианты. Первоначально студенты демонстрируют способы решения по традиционным математическим алгоритмам, в ходе выполнения которых начинают понимать структуру самой задачи, в результате чего у них «рождается» нестандартное решение (происходит инсайт); например, при решении системы линейных уравнений всевозможными известными из курса математики способами приходит понимание того, что она симметрична. Или понимание особенностей задачи происходит уже на первом этапе решения, тогда нетрадиционный способ решения предлагается первым, а далее приводятся другие, стандартные способы решений, построенные на традиционных математических алгоритмах. Иногда студенты описывают несколько нестандартных способов решения. При данной стратегии обычно все предпринятые попытки решения задачи доводятся до конца (получение правильного ответа). Если какой-то способ, столкнувшись с трудностями, студент прерывает, то после других (удачных) вариантов решения этой задачи вновь к нему возвращается и доводит до логического завершения.

В случае применения данной стратегии решения отмечаются высокие показатели беглости, гибкости, оригинальности, что свидетельствует о выраженной креативности.

Четвертая стратегия («оптимально-инсайтная») характеризуется, как правило, одним нетрадиционным решением (в редких случаях двумя). Предлагаемые решения основаны на понимании структуры задачи и аналитическом подходе к ее решению. Студент, продемонстрировав, по его мнению, оптимальный способ решения, несмотря на инструкцию (решить задачу как минимум тремя способами), отказывается от дальнейших попыток найти другие способы. Например, представив произведение двух трехзначных чисел в виде разности квадратов, других способов решения, в том числе самого элементарного и распространенного – умножение в столбик – не применяет. Обычно все задачи решены правильно. При этом одни студенты подробно описывают логику своего рассуждения, другие же бывают предельно краткими, указывая лишь ключевые моменты решения.

В случае использования этой стратегии решения отмечаются низкие показатели беглости и гибкости при чрезвычайно высоком показателе оригинальности.

Способы и стратегии решения арифметической задачи студентами разных направлений подготовки. Способы и стратегии решений арифметической задачи представлены в табл. 1 и 2. Здесь группа 1 – физико-математическое направление подготовки, группа 2 – экономическое и группа 3 – гуманитарное.

Предложенная арифметическая задача является традиционной для школьного курса математики, не отличается сложностью и имеет достаточно много способов решений, включая решение, основанное на понимании структуры задачи (приведение произведения двух чисел к разности квадратов), которое оценивалось как оригинальное решение.

Практически все респонденты из трех целевых групп верно выполнили данное задание. Коллективные пространства решений от 4 до 5, т.е. студентами физико-математического и экономического направлений подготовки были продемонстрированы способы решений задачи из 5 разных групп, а студентами-гуманитариями – из 4. Самым распространенным способом решения у студентов разных направлений подготовки является «вертикальное умножение» (умножение в столбик). Следует отметить, что студенты гуманитарного направления подготовки для нахождения произведения двух чисел использовали преимущественно традиционные способы, оригинальных методов решения предложено не было. Предложили оригинальное решение немногим более четвертой части (27%) студентов физико-математического направления подготовки и 10,5% студентов экономического направления.

Полученные данные (см. табл. 2) показывают, что у студентов физико-математического и экономического направлений подготовки

наиболее распространенной является вторая стратегия («репродуктивно-вариативная»), а у студентов гуманитарного направления – первая («элементарная»), их продемонстрировали более половины респондентов. При этом следует отметить, что студенты-гуманитарии для решения данной задачи использовали только две стратегии («элементарную» и «репродуктивно-вариативную»). Все четыре стратегии решения были продемонстрированы студентами экономического направления подготовки. Неожиданным для нас явился тот факт, что при решении этой задачи никто из студентов физико-математического направления подготовки не использовал четвертую стратегию («оптимально-инсайтную»).

Т а б л и ц а 1

Способы решений арифметической задачи студентами разных направлений подготовки

Задача: Найдите произведение 407×393	Доля студентов, представивших решение, %		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Способы решений			
Вертикальное умножение	65%	100%	88%
Разложение множителя(й) на слагаемые	48,6%	60%	16%
Разложение на простые множители	3%	9%	4%
Использование калькулятора	13,5%	3%	8%
Разность квадратов	27%	10,5%	0
Статистики			
Коллективная гибкость	5	5	4
Диапазон индивидуальных пространств решений (<i>беглость</i>)	1 – 4	1 – 4	1 – 3
Среднее количество решений (M)	2,64	2,31	1,57

Т а б л и ц а 2

Стратегии решений арифметической задачи студентами разных направлений подготовки

Стратегии решения арифметической задачи	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Итого
Стратегия 1 («элементарная»)	8 8,5%	21 20,6%	56 60,9%	85 29,5%
Стратегия 2 («репродуктивно-вариативная»)	58 61,7%	70 68,6%	36 39,1%	164 56,9%
Стратегия 3 («креативно-инсайтная»)	28 29,8%	8 7,8%	0	36 12,5%
Стратегия 4 («оптимально-инсайтная»)	0	3 3%	0	3 2,9%
Итого	94 100%	102 100%	92 100%	288 100%

Способы и стратегии решения системы уравнений студентами разных направлений подготовки. В табл. 3 и 4 представлены

способы и стратегии решений студентов системы линейных уравнений. Здесь группа 1 – физико-математическое направление подготовки, группа 2 – экономическое и группа 3 – гуманитарное.

Т а б л и ц а 3

**Способы решений системы уравнений студентами
разных направлений подготовки**

Решите систему уравнений: $\begin{cases} 4x+5y = 18 \\ 5x+4y = 18 \end{cases}$	Доля студентов, представивших решение, %		
	Способы решений	Группа 1	Группа 2
Выражение переменной	78,7%	78,7%	41,3%
Алгебраические действия с исходными уравнениями	42,6%	40%	30,4%
Введение множителей для алгебраических операций с уравнениями	34%	34%	4,3%
Графический	6,4%	1,7%	4,3%
Матричный	36%	17,3%	0
Подбор	4%	7%	4,3%
Приравнивание	30%	27,6%	34,8%
Симметрия	4,3%	0,8%	0
Статистики			
Коллективная гибкость	8	8	6
Диапазон индивидуальных пространств решений (<i>беглость</i>)	1 – 7	1 – 5	0 – 3
Среднее количество решений (M)	2,96	2,57	1,35

Решение системы линейных уравнений относится к традиционной задаче из школьного курса математики, имеющей несколько традиционных способов решений, а также решение, основанное на понимании ее симметричности. Респондентами для решения системы уравнений было продемонстрировано достаточно большое количество способов из 8 различных групп. Коллективные пространства решений студентов физико-математического и экономического направлений подготовки равны 8, гуманитарного направления – 6. При этом все студенты физико-математического и экономического направлений подготовки предложили один и более способов решения системы уравнений. Их индивидуальные пространства решений составили 1–7 и 1–5 соответственно. Следует отметить, что не все студенты гуманитарного направления подготовки справились с этим заданием, 11% студентов не предложили ни одного способа решения системы уравнений, и никто из решивших данную задачу не предложил более 3 способов решения (индивидуальные пространства решений от 0 до 3).

Самым распространенным способом решения данной задачи у всех студентов, независимо от направления подготовки, является выражение переменной из одного уравнения и ее подстановка в другое

уравнение. На втором месте по популярности – алгебраические действия с уравнениями, на третьем – матричные методы (метод Крамера и метод Гаусса) и приравнивание уравнений. Заметим, что матричными методами воспользовались только студенты физико-математического и экономического направлений подготовки, студенты гуманитарии их не использовали. Увидеть, что система уравнений симметрична, также смогли лишь несколько студентов физико-математического и экономического направлений подготовки (4,3 и 0,8% соответственно).

Таблица 4

**Стратегии решений системы уравнений студентами
разных направлений подготовки**

Стратегии решения системы уравнений	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Итого
Стратегия 1 («элементарная»)	8 8,5%	26 25,5%	46 56,1%	80 28,8%
Стратегия 2 («репродуктивно-вариативная»)	74 78,7%	72 70,6%	28 34,1%	174 62,6%
Стратегия 3 («креативно-инсайтная»)	12 12,8%	3 2,9%	4 4,9%	19 6,8%
Стратегия 4 («оптимально-инсайтная»)	0	1 1%	4 4,9%	5 1,8%
Итого	94 100%	102 100%	82 100%	278 100%

Анализ полученных данных (см. табл. 4) показал, что у студентов физико-математического и экономического направлений подготовки самой распространенной стратегией решения системы уравнений является вторая («репродуктивно-вариативная»), ее продемонстрировали более 70% респондентов. Студенты гуманитарного направления подготовки для решения данной задачи чаще использовали первую («элементарную») и вторую («репродуктивно-вариативную») стратегии (56 и 34% соответственно). Следует отметить, что в данном случае, как и в случае с арифметической задачей, никто из студентов физико-математического направления подготовки не продемонстрировал четвертую стратегию («оптимально-инсайтную»), тогда как несколько человек экономического и гуманитарного направлений подготовки эту стратегию решения использовали.

Способы и стратегии решения текстовой задачи студентами разных направлений подготовки. В табл. 5 и 6 представлены способы и стратегии решений студентов системы линейных уравнений. Здесь группа 1 – физико-математическое направление подготовки, группа 2 – экономическое и группа 3 – гуманитарное.

**Способы решений текстовой задачи студентами
разных направлений подготовки**

***Задача «Джем»:** Мария изготавливает клубничное варенье для нескольких продовольственных магазинов. Для поставки варенья в магазины она разливает его по большим банкам. Однажды Мария разлила 80 литров варенья поровну по банкам. Она решила освободить 4 банки и переложить варенье из них поровну в другие банки. Мария поняла, что она добавила ровно $1/4$ от предыдущего количества в каждую банку. Сколько банок Мария приготовила в самом начале?*

Решения	Доля студентов, представивших решение, %		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Система уравнений	36,2%	18%	17,4%
Уравнение 1	2%	0	0
Уравнение 2	42,6%	27%	19,6%
Уравнение 3	2%	3%	0
По действиям	4,3%	12%	11%
Доли (проценты)	2%	0	2%
Подбор	2%	8,7%	0
Инсайт	8,5%	8%	4,3%
Статистики			
Коллективная гибкость	8	6	5
Диапазон индивидуальных пространств решений (<i>беглость</i>)	0 – 3	0 – 3	0 – 2
Среднее количество решений (M)	1,06	0,82	0,61

Текстовая задача от первых двух задач отличалась большей сложностью и меньшей традиционностью. Ее структурная сложность обусловлена тем, что в задаче присутствуют и количественно определяемые величины, и функциональные связи. Она также имеет несколько решений, некоторые из них основаны на традиционных математических алгоритмах, изучаемых в школьном курсе математики, другие являются нестандартными для математики (без использования переменных), основаны на понимании структуры задачи. С этой задачей справились далеко не все респонденты. Причем среди не решивших задачу есть студенты всех трех направлений подготовки. Несмотря на большое количество способов решения, предложенных респондентами трех целевых групп (коллективные пространства решений для физико-математического направления – 8, экономического – 6 и гуманитарного – 5), каждым респондентом было предложено не более 3 способов, большинство студентов предложили только по одному способу решения. Наиболее распространенными способами решений текстовой задачи во всех трех группах являются система уравнений и уравнение с одной переменной. Заметим, что несколько студентов каждого из трех направлений подготовки продемонстрировали нестандартные решения, основанные на понимании структуры задачи (4,3–8,5%).

**Стратегии решений текстовой задачи студентами
разных направлений подготовки**

Стратегии решения текстовой задачи	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Итого
Стратегия 1 («элементарная»)	36 50%	44 62,9%	42 77,8%	122 62,2%
Стратегия 2 («репродуктивно-вариативная»)	6 8,3%	4 5,7%	2 3,7%	12 6,1%
Стратегия 3 («креативно-инсайтная»)	12 16,7%	5 7%	0	17 8,7%
Стратегия 4 («оптимально-инсайтная»)	18 25%	17 24,3%	10 18,5%	45 23%
Итого	72 100%	70 100%	54 100%	196 100%

Полученные в ходе исследования данные (см. табл. 6) показали, что самой распространенной стратегией решения текстовой задачи у студентов всех направлений подготовки является первая («элементарная»). Более половины респондентов использовали именно ее. На втором месте – четвертая стратегия («оптимально-инсайтная»), практически четвертая часть студентов (из тех, кто решил данную задачу) использовали данную стратегию решения. Две другие стратегии («репродуктивно-инсайтная» и «креативно-инсайтная») студенты применяли крайне редко.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенное эмпирическое исследование показало, что существуют приоритеты в выборе студентами разных направлений определенных стратегий решения математических задач, традиционно используемых для выявления математической креативности. Так, студенты гуманитарного направления подготовки для решения всех трех задач применяли преимущественно «элементарную» стратегию.

У студентов физико-математического и экономического направлений подготовки преобладающей стратегией решения арифметической задачи и системы линейных уравнений является «репродуктивно-вариативная», при решении текстовой задачи обе группы в качестве доминирующей стратегии демонстрировали «элементарную».

Большую вариативность в выборе стратегий решения математических задач из трех групп продемонстрировали студенты экономического направления, так как ими были использованы все четыре стратегии («элементарная», «репродуктивно-вариативная», «креативно-инсайтная», «оптимально-инсайтная»).

Следует также отметить, что выбор стратегий решения математических задач варьировался в зависимости от вида представленной задачи во всех трех группах студентов.

Таким образом, полученные в рамках исследования результаты свидетельствуют о том, что:

– в выборе студентами стратегий при решении математических задач, предполагающих проявление математической креативности, доминируют «элементарная» и «репродуктивно-вариативная» стратегии;

– выбор студентами той или иной стратегии решения математических задач, имеющих несколько решений, зависит не только от направления подготовки (глубины изучения математики и математической компетентности), но и от вида задач, т.е. от структурной сложности математической задачи. Это значит, что студент, предлагающий оригинальное и креативное решение одной задачи, не обязательно проявит креативность при решении другой (не похожей) задачи.

В ранее проведенных нами исследованиях [8] было выявлено, что факт гуманитарной направленности выбранного студентом профиля обучения однозначно не свидетельствует об уровне развития математических способностей и что уровень развития математических способностей в большей степени определяется не столько профилем обучения, сколько уровнем общего интеллектуального развития. Это согласуется с данными зарубежных исследователей (Sheffield, 2009; Yerushalmy, 2009; Herskovits, Peled & Littler, 2009) об универсальном характере математической креативности как одной из характеристик продвинутого математического мышления и возможности ее развития у всех студентов. В этой связи представляется целесообразным вводить в образовательные программы профессиональной подготовки студентов психолого-образовательные технологии, направленные на актуализацию ресурсов самореализации как процесса и результата развития когнитивного потенциала [9].

Литература

1. Bryant D.P., Bryan B.R., Hammil D.D. Characteristic behaviours of students with LD who have teacher-identified math weakness // *Journal of Learning Disabilities*. 2000. Vol. 33. P. 168–177.
2. Krawec J.L. Problem representation and mathematical problem solving of students of varying math ability // *Journal of Learning Disabilities*. 2014. Vol. 47(2). P. 103–115.
3. Krawec J.L., Huang J., Montague M., Benikia Kressler, Amanda Melia de Alba. The effects of cognitive strategy instruction on knowledge of math problem-solving processes of middle school students with learning disabilities // *Learning Disability Quarterly*. 2012. Vol. 36 (2). P. 80–92.
4. Leikin R., Berman A., Koichu B. Exploring Mathematical Creativity Using Multiple Solution Tasks // *Creativity in Mathematics and the Education of Gifted Students*. 2007. P. 129–145.
5. Leikin R. & Lev M. Mathematical creativity in generally gifted and mathematically excelling adolescents: What makes the difference? // *ZDM – The International Journal on Mathematics Education*, 2013. Vol. 45(2). P. 183–197.

6. *Спиридонов В.Ф.* Новые методы изучения мыслительных процессов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 4.
7. *Красноярцева О.М., Щеглова Э.А., Ваулина Т.А.* Проявление математической креативности в стратегиях решения задач // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 2. С. 98–107.
8. *Ваулина Т.А., Щеглова Э.А.* Особенности взаимосвязи общего интеллекта и математических способностей у старшеклассников и студентов, обучающихся в разных образовательных средах // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 74.
9. *Красноярцева О.М.* Актуализация потенциала одаренности подростков с выраженным интересом к математике: возможности психолого-образовательных технологий // Сибирский психологический журнал. 2013. № 48. С. 39–47.

ВАУЛИНА Татьяна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета.

E-mail: vaulina@rambler.ru

КРАСНОЯРЦЕВА Ольга Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Томского государственного университета.

E-mail: krasnoo@mail.ru

ЩЕГЛОВА Элеонора Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета.

E-mail: shcheglova@sibmail.com

THE CHOICE OF THE STRATEGIES OF MATHEMATICAL PROBLEM SOLVING BY STUDENTS WHO MAJOR IN DIFFERENT SUBJECT AREAS

Vaulina Tatiana A., Krasnoryadtseva Olga M., Shcheglova Eleonora A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vaulina@rambler.ru; krasnoo@mail.ru; shcheglova@sibmail.com

Keywords: the strategies of mathematical problem solving, mathematical creativity, fluency, flexibility, originality.

Abstract

The article reveals the results of the research of cognitive actions during solving mathematical problems by students who major in different subject areas. It depicts the short description of the strategies of solving mathematical tasks. The sample consists of 220 first year students who study at different departments of Tomsk State University. The choice of the first year students as a research sample is influenced with the fact that these students still have active competences in mathematical problem solving (as they passed the math exam half a year ago). In accordance with the areas of study, the respondents were divided into three target groups. The first group included students of applied mathematics and cybernetics who study at physical engineering department, the second group of students study at the department of economics, the third group of students study at the journalism department and institute of arts and culture. The article describes the evaluation model of mathematical creativity by means of solving multiple solution tasks developed by R. Leikin (2009). This model was used to investigate the peculiarities of strategies of solving mathematical tasks. It includes operational definitions and the evaluation schema to study the mathematical creativity, based on three elements: fluency, flexibility and originality – proposed by Torrance (1974). We defined the range of different ways of the solutions of each task based on the similarities and differences of mathematical conceptualization and arranged them into the group. The solutions of the same task were considered to be different if they were based on: different representation of mathematical concepts used in the task, different properties (definitions and theorems) of mathematical objects in definite field or different properties of mathematical objects in different fields. On the basis of empirical data we were able to identify collective solution space (the set of solutions proposed by the

group) and individual solution space (all of the solutions proposed by students). We estimated the indicators of correctness, fluency, flexibility, originality and creativity for each task for every participant in accordance with individual and collective solution spaces. The foundation for classification of strategies of solving mathematical tasks was the number of proposed solutions to the task, their effectiveness (finding the right solutions), the number of used mathematical approaches (ideas, concepts, algorithms, tools). The paper reveals the results of the scientific research that demonstrate the priorities of the students' choices of different trends of the strategies of mathematical problem solving, that are traditionally used for evaluation of mathematical creativity. It is noted that the choice of strategies for solving mathematical problems varies depending on the type of problem presented in all three groups of students. The general conclusions state that: - in the students' selection of strategies for solving mathematical problems involving mathematical creativity dominates "elementary" and "reproductive variability" strategy; - the selection of students of a particular strategy for solving mathematical problems that has multiple solutions, depends not only on the field of study (depth of study of mathematics and mathematical competence), but also on the type of tasks and the structural complexity of mathematical problem.

The introduction of psycho-educational technologies that are focused on the actualization of the resources of self-development as the process and outcome of cognitive potential into educational programs of professional training of students is supported.

References

1. Bryant D.P., Bryan, B.R., Hammil, D.D. Characteristic behaviours of students with LD who have teacher-identified math weakness. *Journal of Learning Disabilities*, 2000, vol. 33, pp. 168-177. DOI: 10.1177/002221940003300205.
2. Krawec J.L. Problem representation and mathematical problem solving of students of varying math ability. *Journal of Learning Disabilities*, 2014, vol. 47(2), pp. 103-115. DOI: 10.1177/0022219412436976.
3. Krawec J.L., Huang J., Montague M., Kressler B., Melia de Alba A. The effects of cognitive strategy instruction on knowledge of math problem-solving processes of middle school students with learning disabilities. *Learning Disability Quarterly*, 2012, vol. 36 (2), pp. 80-92. DOI: 10.1177/0731948712463368.
4. Leikin R. *Exploring Mathematical Creativity Using Multiple Solution Tasks*. In: Leikin R., Berman A., Koichu B. (eds.) *Creativity in Mathematics and the Education of Gifted Students*. Rotterdam: Sense Publishers., 2009., pp. 129-145.
5. Leikin R., Lev M. Mathematical creativity in generally gifted and mathematically excelling adolescents: What makes the difference? *ZDM – The International Journal on Mathematics Education*, 2013, vol. 45(2), pp. 183-197. DOI: 10.1007/s11858-012-0460-8.
6. Spiridonov V.F. New methods of thinking process research. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013, vol. 10, no. 4, pp. 5-38. (In Russian).
7. Krasnoryadtseva O.M., Shcheglova E.A., Vaulina T.A. Manifestation of mathematical creativity in the strategies of solving mathematical problems. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya – Theoretical and experimental psychology*, 2014, vol. 7, no. 2, pp. 98-107. (In Russian).
8. Vaulina T.A., Shcheglova E.A. The peculiarities of interdependence between general intelligence and mathematical abilities of senior high school students and university students who study in different educational settings. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2013, no. 49, p. 74. (In Russian).
9. Krasnoryadtseva O.M. The actualization of the potential of gifted adolescents with a pronounced interest in mathematics: possibility of psycho-educational technologies. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2013, no. 48, pp. 39-47. (In Russian).

К ВОПРОСУ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСПЕШНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

С.Б. Дагбаева

Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Аннотация. Обсуждается проблема психолого-педагогического обеспечения успешной этнической социализации подростков. Этническая социализация понимается как динамический, содержательно наполненный процесс интеграции индивида в полиэтничное общество. Рассматриваются варианты успешной и неуспешной этнической социализации личности. Целью, критерием и результатом успешной этнической социализации считается гармоничная, толерантная личность с позитивной этнической и гражданской идентичностью. Представлены результаты констатирующего исследования особенностей этнической социализации подростков: этнической и гражданской идентичности, этнических стереотипов, величины социальной дистанции, ценностных ориентаций и уровня толерантности. На основе полученных результатов исследования предлагается модель психолого-педагогического обеспечения этнической социализации личности в условиях средней общеобразовательной школы, включающая просветительское, диагностическое, профилактическое и коррекционно-развивающее направления. Разработана и реализована программа этнокультурного тренинга, включающая технику повышения межкультурной сензитивности для участников межэтнического взаимодействия в условиях Забайкальского края, эффективность которой подтверждена результатами экспериментального исследования.

Ключевые слова: этническая социализация; психолого-педагогическое обеспечение; подростки; этнокультурный тренинг.

В свете происходящих социокультурных изменений современного общества все большую актуальность приобретает проблема этнической социализации личности. В современном мире человек уже не принадлежит только одной социальной группе, например этнической, являясь членом многих социальных сообществ, которые замыкаются друг на друга в самых различных комбинациях, находятся в постоянной динамике. Успешная социализация в таком мире должна быть ориентирована на открытие ребенку его сложности и предполагает формирование способности к самостоятельному выбору, развитие вариативности социального поведения, наличие определенного уровня толерантности к Другим [1].

Социализация понимается как двусторонний процесс усвоения социального опыта и активной реализации индивидом общественных отношений. На всех стадиях социализации воздействие общества на личность осуществляется непосредственно или через группу, в том

числе этническую [2]. Как пишет А.А. Леонтьев, личность является историко-этнической категорией [3]. Непосредственное влияние на формирование и развитие личности оказывает этническая среда [4. С. 125], которая определяется как единство климатогеографических, расово-биологических и культурно-психологических признаков, являющихся элементами системы внутренней (психика, антропобиологические характеристики человека), внешней (социокультурное и природное окружение) и «трансцендентной» (мир идеальных прообразов – Бог, духи природных стихий, прообразы научных представлений и др.) сфер человека [5].

Значение термина «этнос» по-разному определяется в теориях этноса, которые создали отечественные ученые. У Л.Н. Гумилева этнос – это природная общность [6]. Ю.В. Бромлей определяет этнос как социальную общность [7]. В.А. Тишков уверен, что этнос – это результат целенаправленной деятельности самих людей [8]. Традиционно полагается, что через ближайшее окружение личность приобщается к специфике национальной культуры, обычаев, традиций, что выступает как «внешний фактор места» [9] в системе общественных отношений и определяет особенности развития личности.

Современные сравнительно-культурные исследования этнической социализации связывают ее с вхождением ребенка в культуру своего народа [10]. По мнению Д. Мацумото, культура определяется как динамическая система правил, эксплицитных и имплицитных, установленных группами с целью обеспечить свое выживание, включая установки, ценности, представления, нормы и модели поведения, общие для группы, но реализуемые различным образом каждым специфическим объединением внутри группы, передаваемые из поколения в поколение, относительно устойчивые, но способные изменяться во времени [11].

Для обозначения процесса передачи культуры от одного поколения другому используется понятие культурной трансмиссии. Культурная трансмиссия включает два процесса: инкультурацию и социализацию. В процессе инкультурации индивид осваивает присущие культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур. Социализация осуществляется в результате более специализированного обучения и воспитания, которые, в свою очередь, приводят к овладению культурно-приемлемым типом поведения. Социализация определяется как интеграция индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей. Процессы социализации и инкультурации проходят одновременно, и без вхождения в культуру человек не может существовать как член общества. Результатом как инкультурации, так и социализации является развитие сход-

ства в поведении в пределах культур и поведенческих различий между культурами. Процессы инкультурации и социализации гарантируют овладение развивающимся индивидом тем поведенческим репертуаром, который необходим для успешной жизни в данном окружении [12. С. 43]. В процессе этнической социализации происходит усвоение личностью ценностей той или иной культуры. По мнению М.С. Яницкого, социализация – внутреннее принятие ценностей значимых других посредством интериоризации [13. С. 196]. Как пишет В.Е. Ключко, ценности не усваиваются, они превращаются в одно из измерений многомерного мира человека, обеспечивая устойчивость не только мира индивида, но и групп, наций, стран и всего человеческого сообщества [14. С. 110].

Таким образом, этническая социализация – это вхождение индивида в этническую среду, усвоение им ее воздействий, приобщение его к правилам совместной жизни, приобретение навыков устойчивого поведения согласно культурным установкам и нормам этноса. По мере включения личности в систему межэтнических и межкультурных отношений, усвоения этнокультурного опыта личность индивидуализируется путем конструирования этнического мировоззрения, на основе которого интегрируется в полиэтничное и поликультурное общество.

Целью, критерием и результатом успешной этнической социализации выступает личность, сохраняющая собственное этнокультурное наследие и стремящаяся к пониманию других культур, готовая к активной созидательной деятельности в современной поликультурной и многонациональной среде [15]. Когда процесс социализации успешен, индивид сначала адаптируется к окружающим его культурным нормам, затем воспринимает их так, что одобряемые нормы и ценности общества или группы становятся его эмоциональной потребностью, а запреты культуры – частью его сознания [16. С. 215]. Успешную этническую социализацию мы определяем как динамический, содержательно наполненный процесс становления позитивной этнической и гражданской идентичности, системы ценностных ориентаций и этнической толерантности. Личность отличается знанием культуры своего народа, стремлением к познанию культуры других народов, принятием этнокультурного многообразия.

Однако могут возникнуть различные нарушения этнической социализации личности, выражающиеся в неадекватности поведения нормам, требованиям той системы общественных отношений, в которую включается человек. Следует различать нарушения социализации, при которых неадекватность поведения не носит асоциального характера, и нарушения социализации, при которых поведение приобретает характер, противоречащий нормам морали и права [17]. Нарушения процесса этнической социализации могут происходить за счет различных дефектов в составляющих этнической социализации, включая ин-

ституты, механизмы, способы передачи и усвоения этнокультурного опыта, что приводит к возникновению разрушительных для личности и этнической системы в целом процессов [18].

Соответственно можно выделить следующие варианты неуспешной этнической социализации. При первом варианте индивид не усваивает в должной мере нормы и ценности своей этнической группы, растворяясь в другой культуре или балансируя между двумя, не овладевая ни одной из них. Путаясь в идентичностях, индивид часто испытывает внутрилличностные конфликты (Т.Г. Стефаненко) [19]. Характерен этнонигилизм, отрицание того, что этнокультурные различия вообще существуют (М. Беннет) [20], человек, отдаляясь от своей этнической группы, ищет устойчивые социально-психологические ниши по другим, не этническим критериям. Возможно размывание этнической идентичности (этнической индифферентности), т.е. неопределенность, неактуальность этничности, негативизм и даже нетерпимость по отношению к собственной этнической группе (Г.У. Солдатова) [21].

Второй вариант (этническая десоциализация) характеризуется появлением дискриминационных форм межэтнических отношений, этнической нетерпимостью, от раздражения на присутствие членов других групп до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей, агрессивных и насильственных действий против другой группы и даже геноцида. Деструктивность в межэтнических отношениях обусловлена гиперидентичностью: этноэгоизмом, этноизоляциялизмом и этнофанатизмом (Г.У. Солдатова) [22. С. 140]. Отмечаются наличие стереотипов, предубеждений к представителям других этнических групп, уклонение от тесного взаимодействия с ними, интолерантность в межэтническом взаимодействии (Т.Г. Стефаненко). Этнокультурные различия воспринимаются как угрожающие «Я», индивиды защищают себя от культурных различий, очерняя других и придерживаясь уничижительных установок по отношению к ним, при этом собственная этническая группа оценивается как превосходящая другие (М. Беннет). Данный вариант этнической социализации характеризуется неадекватными реакциями на ситуации межэтнического взаимодействия, что препятствует интеграции в поликультурное и полиэтничное общество.

Подводя итоги сказанному выше, следует отметить, что позитивная этническая и гражданская идентичность, система ценностных ориентаций и этническая толерантность являются основными показателями успешной этнической социализации. Но для современных этнических общностей, которые не имеют непрерываемых традиций и стабильной картины мира и многие элементы культуры которых размываются, характерен не столь однозначный результат данного процесса [23]. Ключевыми проблемами настоящего времени являются: слабое общероссийское гражданское самосознание при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации; распространение

националистических настроений в среде различных этнических общностей, неудовлетворенность в среде отдельных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав, недостаточное использование имеющихся ресурсов в целях достижения гармонизации межнациональных отношений, укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации и т.д. [24]. Отмечается рост межэтнической и межконфессиональной напряженности, возникновение в обществе стереотипов восприятия проявлений жестокости, ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии как привычной социальной нормы, создание радикальных «сайтов ненависти» в Интернете, основной мишенью которых являются подростки (А.Г. Асмолов) [25]; адаптация, отрывающая ребенка от культурных традиций общества и его истории (Д.И. Фельдштейн) [26].

Таким образом, этническая социализация поколения детей, подростков и молодежи претерпевает серьезные изменения в условиях динамичных изменений общества, традиционные психологические факторы и механизмы социализации становятся недостаточно эффективными для присвоения субъектом этнокультурного опыта и вхождения в систему межэтнических и межкультурных отношений, что актуализирует проблему психолого-педагогического обеспечения этнической социализации личности.

Цель исследования: выявить особенности этнической социализации подростков (этнической и гражданской идентичности, этнических стереотипов, величины социальной дистанции, ценностных ориентаций и уровня толерантности) и обосновать психолого-педагогические условия, обеспечивающие успешную этническую социализацию.

Объект исследования – этническая социализация подростков.

Предмет исследования – особенности этнической социализации подростков (этнической и гражданской идентичности, этнических стереотипов, величины социальной дистанции, ценностных ориентаций и уровня толерантности) и психолого-педагогическое обеспечение этого процесса.

Участники исследования: учащиеся средних общеобразовательных школ г. Читы. Количество испытуемых 120 подростков, средний возраст 13,5 года. Подростки в качестве респондентов выбраны не случайно, по мнению Л.И. Божович [27], И.С. Кона [28], Д.И. Фельдштейна [29], наиболее важной особенностью подросткового возраста являются изменения, происходящие в самосознании личности. Именно направленность подростков на определение себя в обществе способствует конструированию их этнического мировоззрения.

Задачи исследования: 1) провести констатирующее исследование особенностей этнической социализации подростков; 2) на основании результатов эмпирического исследования разработать и реализовать программу этнокультурного тренинга для подростков Забайкальского

края; 3) проанализировать динамику базовых показателей этнической социализации подростков для определения эффективности этнокультурного тренинга.

В соответствии с поставленными задачами в исследовании использовались: метод психодиагностического исследования; метод формирующего эксперимента; метод математико-статистического анализа (Т-критерий Вилкоксона, факторный анализ). Психодиагностический комплекс представлен в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

**Психодиагностический комплекс исследования
этнической социализации**

№ п/п	Измеряемые характеристики	Методики
1	Уровень толерантности	Экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой
2	Степень близости или отчужденности между различными этническими группами	«Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса
3	Тип этнической идентичности	«Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой
4	Гражданская идентичность: «сила» – степень осознания гражданской принадлежности; «валентность» – степень позитивности	Шкала «Гражданская идентичность» Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко
5	Этнические стереотипы	Диагностический тест отношений Г.У. Солдатовой
6	Ценностные ориентации	Методика Ш. Шварца «Ценностные ориентации личности»

Результаты исследования

На констатирующем этапе нашего исследования были выделены следующие особенности этнической социализации подростков. Большинство подростков (80%) демонстрируют средний уровень толерантности; это говорит о том, что они могут проявлять как терпимое, уважительное и ценностное отношение к другим людям и представителям других национальностей, так и равнодушие, пренебрежение. Низкий уровень толерантности, т.е. безразличие к «другим», непонимание и неприятие их, иногда враждебность и позволение себе негативных высказываний и поступков, характерен для 12% испытуемых и только у 8% респондентов выявлен высокий уровень толерантности, что говорит о непредвзятом отношении к другим людям, представителям других национальностей, принятии себя и «других», понимании отличий.

Исследование степени близости или отчужденности по отношению к другим этническим группам показало, что опрошенные под-

ростки довольно избирательны в межэтнических отношениях: не желают видеть в своей стране или допускают в качестве туристов китайцев (дистанция 5,2); допускают видеть лишь в качестве гражданина своей страны узбеков (4,8), средний уровень дистанции отмечается по отношению к белорусам (3,9), армянам (3,8) и бурятам (3,5), наиболее близкими считаются русские (1,2). Данные результаты объясняются достаточно длительным мирным сосуществованием в Забайкальском регионе некоторых народов (русские, буряты и др.), а также происходящими в настоящее время миграционными процессами (трудовые мигранты – китайцы, узбеки и др.).

Изучение особенностей этнической идентичности респондентов показало, что в качестве ведущего типа этнической идентичности в группе подростков выделяется позитивная (15,1), второй по степени выраженности является этническая индифферентность (11,2), далее – этнофанатизм (10,4), этноэгоизм (8,6), этноизоляция (7,4) и наименее выражен этнонигилизм (5,2).

Анализ этнических стереотипов школьников показал, что представители других этнических групп воспринимаются отрицательно по сравнению с членами собственной национальности, с собой и идеалом (оценка типичного представителя другой этнической группы – 0,1, собственной – 0,18, оценка себя – 0,21, а идеала – 0,3).

В результате диагностики выраженности гражданской идентичности было выявлено, что большинство испытуемых ощущают себя гражданином своей страны иногда или почти всегда (3,54 балла), при этом у большинства отношение к факту этой принадлежности (т.е. то, что они граждане Российской Федерации) вызывает спокойную уверенность или не вызывает никаких чувств (3,71 балла). Таким образом, «сила» гражданской идентичности испытуемых (т.е. степень осознания индивидом своей принадлежности к той или иной группе), а также «валентность», т.е. степень позитивности, выражены средне.

Исследование системы ценностных ориентаций с помощью опросника Ш. Шварца показало, что для подростков значимыми являются ценности безопасности (5,08), конформности (5,06), доброта (5,03). Менее важны ценности самостоятельности (4,71), достижений (4,61), универсализма (4,44) и стимуляции (4,35). Наименее важными ценностями считаются традиции (3,95), гедонизм (3,72) и власть (2,88). На уровне индивидуальных приоритетов (поведение) наиболее важными для подростков являются ценности универсализма (2,38), самостоятельности (2,33), безопасности (2,14). Менее важны для них доброта (1,89), конформность (1,66), достижения (1,66), стимуляция (1,62), наименее важными являются гедонизм (1,28), традиции (1,20), власть (1,14). Данные результаты говорят о том, что подростки прежде всего озабочены собственной безопасностью и безопасностью других людей, заинтересованы в стабильности общества и взаимоотношений, а такие

традиционные ценности, как поддержка традиций, уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре, к сожалению, не находят у них должной оценки.

Таким образом, проведенное исследование особенностей этнической социализации подростков показало наличие у них негативных стереотипов к представителям других этнических групп, определенную дистанцию по отношению к ним, тенденцию к этнической индифферентности и этнофанатизму; средний уровень гражданской идентичности; пренебрежение к ценностям поддержки традиций.

Далее мы провели факторный анализ полученных измерений по методу главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу Варимакс. Факторизация параметров проводилась в общей группе испытуемых. К интерпретации факторов были привлечены только признаки, маркирующие факторы с нагрузкой более 0,600. По результатам анализа данных были выделены 3 фактора, объясняющие 73,03% дисперсии.

Т а б л и ц а 2

Факторная структура данных

Фактор	Факторные нагрузки
1-й (38,22%)	
Конформность	0,817
Доброта	0,808
Универсализм	0,772
Традиции	0,741
Безопасность	0,622
Самостоятельность	0,629
2-й (19,08%)	
Индекс толерантности	0,680
Позитивная этническая идентичность	0,654
Этноизоляционизм	-0,755
Этноэгоизм	-0,725
Этнофанатизм	-0,648
3-й (15,73%)	
Оценка себя	0,778
Типичный представитель собственной национальности	0,753
Достижения	-0,921
Власть	-0,826
Гедонизм	-0,734

Как видно из табл. 2, в первый фактор (38,22% дисперсии) вошли ведущие ценностные ориентации подростков. Наибольшие факторные нагрузки имеют конформность (0,817), доброта (0,808), универсализм (0,772), традиции (0,741), безопасность (0,629) и самостоятельность (0,622). Выделение данного фактора в качестве наиболее значимого можно объяснить тем, что система ценностных ориентаций является основным критерием этнической социализации подростков.

Второй фактор (19,8% дисперсии) содержит индекс толерантности (0,68), позитивную этническую идентичность (0,654), а также показатели

с отрицательным факторным весом – этноэгоизм ($-0,725$), этноизоляционизм ($-0,755$), этнофанатизм ($-0,658$). Данный фактор объясняет наличие положительной взаимосвязи между позитивной этнической идентичностью и уровнем толерантности, демонстрирует наличие обратной зависимости между уровнем толерантности и такими типами этнической идентичности, как этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм. Полученные результаты лишней раз подтверждают социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, когда нарушение позитивного образа собственной группы ведет к снижению этнической толерантности (Н.М. Лебедева).

Третий фактор (15,73% дисперсии) содержит такие показатели, как оценка себя (0,778), типичный представитель собственной национальности (0,753), достижения ($-0,921$), власть ($-0,826$), гедонизм ($-0,734$). Содержание этого фактора отражает положение, согласно которому оценка себя неразрывно связана с оценкой типичных представителей собственной национальности, т.е. человек, оценивая себя, ориентируется на типичные черты членов собственной этнической группы. Достижения, власть, гедонизм интерпретируются как ценности современной культуры, противоречащие традиционным ценностям, которые усваиваются в процессе этнической социализации. Можно утверждать, что ориентация индивида на данные ценности приводит к снижению значимости традиционных этнических ценностей.

Таким образом, на основании факторного анализа массива эмпирических данных следует отметить, что в качестве базовых критериев этнической социализации выступают: 1) система ценностных ориентаций – освоение образцов и ценностей родной, российской, мировой культуры, признание инокультурной системы этнических ценностей; 2) этническая идентичность, являющаяся основой образования надэтнической идентичности – гражданской; 3) толерантность – принятие этнокультурного многообразия.

Так как основой толерантности является позитивное отношение к собственному и другим народам, признание этнокультурных ценностей, принятие этнокультурного многообразия, мы провели сравнительный анализ показателей этнической социализации подростков с высоким, средним и низким уровнем толерантности (табл. 3).

Полученные результаты позволили нам выделить три варианта этнической социализации подростков.

Для первого варианта этнической социализации (успешной) подростков характерны: высокий уровень толерантности, наличие позитивной этнической и гражданской идентичности, близкая или средняя социальная дистанция по отношению к представителям других национальностей, положительная самооценка, а также положительная оценка «типичных представителей» собственной и «чужих» национальностей, ценностные ориентации на универсализм, безопасность и самостоятельность.

**Сравнительный анализ этнической социализации подростков
с разным уровнем толерантности**

Критерии	Подростки с высоким уровнем толерантности	Подростки со средним уровнем толерантности	Подростки с низким уровнем толерантности
Тип этнической идентичности	Позитивная этническая идентичность	Позитивная этническая идентичность, наблюдается тенденция к этнической индифферентности	Позитивная этническая идентичность и такой же уровень этнофанатизма, выраженный этноэгоизм
Гражданская идентичность	Высокий и средний уровень	Средний уровень	Средний уровень, сочетающийся с отсутствием интереса к ней
Ценностные ориентации (наиболее важные ценности)	На уровне нормативных идеалов: ценности безопасности, конформности, самостоятельности. На уровне поведения: ценности универсализма, самостоятельности, безопасности	На уровне нормативных идеалов: безопасность, конформность, доброта. На уровне поведения: универсализм, самостоятельность, безопасность	На уровне нормативных идеалов: самостоятельность, безопасность. На уровне поведения: самостоятельность, достижения, безопасность
Этнические стереотипы	Наблюдается положительное отношение к представителям собственной и других национальностей. Негативные стереотипы и предубежденность отсутствуют. Высоко оценивают «себя», «идеал», «типичного представителя собственной национальности» и «типичного представителя другой национальности»	Положительно оценивают «себя», «идеал», «типичного представителя собственной национальности» и «типичного представителя другой национальности». Однако представителей других национальностей подростки оценивают ниже	Низко оценивают как представителей собственной национальности, представителей других национальностей, при этом оценка «типичного представителя другой национальности» имеет отрицательный знак. Высоко оценивают самих «себя» и «идеал»
Величина социальной дистанции	Допускают видеть представителей других национальностей в качестве граждан своей страны, коллег по работе, соседей или друзей. Таким образом, допускают дружбу, соседство или сотрудничество с ними	Допускают видеть представителей других национальностей в качестве туристов, граждан своей страны, коллег, соседей. Наименьшая социальная дистанция по отношению к представителям собственной национальности	Наблюдается высокая социальная дистанция по отношению к представителям некоторых национальностей. В качестве друга, близкого родственника или партнера по браку допускают видеть представителя только собственной национальности

Второй вариант этнической социализации подростков характеризуется средним уровнем этнической толерантности, наличием позитивной этнической идентичности с тенденцией к этнической индифферентности, наличием среднего уровня гражданской идентичности, а также средней или близкой социальной дистанцией по отношению к представителям других национальностей. Для подростков характерно положительное оценивание самих себя, «типичных представителей» собственной группы, однако представителей других национальностей подростки оценивают ниже. Они характеризуются ценностными ориентациями на универсализм, безопасность, доброту на уровне нормативных идеалов и универсализм, безопасность, самостоятельность на уровне индивидуальных приоритетов.

При третьем варианте этнической социализации подростки отличаются низким уровнем толерантности, наличием позитивной этнической идентичности с тенденцией к этнофанатизму, средним уровнем гражданской идентичности, сочетающейся с отсутствием интереса к ней, отчужденностью, неприятием представителей других этнических групп. Кроме того, при положительном оценивании самих себя подростки негативно оценивают «типичных представителей» «чужих» национальностей.

В целом полученные результаты актуализируют проблему психолого-педагогического обеспечения этнической социализации школьников.

Целенаправленная социализация обучающихся в рамках поликультурного образования должна обеспечить: 1) на когнитивном (познавательном) уровне – освоение образцов и ценностей родной, российской, мировой культуры, культурно-исторического и социального опыта человечества; 2) на ценностном (аксиологическом) уровне – формирование предрасположенности к межкультурной коммуникации и обмену, толерантности по отношению к другим народам, культурам, социальным группам; 3) на оценочном (коннотативном) уровне – формирование умения четко формулировать собственное отношение к событиям и явлениям, ясно выражать свою точку зрения и аргументировать высказываемые суждения; 4) на деятельностном (поведенческом) уровне – активное взаимодействие с представителями различных культур при сохранении собственной языковой и культурной компетенции; 5) на социально-психологическом уровне – формирование гармоничной российской идентичности на основе этнокультурного и национально-территориального самосознания [30].

Модель психолого-педагогического обеспечения этнической социализации в условиях общеобразовательной школы обязательно должна строиться на комплексной основе, затрагивая всех субъектов образовательного процесса и все компоненты образовательной среды. Конкретные цели и задачи подобной работы удобнее, на наш взгляд, рассмотреть, исходя из основных направлений работы практического

психолога образования: просветительского, диагностического, профилактического и коррекционно-развивающего. Просветительское направление предполагает: формирование представлений о возникновении и закреплении в общественном сознании различных форм этнических стереотипов и дискриминации по признаку расы и этничности; обучение навыкам распознавания проявлений этнических стереотипов, этноцентризма и дискриминации по признаку этничности и расы в различных сферах общественной жизни; формирование более адекватных представлений о различных культурах и психологических особенностях их представителей. Диагностика предполагает: осознание участниками образовательного процесса собственных этнических стереотипов и их влияния на различные сферы жизни; определение общего уровня этнической идентичности, толерантности отдельных участников образовательного процесса и т.д. Профилактика включает: предупреждение интолерантного поведения по отношению к представителям других этносов; повышение уровня позитивной оценки себя и «другого» и т.д. Коррекция реализуется посредством разрядки негативных чувств, связанных с опытом переживания дискриминации по признаку этничности и расы; формирования позитивной этнической идентичности; осознания собственной роли в трансляции и закреплении этнических стереотипов и различных форм дискриминации по признаку этничности.

В рамках реализации коррекционного и профилактического направлений особого внимания заслуживают этнокультурный тренинг [31] и техника повышения межкультурной сензитивности (культурный интегратор) [32]. Ожидаемыми долговременными эффектами этнокультурного тренинга являются:

- снижение уровня предубежденности по отношению к представителям иных этнических групп;
- увеличение степени эмпатии;
- повышение уровня позитивности этнической и других видов социальной идентичности;
- развитие готовности к взаимодействию с представителями иных этнических групп в различных социальных ситуациях. Техника повышения межкультурной сензитивности помогает сформировать изоморфные атрибуции и с их помощью лучше понять представителей других культур, ослабить использование негативных стереотипов, заменить упрощенное понимание чужой культуры более дифференцированным [33].

После проведения эмпирического исследования и по его итогам нами была разработана программа «Этнокультурный тренинг» для подростков, живущих в условиях Забайкальского края. В реализации программы принимали участие 20 подростков. Мы предполагали, что подростки, прошедшие обучение с помощью этнокультурного тренин-

га, не только приобретают теоретические знания о межкультурных различиях и опыт взаимодействия с представителями чужой культуры, но и смогут в будущем осознанно их систематизировать и использовать для решения возможных трудностей и проблем.

В процессе занятий мы познакомили подростков с такими понятиями, как «позитивная этническая и гражданская идентичность», «этническая толерантность», «стереотипы», «ценности», «полиэтническое и поликультурное общество». В рамках просветительского направления работы было организовано посещение гала-концерта краевого фестиваля национальных культур, организованного народами и народностями, проживающими в Забайкальском крае, – «Забайкалье многонациональное – страна в миниатюре». Кроме того, мы посетили выставку, где подросткам были показаны различные экспонаты, сувениры, подарки, сделанные руками детей и взрослых разных национальностей. Для обучения подростков разрешению трудных и конфликтных ситуаций межэтнического взаимодействия была использована разработанная нами техника культурного интегратора. В ходе реализации программы были проведены индивидуальные консультации с учениками класса и их родителями.

Во время проведения занятий мы услышали много положительных отзывов о своей работе от классного руководителя, от самих подростков и их родителей. Отзывы детей также позволили нам понять их положительное отношение к проведенным занятиям: «Мне понравились наши занятия, особенно учиться сотрудничать с другими»; «Спасибо вам за занятия, мне было весело, и я понял, что с людьми других национальностей может быть интересно»; «Желаю вам добра, тепла, мира и солнца»; «Желаю всем быть добрее, сочувствовать другим людям». Проведенные занятия оставили положительные впечатления и у нас, мы отмечали, как меняются отношения в детской группе, появляется большее доверие.

После реализации программы этнокультурного тренинга была проведена вторичная психологическая диагностика с целью определения эффективности проведенных занятий. Сопоставительный анализ достоверности сдвигов данных до и после воздействия оценивался с помощью Т-критерия Вилкоксона. Как показала повторная диагностика, уровень толерантности в среднем по группе повысился на 9,5%; уровень позитивной этнической идентичности увеличился на 1,75 балла. Уровень этнической индифферентности снизился на 2,2 балла, уровень этнофанатизма – на 2,05, уровень этноизоляционизма – на 1,35, уровень этноэгоизма – на 1,55, уровень этнонигилизма – на 1,5. «Сила» гражданской идентичности повысилась на 0,75 балла, а ее валентность – на 0,6. Результаты показали, что испытуемые ощущают себя гражданами своей страны почти всегда (4 балла), при этом у большинства отношение к факту этой принадлежности вызывает спо-

койную уверенность (4,15 балла). Таким образом, результаты вторичной диагностики продемонстрировали положительную динамику показателей толерантности, этнической и гражданской идентичности испытуемых (достоверность сдвигов при $p < 0,01$ и $p < 0,05$). Вторичная диагностика этнических стереотипов показала увеличение количества позитивной оценки подростками «себя», «идеала», «типичного представителя своей национальности», «типичного представителя другой национальности». Наблюдается уменьшение негативных стереотипов по отношению к представителям других национальностей и повышение положительного отношения к себе и представителям собственной национальности. Отмечается уменьшение социальной дистанции подростков по отношению к представителям других национальностей, повышение значимости таких ценностей, как традиции (среднее значение – 4,26 вместо 3,95), универсализм (4,75 вместо 4,44), достижения (4,75 вместо 4,61), самостоятельность (4,75 вместо 4,7). Наблюдается снижение значимости ценностей конформности (4,49 вместо 5,09), стимуляции (3,85 вместо 4,35), гедонизма (3,05 вместо 3,75), власти (2,49 вместо 2,88). Различия достоверны на уровнях $p < 0,01$ и $p < 0,05$. Это позволяет говорить о том, что подростки осознали необходимость уважения, принятия обычаев и идей, которые существуют в разных культурах, важность личного успеха, более высоко оценили ценности понимания и терпимости, ценность социального одобрения. Далее для подтверждения позитивной динамики уровня этнической толерантности подростков в экспериментальной группе была проведена вторичная диагностика этнической толерантности в контрольной группе.

Выявлено, что в контрольной группе не наблюдается повышения уровня этнической толерантности (наблюдается даже незначительное снижение). Данный факт говорит о том, что положительная динамика этнической толерантности в экспериментальной группе является результатом целенаправленного воздействия, следовательно, программа этнокультурного тренинга доказала свою эффективность.

Выводы

1. Этническая социализация понимается как процесс интеграции индивида в этнокультурное общество. В процессе этнической социализации индивид в детстве адаптируется к нормам, правилам и ценностям этнической группы, подростковый возраст характеризуется индивидуализацией, основанной на потребности индивида «быть личностью», а в юности, когда происходит целостное и устойчивое становление ее результатов, личность интегрируется в полиэтничное и поликультурное общество.

Основными критериями этнической социализации являются этническая и гражданская идентичность, система ценностных ориентаций и этническая толерантность.

2. Важнейший период в этнической социализации личности – подростковый возраст, определяемый как стадия конструирования этнического мировоззрения. Проведенное исследование выявило варианты этнической социализации подростков, при которых отмечаются тенденция к этнической индифферентности или этнофанатизму, неприятие других национальностей, наличие негативных этнических стереотипов, что актуализирует проблему психолого-педагогического обеспечения успешной этнической социализации подростков.

3. Модель психолого-педагогического обеспечения включает следующие основные направления работы: диагностическое, просветительское (проведение лекций, дискуссий, ознакомительных экскурсий), профилактическое (система профилактики этнической интолерантности подростков в общеобразовательной средней школе), коррекционно-развивающее (этнокультурный тренинг и техника повышения межкультурной сензитивности).

Экспериментальное исследование выявило положительную динамику в уровне этнической толерантности, этнической и гражданской идентичности, ценностных ориентаций подростков после реализации программы этнокультурного тренинга, включающей культурный интегратор для участников межэтнического взаимодействия в условиях Забайкальского края.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Социальная психология личности. М. : Аспект-пресс, 2001. 299 с.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М. : Аспект-Пресс, 2004. 365 с.
3. *Леонтьев А.А.* Личность как историко-этническая категория // Советская этнография. 1981. № 3. С. 35–44.
4. *Ананьев Б.Г.* О человеке как объекте и субъекте воспитания // Избр. психол. труды : в 2 т. М. : Педагогика, 1980. Т. 2. С. 10–27
5. *Сухарев А.В. и др.* Этнофункциональный подход к психологическим показателям адаптации человека // Психологический журнал. 2007. № 6. С. 84–86.
6. *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990.
7. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
8. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследование по социальной и культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.
9. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и реальность. Екатеринбург : ИнтелФлай, 2007. 1072 с.
10. *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. Москва ; Воронеж, 2000. 208 с.
11. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб. : Питер, 2003. 718 с.
12. *Берри Дж., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков : Гуманитарный центр, 2007. 560 с.
13. *Яницкий М.С.* Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.
14. *Клочко В.Е.* Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 1998. № 8–9. С. 7–15.

15. *Комплексная программа развития поликультурного образования*. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/841> (дата обращения: 30.05.2012).
16. *Бауэр Е.А.* Научно-практические основы психолого-педагогического сопровождения социально-психологической адаптации подростков-мигрантов : дис. ... д-ра психол. наук: Н. Новгород, 2012. 443 с.
17. *Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. М. : Редакционно-издательский центр консорциума «Социальное здоровье России», 1993. 198 с.
18. *Сухарев А.В.* Этническая функция культуры и психические расстройства // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 2. С. 129–136.
19. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2004. 368 с.
20. *Bennett M.* Towards ethnorelativism: a development of model of intercultural sensitivity // Education for the intercultural experience / ed. by Paige M. Yarmouth, ME : Intercultural Press, 1993. P. 21–71.
21. *Солдатова Г.У.* Толерантность – интолерантность: две категории лиц в межэтническом взаимодействии // Толерантность и согласие. М. : ИЭА РАН, 1997. С. 89–204.
22. *Психодиагностика толерантности личности* / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М. : Смысл, 2008. 172 с.
23. *Дагбаева С.Б.* Этническая социализация молодого поколения в изменяющемся мире // Гуманитарный вектор. 2012. № 1 (29). С. 240–247.
24. *Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»*. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения: 30.04.2014).
25. *Асмолов А.Г.* Стратегия и методология социокультурной модернизации образования. М. : ФГАУ «Федеральный институт развития», 2011. 73 с.
26. *Фельдштейн Д.И.* Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования. М. : Изд-во МПСУ, 2011. 16 с.
27. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. Мастера психологии. СПб. : Питер, 2008. 398 с.
28. *Кон И.С.* Ребёнок и общество. М. : Академия, 2003. 336 с.
29. *Фельдштейн Д.И.* Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности // Избранные труды. М. : Флинта, 2004. 670 с.
30. *Проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации*. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/841> (дата обращения: 30.05.2012).
31. *Дагбаева С.Б.* Этнокультурный тренинг : учеб. пособие. Чита : Экспресс-издательство, 2012. 246 с.
32. *Дагбаева С.Б.* Культурный интегратор как способ повышения этнической толерантности // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Педагогика и психология. 2010. № 5(34). С. 225–228.
33. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: практикум. М. : Аспект-Пресс, 2006. 208 с.

ДАГБАЕВА Соелма Батомункуевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Забайкальского государственного университета (г. Чита).
E-mail: soela@bk.ru

THE QUESTION OF PSYCHO-PEDAGOGICAL ENSURING OF SUCCESSFUL ETHNIC SOCIALIZATION OF TEENAGERS

Dagbaeva Soelma B. Transbaikal State University (Chita, Russian Federation).

Keywords: ethnic socialization; psychological and educational ensuring; teens; ethno-cultural training.

Abstract

This article discusses the problem of ethnic socialization of a personality which is undergoing major changes in terms of the dynamic changes of society. Traditional psychological factors and mechanisms of socialization are not sufficiently effective to assign the subject of ethnic and cultural experiences and occurrences in interethnic and intercultural relations that actualize the problem of psycho-pedagogical support of ethnic socialization.

Objective: to identify the features of ethnic socialization of adolescents (ethnic and civic identity, ethnic stereotypes, social distance values, values, behavior strategies in conflict situations and the level of ethnic tolerance) and justify the psycho-pedagogical conditions that ensure a successful ethnic socialization. Study participants: students of secondary schools of Chita. Number of subjects 120 people aged 12-14 years.

This study enabled us to formulate the following conclusions. Ethnic socialization is understood as a process of integration of the individual in the ethno-cultural society. In the process of ethnic socialization in childhood individual adapts to the norms, rules and values of the ethnic group, adolescence is characterized by individualization, and in his youth, when there is a holistic and sustainable establishment of its results, the person is integrated in a multi-ethnic and multicultural society. The main indicators of ethnic socialization are the ethnic and civic identity, system of value orientations and ethnic tolerance. Critical period of socialization in ethnic - adolescence, defined as the stage of designing the ethnic outlook. The study found some options of ethnic socialization of adolescents when marked transformation of ethnic identity by type or ethnic indifference or etnofanaticizm, the presence of high social distance towards representatives of other nationalities, negative stereotyping that actualizes the problem of psycho-pedagogical ensuring successful ethnic socialization of adolescents. Model of psycho-pedagogical ensuring includes the following main activities: diagnostic, educational (lectures, discussions, study tours), prophylactic (preventive system of ethnic intolerance teenagers in secondary schools), Correction and Development (ethno-cultural training and equipment of sensitivity increase intercultural). Experimental study showed a positive trend in the level of ethnic tolerance, ethnic and civic identity, adolescents' values after implementation of the program of ethno-cultural training, including cultural assimilator, Member of interethnic interaction in the Trans-Baikal region.

References

1. Belinskaya E.P. *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti* [Social psychology of personality]. Moscow: Aspect Press Publ., 2001. 299 p.
2. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspect Press Publ., 2004. 365 p.
3. Leontiev A.A. Lichnost' kak istoriko-ethnicheskaya kategoriya [Personality as a historical and ethnic category]. *Sovetskaya etnografiya*, 1981, no. 3, pp. 35-44.
4. Ananiev B.G. *Izbrannye psikhologicheskie trudy: v 2 t.* [Selected works on psychology: in 2 vols.]. Moscow: Pedagogika Publ., 1980. Vol. 2, pp. 10-127.
5. Sukharev A.V., Stepanov I.L., Strukova A.N., Lugovskoy S.S., Khaldeeva N.I. Etnofunktional'nyy podkhod k psikhologicheskim pokazatelyam adaptatsii cheloveka [Ethnofunctional approach to psychological indicators of human adaptation]. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 1997, no. 6, pp. 84-96.

6. Gumilev L.N. *Geografiya ehtnosa v istoricheskij period* [Geography of ethnic groups in the historical period]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 278 p.
7. Bromley V. *Ocherki teorii ehtnosa* [Essays on ethnic theory]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 411 p.
8. Tishkov V.A. *Rekviem po ehtnosu: issledovanie po sotsial'noj i kul'turnoj antropologii* [Requiem for ethnos: a study on social and cultural anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 544 p.
9. Mukhina B.C. *Lichnost': Mify i real'nost'*. [Personality: Myths and reality]. Yekaterinburg: IntelFlay Publ., 2007. 1072 p.
10. Belinskaya E.P., Stefanenko T.G. *Etnicheskaya sotsializatsiya podrostka* [Ethnic socialization of the teenager] Moscow, Voronezh: Moscow Psychological Social Institute, MODEK Publ., 2000. 208 p.
11. Matsumoto D. *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. Translated from English by O. Golubev. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 718 p.
12. Berry J., Purtinga A.H., Segall M.H., Dasen P.R. *Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniya* [Cross-cultural psychology. Research and application]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarniy Tsentri Publ., 2007. 560 p.
13. Yanitskiy M.S. *Tsennostnoe izmerenie massovogo soznaniya* [Axiological measurement of mass consciousness]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2012. 237 p.
14. Klochko V.E. Stanovlenie mnogomernogo mira cheloveka kak sushchnost' ontogeneza [Formation of the multidimensional world as the essence of human ontogeny]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 1998, no. 8-9, pp. 7-15.
15. *Kompleksnaya programma razvitiya polikul'turnogo obrazovaniya*. [Integrated program of multicultural education development]. Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/841>. (Accessed: 30th May 2012).
16. Bauer E.A. *Nauchno-prakticheskie osnovy psikhologo-pedagogicheskogo so-provozhdeniya sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii podrostkov-migrantov. Dis d-ra psikhol. nauk* [Scientific and practical bases of psycho-pedagogical support of socio-psychological adaptation of adolescent migrants. Psychology Doc. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2012. 443 p.
17. Belicheva S.A. *Osnovy preventivnoy psikhologii*. [The basics of preventive psychology]. Moscow: Sotsial'noe zdorov'e Rossii Publ., 1993. 198 p.
18. Sukharev A.V. Etnicheskaya funktsiya kul'tury i psikhicheskie rasstroystva [The ethnic function of culture and mental disorders]. *Psikhologicheskij zhurnal*, 1996, vol. 17, no. 2, pp. 129-136.
19. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya*. [Ethnopsychology]. Moscow: Aspect Press Publ., 2004. 368 p.
20. Bennett M. *Towards ethnorelativism: a development of model of intercultural sensitivity*. In: Paige M. (ed.) *Education for the intercultural experience*. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1993, pp. 21-71.
21. Soldatova G.U. *Tolerantnost' – intolerantnost': dve kategorii lits v mezhetnicheskom vzaimodeystvii* [Tolerance - intolerance: two categories of persons in interethnic interaction]. In: Tishkov V.A. (ed.) *Tolerantnost' i soglasie* [Tolerance and acceptance]. Moscow: IEA RAS Publ., 1997, pp. 89-204.
22. Soldatova G.U., Shaygerova L.M. (eds.) *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnosics of personal tolerance]. Moscow: Smysl Publ., 2008. 172 p.
23. Dagbaeva S.B. Ethnic socialization of young people in the changing world. *Gumanitarnyy vektor – Humanitarian vector*, 2012, no. 1(29), pp. 240-247.
24. *Federal'naya tselevaya programma "Ukreplenie edinstva rossiyskoy natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gody)"* [The Federal program "Strengthening the unity of the Russian nation and ethnic and cultural development of the peoples of Russia (2014 – 2020)". Available at: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>. (Accessed: 30th April 2014).

25. Asmolov A.G. *Strategiya i metodologiya sotsiokul'turnoy modernizatsii obrazovaniya* [Strategy and methodology of social and cultural modernization of education]. Moscow: FSAU Federal Institute for Development, 2011. 73 p.
26. Feldstein D.I. *Glubinnye izmeneniya sovremennogo detstva i obuslovlennaya imi aktualizatsiya psikhologo-pedagogicheskikh problem razvitiya obrazovaniya* [Profound changes of modern childhood, and the consequent updating of psychological and pedagogical problems of education]. Moscow: Moscow Psychological Social University Publ., 2011. 16 p.
27. Bozhovich L.I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste*. [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 398 p.
28. Kon I.S. *Rebenok i obshchestvo* [The child and society]. Moscow: Akademia Publ., 2003. 336 p.
29. Feldstein D.I. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Moscow: Flinta Publ., 2004. 670 p.
30. *Proekt kontseptsii razvitiya polikul'turnogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [The project of the concept of multicultural education development in the Russian Federation]. Available at: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/841>. (Accessed: 30th May 2012).
31. Dagbaeva S.B. *Etnokul'turnyy trening* [Ethnocultural training]. Chita: Express Publ., 2012. 246 p.
32. Dagbaeva S.B. Kul'turnyy integrator kak sposob povysheniya etnicheskoy tolerantnosti [The cultural integrator as a way to increase ethnic tolerance]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Pedagogika i psikhologiya – Scholarly Notes of Transbaikal State University. Pedagogy and Psychology*, 2010, no. 5(34), pp. 225-228.
33. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspect-Press Publ., 2006. 208 p.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.974.2

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ТЕЛЕСНОСТИ ПРИ НЕБРЕДОВОЙ ИПОХОНДРИИ

Т.А. Желонкина, С.Н. Ениколопов, Б.А. Волель

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научный центр психического здоровья» Российской академии медицинских наук (Москва, Россия)

Аннотация. Ввиду недостаточности психологических работ, посвященных изучению взаимосвязи восприятия тела и ипохондрических состояний, было проведено исследование особенностей внутренней телесности у пациентов, имеющих небредовую ипохондрическую симптоматику, и здоровых лиц. Показана дифференцированная когнитивная репрезентация телесного опыта и эмоциональное принятие тела в контрольной группе. Пациенты с ипохондрическим расстройством наряду с дифференцированностью когнитивной репрезентации внутреннего тела отличались эмоциональной нестабильностью в отношении тела: принятием и неудовлетворенностью телесными ощущениями. Когнитивная репрезентация внутреннего тела у больных с шизотипическим расстройством личности и небредовой ипохондрической симптоматикой связана с восприятием тела как неэффективного инструмента функционирования во внешнем мире, пациенты отчуждены от своего тела, в связи с чем телесные сенсации вызывают тревогу о здоровье и страх смерти.

Ключевые слова: внутренняя телесность; тревога о здоровье; небредовая ипохондрия; ипохондрическое расстройство; шизотипическое расстройство личности.

Ипохондрические состояния занимают особое место в клинической психиатрии и психологии. Несмотря на ряд психиатрических работ, посвященных этой проблематике [1–5], исследование ипохондрий в психологической парадигме не является столь обширным. Вместе с тем актуальным представляется выявление психологических факторов генеза и развития ипохондрий, что необходимо для лучшего понимания механизмов формирования ипохондрии и выбора наиболее подходящего пути помощи таким больным.

Ипохондрическое расстройство в соответствии с МКБ-10 относится к регистру невротических расстройств и интерпретируется как вариант соматоформных расстройств. Согласно МКБ-10 отличительной чертой расстройства являются тревога и страх наличия серьезного заболевания. По данным исследований последних лет [4, 6, 7], подоб-

ная характеристика ипохондрического расстройства является чрезмерно обширной, недостаточно квалифицирующей границы и варианты ипохондрических расстройств. Изучение небредовой ипохондрии (НИ) с клинико-психиатрических позиций позволяет определить это расстройство как «самостоятельное психопатологическое образование, формирующееся в результате перекрывания двух рядов – коэнестезиопатического и сопряженного с ним нарушения телесного самосознания личности (соматоперцептивная психопатия)» [7. С. 310].

В психологии также исследуется связь ипохондрических состояний и восприятия тела [8–13]. Большая часть зарубежных концепций в основе ипохондрии видит нарушение когнитивного процесса интерпретации телесных симптомов. А. J. Barsky, G. Wyshak [14] предложили конструкт «соматосенсорной амплификации», суть которого заключается в особом, настороженном наблюдении за телесными проявлениями и дальнейшем искаженном толковании полученной информации. Согласно когнитивно-бихевиоральной модели в основе ипохондрии лежат дисфункциональные убеждения о здоровье и болезни, ввиду которых любые телесные проявления трактуются как угрожающие жизни, а эмоциональное состояние характеризуется повышенной тревогой в отношении здоровья («health anxiety») [15–17].

В отечественной клинической психологии изучение телесности, связи восприятия тела и ипохондрических состояний традиционно базируется на методологии культурно-исторического подхода [18]. Телесность трактуется как означенный опыт интрацептивных ощущений, формирующийся под влиянием социокультурных факторов [9, 10, 19]. Конструкт внутренней телесности как совокупности представлений и репрезентации знаний о своем внутреннем теле также указывает на тесную связь с интрацептивными ощущениями и их метафоричностью [11]. Подразумевая, таким образом, когнитивную схему телесного опыта, внутренняя телесность тем не менее, в отличие от конструкта «соматосенсорной амплификации», включает в себя аффективные компоненты и фантазийные образы. В таком случае эмоциональный компонент отношения к телу представляет собой континуум от принятия своего тела (эго-синтонность, «Я есть тело») до отчуждения от него (эго-дистонность, «У меня есть тело») [11].

Наряду с проведенными исследованиями внутренней телесности [11, 12, 19, 20] обнаруживается дефицит исследований, направленных на изучение эмоционального отношения к телу и репрезентации телесного опыта через образные, невербальные представления у пациентов с НИ.

В основу рабочей гипотезы положено представление о неоднородной структуре внутренней телесности, состоящей не только из когнитивных репрезентаций, но и эмоциональных компонентов. Гипотезой исследования стало предположение о наличии различий в когнитивной репрезентации и аффективном компоненте внутреннего телес-

ного опыта у больных с НИ и здоровых лиц. При этом предполагается гетерогенность типов восприятия тела среди пациентов, что в том числе связано с клиническими формами проявления НИ.

Целью данного исследования стало изучение особенностей телесной сферы больных, имеющих небредовую ипохондрическую симптоматику.

В соответствии с целью исследования был поставлен ряд задач:

1. Выявление нормальной когнитивной репрезентации и аффективного компонента внутренней телесности.
2. Выявление особенностей когнитивной репрезентации и аффективного компонента внутренней телесности у больных с НИ.
3. Определение типов восприятия тела среди пациентов с НИ.

Материалы и методы исследования

Критерии включения. Экспериментальную группу составили 30 пациентов, имеющих небредовую ипохондрическую симптоматику, у 23 – в рамках шизотипического расстройства личности (ШРЛ) (F21.8 по МКБ-10), у 7 – в структуре ипохондрического расстройства (ИР) (F45.2). Небредовая ипохондрическая симптоматика реализовалась в форме выраженной тревоги за здоровье, панических атак, настороженного наблюдения за своим телом и восприятия телесных ощущений как признака наличия или развития серьезного заболевания. Больные находились на лечении в отделениях по изучению пограничной психической патологии и психосоматических расстройств (руководитель – академик РАМН, профессор А.Б. Смулевич) НЦПЗ РАМН (директор – академик РАМН, профессор А.С. Тиганов). В группу вошли пациенты в возрасте от 19 до 62 лет, 16 мужчин, 14 женщин.

Критерии исключения. В исследование не вошли больные, имеющие органические психические расстройства (F00-F09), расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ (F10-F19), шизофрению и бредовые расстройства (F20, F22-F29), умственную отсталость (F70-F79).

Группу сравнения составили 30 человек, не обращавшихся за помощью психиатра и не имевших соматических жалоб на момент обследования. Контрольная группа была аналогична экспериментальной по межполовому, возрастному и количественному составам.

В ходе исследования с испытуемыми проводилась клиническая беседа, направленная на уточнение их отношения к телу. Затем испытуемым предлагалось выполнить ряд методик:

1. Методики, направленные на оценку когнитивной репрезентации «внутреннего тела»:

а) САВАh (Cognition about Body and Health Questionnaire – Опросник когнитивных установок о теле и здоровье) [21] для выявления особен-

ностей отношения к болезни, здоровью и телу (в настоящее время проводится адаптация русскоязычной версии методики совместно с канд. психол. наук, м.н.с. НЦПЗ РАМН Е.И. Рассказовой). Опросник включает шкалу соматосенсорной амплификации (в настоящее время проводится адаптация русскоязычной версии методики совместно с канд. психол. наук, м.н.с. НЦПЗ РАМН Е.И. Рассказовой);

б) HAQ^* (Health Anxiety Questionnaire – Опросник тревоги о здоровье) [16] применялся для оценки уровня тревоги о здоровье, выраженности страха смерти, выявления здоровьесберегающего поведения;

в) SHAI (Short Health Anxiety Inventory – Краткий опросник тревоги о здоровье) [15] использовался для выявления уровня тревоги о здоровье, бдительности к телесным сенсациям. Методика переведена на русский язык и адаптирована нами и коллегами, психометрический анализ русскоязычной версии опросника показал пригодность методики для оценки конструкта тревоги о здоровье [22];

г) методика «Сегменты» [23]. Испытуемому предлагался рисунок человека, разделенный на 13 областей. С помощью процедуры попарного сравнения пациенты последовательно выбирали из двух возможных ту зону тела, которую считали наиболее важной и значимой в теле человека.

2. Методика, направленная на изучение аффективного компонента внутренней телесности, а именно: «Цветовой тест отношений» [24], в рамках которого проводилось косвенное (невербальное) исследование эмоционального отношения к телу (принятия-отвержения), неосознаваемое представление о здоровье и болезни.

3. Телесность как одна из базовых структур личности, формирующаяся в течение всего жизненного пути, оказывает особое влияние на личность в целом. В этой связи в исследование были включены методики, направленные на изучение личности:

а) пятифакторный опросник «NEO-FFI» [25] в адаптации С.Д. Бирюкова, М.В. Бодунова для оценки базовых личностных факторов;

б) методика оценки личностной и ситуативной тревожности [26] в адаптации Ю.Л. Ханина [27];

в) методика «Индекс жизненного стиля» [28] в адаптации Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенникова [29] для диагностики защитных механизмов личности.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS19. Для выявления значимых различий использовался непараметрический критерий Манна–Уитни, достоверным признавался уровень $p < 0,05$.

Результаты исследования

Изучение когнитивной репрезентации тела с помощью опросника САВАh позволило выделить следующие особенности восприятия тела

у пациентов с НИ в сравнении с контрольной группой: достоверно выше для больных с НИ оказались значения по шкалам «Непереносимость телесных ощущений» и «Соблюдение здорового образа жизни» (рис. 1). Результаты согласуются с данными, полученными W. Rief и W. Hiller [21], в соответствии с которыми для больных ипохондрией характерен специфический когнитивный стиль – нетерпение к телесным ощущениям, что определяет постоянный поиск медицинской помощи («doctor-shopping»).

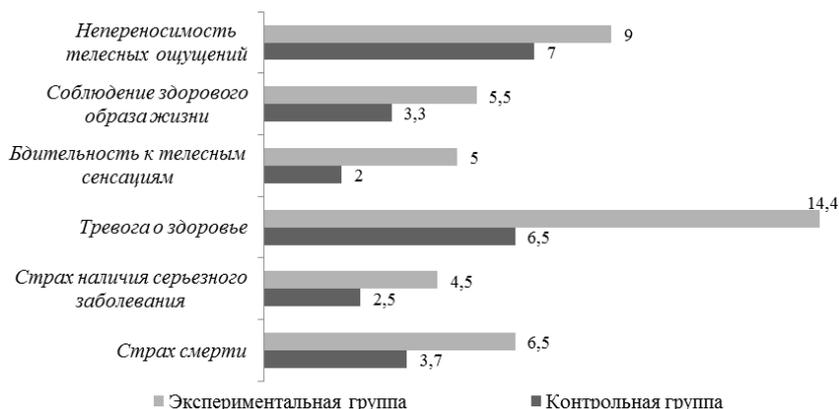


Рис. 1. Достоверные различия средних значений по опросникам SAVAh, SHAI, NAQ между экспериментальной и контрольной группами

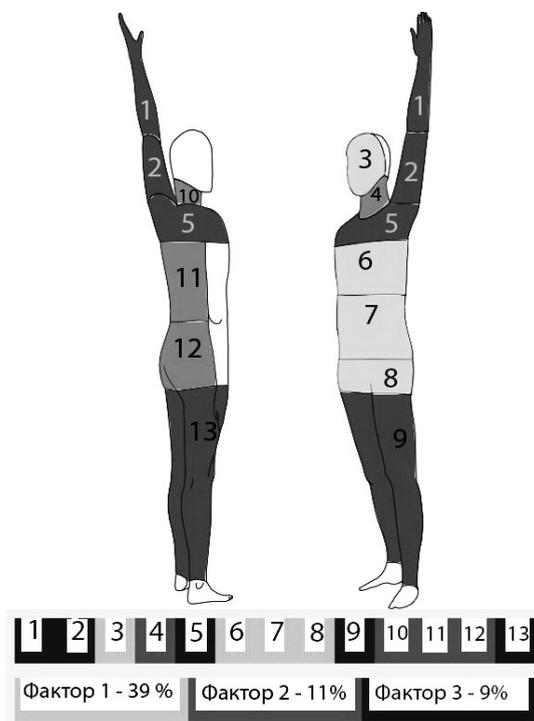
Помимо непереносимости телесных ощущений, в когнитивной структуре внутренней телесности пациентов НИ выражена более высокая бдительность и настороженность к телесным ощущениям (SHAI). По результатам исследования А.А. Abramowitz [15], бдительность к телесным проявлениям становится триггерным механизмом тревоги о здоровье. В данном исследовании получены результаты, подтверждающие это предположение: уровень тревоги о здоровье оказался значимо выше в экспериментальной группе (рис. 2). Характерными для пациентов НИ оказались страх наличия серьезного заболевания и его последствий, а также более высокие значения по шкале страха смерти (NAQ). Достоверных различий по шкале соматосенсорной амплификации обнаружено не было.

Изучение представлений о субъективной значимости отдельных телесных зон проводилось с использованием методики «Сегменты». При сравнении контрольной и группы пациентов с ИП достоверных различий обнаружено не было. Восприятие значимости телесных зон в группе больных ШРЛ имело ряд особенностей по сравнению с группой здоровых лиц. Так, области, содержащие жизненно важные органы, – грудная клетка, живот, голова – обладали меньшей значимостью для лиц с ШРЛ.

Для получения схемы репрезентации «внутреннего тела» по результатам методики проводился эксплораторный факторный анализ с применением косоугольного вращения. Использование данного статистического метода позволило объединить предъявляемые в методике 13 телесных зон в группы (или факторы), которые, предположительно, входят в структуру «внутреннего тела». Факторный анализ данных группы здоровых лиц позволил выделить трехфакторную структуру, объясняющую 58,8% дисперсии (табл. 1). Первый фактор объединил области, содержащие жизненно важные органы (голова, грудная клетка, область живота), второй – область шеи, спины, третий – плечевой пояс, области рук и ног.

Т а б л и ц а 1

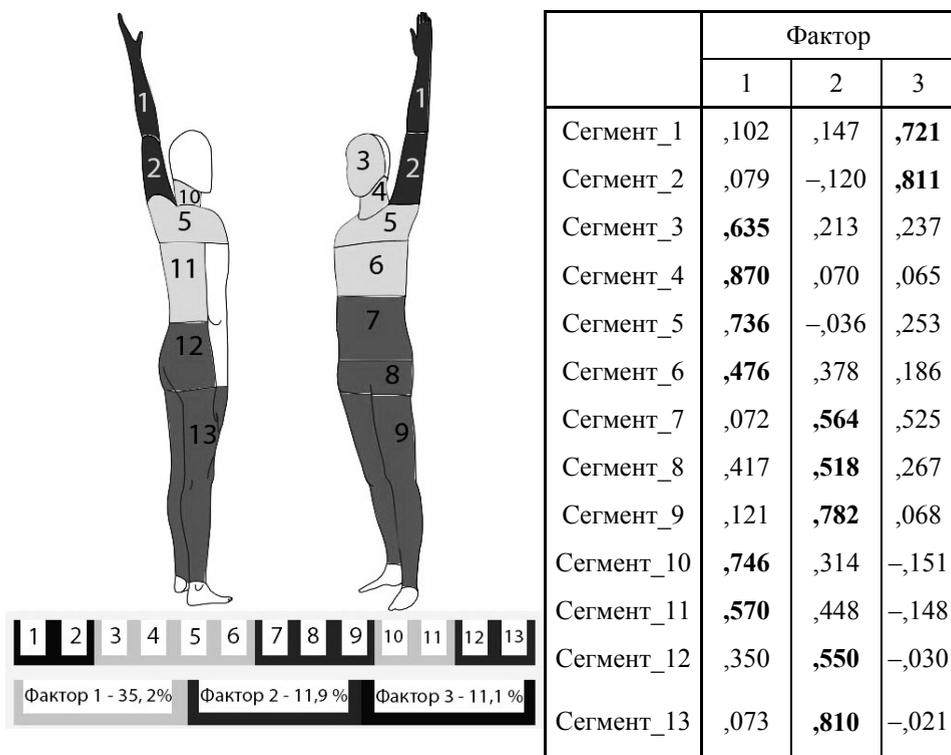
**Результаты факторного анализа в группе здоровых лиц:
объединение переменных в факторы, таблица факторных нагрузок**



	Фактор		
	1	2	3
Сегмент_1	,115	-,225	,806
Сегмент_2	-,087	-,056	,665
Сегмент_3	,824	-,003	,101
Сегмент_4	,336	,727	,163
Сегмент_5	,142	,231	,679
Сегмент_6	,620	,097	,381
Сегмент_7	,695	,243	,290
Сегмент_8	,745	,313	,024
Сегмент_9	,269	,370	,733
Сегмент_10	,256	,725	,169
Сегмент_11	,464	,542	,324
Сегмент_12	,210	,451	,291
Сегмент_13	,160	,399	,529

Схожая структура была получена на выборке пациентов ИР (табл. 2). Три фактора объясняли 58,2% дисперсии; в состав первого вошли области, содержащие жизненно важные органы, – область головы, шеи, плечевого пояса, грудной клетки и спины, второго – зоны живота и ног, третьего – области рук.

Результаты факторного анализа в группе пациентов с ипохондрическим расстройством: объединение переменных в факторы, таблица факторных нагрузок



Факторная структура для больных ШРЛ оказалась отличной от предыдущих групп и объясняла 67,1% дисперсии. При этом первый фактор включил в себя зоны рук и ног, второй – области шеи, плечевого пояса, грудной клетки и живота, третий – область головы (табл. 3).

Такое распределение телесных зон и выделение области головы как отдельного фактора позволяет предположить, что для этой группы пациентов тело представляет собой отчужденный объект, инструмент для функционирования во внешнем мире. Данное предположение подтвердилось при исследовании аффективного компонента внутренней телесности.

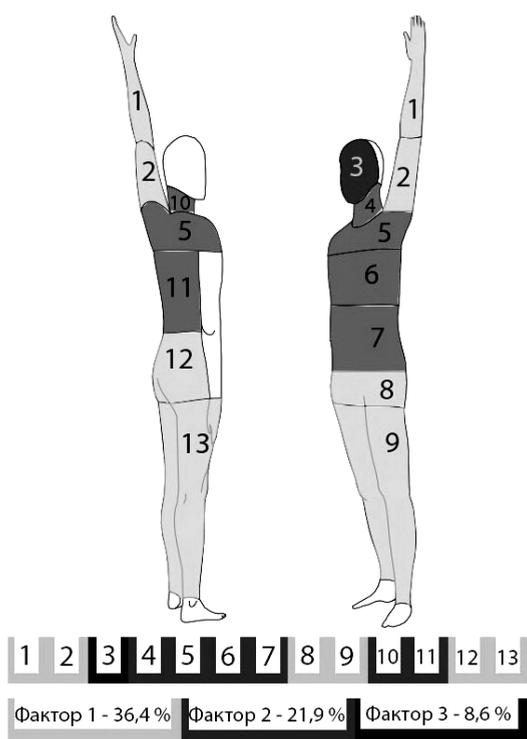
По результатам применения методики «Цветовой тест отношений» (табл. 4) при подборе цветов для категорий «тело» испытуемые контрольной группы выбирали основные цвета (преимущественно красный и желтый), пациенты ИР – основные контрастные цвета (желтый и синий). В группе больных ШРЛ дополнительный цвет (серый) встречался наряду с основными цветами (красный).

Категория «здоровье» представлена основными цветами в группах здоровых лиц и больных с ИР (желтый, красный и зеленый). Для

этой категории в группе больных ШРЛ преобладают дополнительные цвета (серый и фиолетовый).

Т а б л и ц а 3

Результаты факторного анализа в группе пациентов с шизотипическим расстройством личности: объединение переменных в факторы, факторные нагрузки



	Фактор		
	1	2	3
Сегмент_1	,804	,070	,225
Сегмент_2	,474	,292	,116
Сегмент_3	,219	,009	,867
Сегмент_4	,165	,793	-,084
Сегмент_5	,050	,788	,260
Сегмент_6	-,384	,702	,328
Сегмент_7	,396	,529	,470
Сегмент_8	,645	,296	,250
Сегмент_9	,856	-,199	,212
Сегмент_10	,061	,894	-,037
Сегмент_11	,493	,665	-,198
Сегмент_12	,748	,180	-,043
Сегмент_13	,791	-,035	-,005

Т а б л и ц а 4

Основной цвет для категории и процент респондентов, выбравших этот цвет как ведущий при выполнении методики ЦТО

Респонденты	Оцениваемые категории		
	Тело	Здоровье	Болезнь
Пациенты с диагнозом шизотипическое расстройство личности	Красный / серый	Серый / фиолетовый	Черный / серый
	33%	24%	44%
Пациенты с диагнозом ипохондрическое расстройство	Желтый / синий	Желтый / красный	Черный / коричневый
	20%	39%	48%
Здоровые испытуемые	Красный / желтый	Зеленый	Черный
	45%	63%	84%

Во всех группах категория «болезнь» представлена черным цветом, вместе с тем среди пациентов ШРЛ наряду с черным доминирующим цветом является серый, который встречается в цветовом выборе всех остальных категорий этой группы.

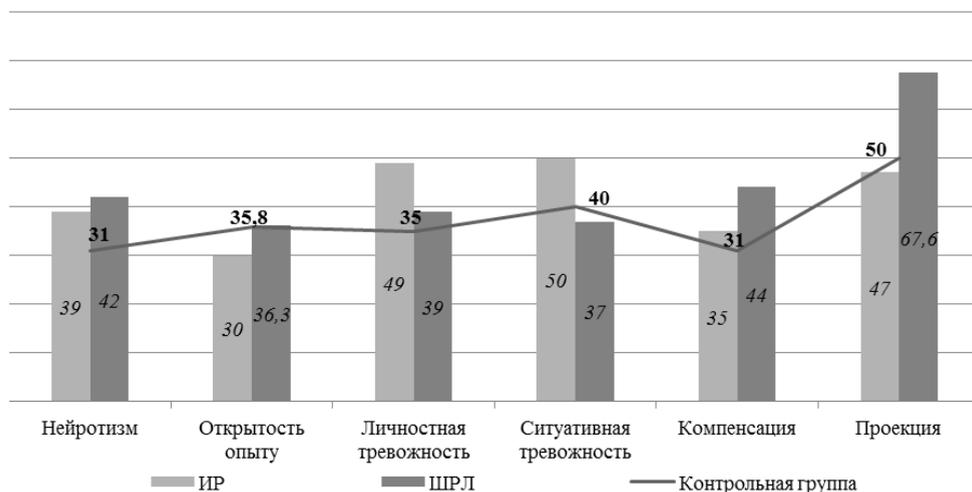


Рис. 2. Достоверные различия средних значений по личностным опросникам – пятифакторному, личностной и ситуативной тревожности, защитных механизмов личности – между контрольной группой и группами пациентов ИР и ШРЛ

Для каждой группы больных были определены особенности личностной структуры. В сравнении с группой здоровых лиц все пациенты экспериментальной группы отличались значимо более высокими значениями по фактору «нейротизм» пятифакторного опросника «NEO-FFI». Пациенты ИР имели достоверно более высокие значения по шкалам ситуативной и личностной тревожности опросника Спилбергера–Ханина и более низкие значения по фактору «открытость опыту» пятифакторного опросника «NEO-FFI». Больные ШРЛ отличались более высокими значениями по защитным механизмам компенсации и проекции опросника «Индекс жизненного стиля».

Обсуждение результатов

В структуре нормальной репрезентации внутреннего телесного опыта когнитивная схема тела отражает значимость телесных зон в соответствии с расположением жизненно важных органов, т.е. телесный образ структурирован и достаточно дифференцирован. Обыденные телесные сенсации не вызывают тревоги. Эмоциональное отношение к телу характеризуется принятием, эго-синтонностью, близостью к полюсу «Я есть тело». Таким образом, тело для здоровых испытуемых представляет собой освоенный и понятный инструмент взаимодействия с внешним миром, источник внутренних ощущений и удовольствия.

Результаты исследования репрезентации внутреннего тела среди пациентов с ипохондрическим расстройством оказались схожи с восприятием тела здоровыми испытуемыми. В когнитивной схеме тела большая значимость приписывается тем зонам, которые содержат жизненно важные органы. Вместе с тем по результатам теста цветовых отношений можно предположить, что эмоциональное отношение к телу характеризуется амбивалентностью и нестабильностью: наряду с принятием своего тела отмечается неудовлетворенность им и желание «освободиться» от телесных ощущений. Эти данные подтверждаются результатами опросника САВАh – повышением значений по шкале «Непереносимость телесных проявлений», что доказывает предположение о существовании специфического соматического стиля у этих больных. Согласно когнитивно-бихевиоральной модели такой стиль в сочетании с высокой бдительностью к телесным ощущениям и неадекватным представлением о здоровье и болезни становится механизмом, запускающим тревогу о здоровье. Ипохондрия в рамках описываемой модели понимается как разновидность тревожного расстройства. Таким образом, можно предположить существование predispositional личности, характеризующейся высокой тревожностью. В данном исследовании было обнаружено, что для больных с НИ характерным является достоверно более высокий уровень нейротизма, для больных с ИР – повышенный уровень личностной и ситуативной тревожности, закрытость для нового опыта. Результаты перекликаются с полученными данными в исследовании Г.Е. Рупчева [11]. Было показано, что больные с соматоформными расстройствами имеют особенности predispositional личности: эмоционально-личностную незрелость, высокий уровень тревожности, несформированность процессов саморегуляции. Вместе с тем вопрос о роли феномена амбивалентного отношения к телу и специфического соматического стиля в формировании ипохондрий остается открытым.

Данные особенности могут выступать в разной роли по отношению к ИР: быть первичным образованием, определяющим специфику восприятия тела и дальнейшее развитие ипохондрической симптоматики, или быть коморбидным образованием при ИР.

Внутренний телесный опыт пациентов с шизотипическим расстройством личности имеет свои особенности когнитивной репрезентации тела, эмоционального отношения к нему, поведенческих паттернов и представлений о здоровье и болезни. По результатам факторного анализа можно предположить, что у данных больных происходит «расщепление», отчуждение от тела: голова не объединяется с другими телесными зонами, является отдельным фактором, а репрезентация тела в сознании представлена особым образом. Выбор конечностей как наиболее значимых телесных зон связан, вероятно, с восприятием тела как инструмента для функционирования во внешнем мире. Остальное

тело в таком случае приобретает параметры постороннего, неизвестного и непредсказуемого объекта, т.е. ощущения в теле для такого больного трудно дифференцируемы и малопонятны. Другими словами, пациент эго-дистонен к своему телесному опыту, его отношение к своему телу ближе к полюсу «У меня есть тело». Для пациента с таким образом внутреннего тела происходящие в организме процессы непонятны, вызывают страх и могут восприниматься как угрожающие жизни и здоровью (выраженный страх смерти), что обуславливает повышение бдительности к телесным проявлениям и непереносимость телесных ощущений. Выбор серого цвета в Цветовом тесте отношений может свидетельствовать о попытке изоляции от тревоги, вызванной ощущениями в теле, негативном отношении к телу и восприятию его как неудобного и несовершенного инструмента для функционирования во внешнем мире. Аналогичные результаты, связанные с выбором серого цвета, были получены А.С. Султановой [30] на выборке раненых с фантомно-болевыми синдромами, что объяснялось трудностями в овладении собственным телом, восприятием тела как препятствия в достижении некоторых потребностей. Вероятно, подобные трудности в овладении телом испытывают больные с шизотипическим расстройством личности.

Анализ категорий «здоровье» и «болезнь» позволил определить, что для контрольной группы и пациентов с ИР эти категории представляют собой два противоположных полюса, в группе больных с ШРЛ эти понятия являются размытыми, недостаточно сформированными и определенными. Таким образом, ощущения в теле для этих больных не могут быть определены к какому-то из полюсов, а в сочетании с недостаточной освоенностью своего тела вызывают повышение тревоги о здоровье и обуславливают некоторые особенности поведения таких больных (поиск медицинской помощи, избегание ситуаций, способных прямо или косвенно отразиться на состоянии здоровья). Использование защитных механизмов проекции и компенсации в этом случае может трактоваться как способ совладания с тревогой в отношении тела и здоровья.

Описанные особенности внутренней телесности среди разных нозологических групп указывают на гетерогенность генеза небредовой ипохондрической симптоматики и необходимость дальнейших исследований для понимания роли психологических факторов в формировании ипохондрических состояний.

Заключение

Внутренняя телесность, представляя собой сложную, неоднородную структуру, в состав которой входят как когнитивная репрезентация телесного опыта, так и эмоциональное отношение к телу, имеет свои особенности у здоровых лиц и пациентов с небредовой ипохон-

дрий. Когнитивная репрезентация телесного опыта в норме характеризуется дифференцированностью и сформированностью, эмоциональное отношение к телу – принятием. У больных с ипохондрическим расстройством достаточно дифференцированная когнитивная репрезентация телесного опыта сочетается с амбивалентным эмоциональным отношением к телу. Когнитивная схема внутреннего тела пациентов с шизотипическим расстройством личности характеризуется отчуждением от тела, восприятием его как неэффективного и несовершенного инструмента для функционирования во внешнем мире. Эмоциональный компонент связан с трудностями в понимании телесных сенсаций, что вызывает страх и тревогу в отношении здоровья.

Неоднородность типов восприятия тела дает возможность предположить, что при небредовой ипохондрии формирование отношения к телу имеет разные механизмы. Для проверки данной гипотезы актуальным представляется дальнейшее изучение телесности при различных психических заболеваниях.

Литература

1. Романов Д.В. Экзистенциальные кризисы в дебюте небредовой ипохондрии : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2008.
2. Павлова Л.К. Ипохондрические ремиссии при шизофрении (клиника, типологическая дифференциация, терапия) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2009.
3. Смуглевич А.Б. Психопатология личности и коморбидных расстройств. М. : МЕДпресс-информ, 2009.
4. Волель Б.А. Небредовая ипохондрия при соматических, психических заболеваниях и расстройствах личности (психосоматические соотношения, психопатология, терапия) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2009.
5. Андриющенко А.В. Психические и психосоматические расстройства в учреждениях общесоматической сети (клинико-эпидемиологические аспекты, психосоматические соотношения, терапия) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2011.
6. Серебрякова Е.В. Небредовая ипохондрия (коэнестезиопатия) при шизотипическом расстройстве личности и шизофрении : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2007.
7. Смуглевич А.Б., Волель Б.А. Психопатологические аспекты небредовой ипохондрии // Психические расстройства в клинической практике / под ред. акад. РАМН А.Б. Смуглевича. М. : МЕДпресс-информ, 2011. С. 310–333.
8. Barsky A.J., Klerman G.L. Overview: Hypochondriasis, bodily complaints, and somatic styles // American Journal of Psychiatry. 1983. № 140. P. 273–283.
9. Николаева В.В., Арина Г.А. От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестник МГТУ. Сер. 14. Психология. 1996. № 2. С. 8–18.
10. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М.: МГУ, 1987.
11. Рупчев Г.Е. Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (на модели соматоформных расстройств) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
12. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М. : Смысл, 2002.
13. Abramowitz J.S., Moore E.L. An experimental analysis of hypochondriasis // Behaviour Research and Therapy. 2007. Vol. 45. P. 413–424.
14. Barsky A.J., Wyshak G., Herman O.L. The Somatosensory Amplification Scale and its relationship to hypochondriasis // Journal of Psychiatric Research. 1990. Vol. 4. P. 323–334.

15. *Abramowitz J.S., Deacon B.J., Valentiner D.P.* The Short Health Anxiety Inventory: psychometric properties and construct validity in a non-clinical sample // *Cognitive Therapy Research*. 2007. № 31. P. 871–883.
16. *Lucock M.P., Morley S.* The Health Anxiety Questionnaire // *British Journal of Health Psychology*. 1996. Vol. 1. P. 137–150.
17. *Salkovskis P.M., Rimes K.A., Warwick H.M., Clark D.M.* The health anxiety inventory: Development and validation of scales for the measurement of health anxiety and hypochondriasis // *Psychological Medicine*. 2002. Vol. 32. P. 843–853.
18. *Выготский Л.С.* Собр. соч. : в 6 т. М., 1982. Т. 1.
19. *Тхостов А.Ш., Райzman Е.М.* Субъективный телесный опыт и ипохондрия: культурно-исторический аспект // *Психологический журнал РАН*. 2005. Т. 25, № 2.
20. *Бескова Д.А.* Клинико-психологические характеристики внешней и внутренней границ телесности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
21. *Rief W., Hiller W., Margraf J.* Cognitive Aspects of Hypochondriasis and the Somatization Syndrome // *Journal of Abnormal Psychology*. 1998. Vol. 4. P. 587–595.
22. *Желонкина Т.А., Ениколопов С.Н., Ермушева А.А.* Адаптация русскоязычной версии методики Р. Salkovskis «Краткий опросник тревоги о здоровье» (Short Health Anxiety Inventory) // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2014. Т. 7, № 1.
23. *Саламова Д.К., Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н.* «Сегменты» – метод исследования телесного образа «Я» // *Сексология и сексопатология*. 2003. № 5. С. 11–18.
24. *Эткинд А.М.* Цветовой тест отношений // *Общая психодиагностика*. М., 1987. С. 221–227.
25. *McCrae R.R., Costa P.T.* Validation of the five-factor model of personality across instruments and observers // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 52(1). P. 81–90.
26. *Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R.E.* Manual for the state-trait anxiety inventory. Palo Alto CA : Consulting Psychologists Press, 1970. P. 1–23.
27. *Ханин Ю.Л.* Краткое руководство по применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л. : ЛНИИТЕК, 1976.
28. *Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R.* A structural theory of ego defenses and emotion / ed. by С.Е. Izard // *Emotions in personality and psychopathology*. N.Y., 1979. P. 229–257.
29. *Романова Е.С., Гребенников Л.Р.* Механизмы психологической защиты: Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи, 1996. С. 20.
30. *Султанова А.С.* Особенности образа тела у раненых с фантомно-болевым синдромом при ампутации конечностей // *Психология телесности: между душой и телом* / ред. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М. : АСТ, 2007. С. 281–294.

ЖЕЛОНКИНА Татьяна Андреевна, аспирант отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук (г. Москва).

E-mail: t.zhelonkina@gmail.com

ЕНИКОЛОПОВ Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук (г. Москва).

E-mail: enikolopov@mail.ru

ВОЛЕЛЬ Беатриса Альбертовна, доктор медицинских наук, старший научный сотрудник отдела по изучению пограничной психической патологии и психосоматических расстройств Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук (г. Москва).

E-mail: beatrice.volel@gmail.com

BODY PERCEPTION IN NON-DELUSIONAL HYPOCHONDRIASIS

Zhelonkina Tatiana A., Enikolopov Sergey N., Volel' Beatrice A. The mental health research center of the Russian Academy of Medical Sciences (Moscow, Russian Federation).
E-mail: t.zhelonkina@gmail.com; enikolopov@mail.ru; beatrice.volel@gmail.com

Keywords: body perception; health anxiety; non-delusional hypochondriasis; hypochondriasis; schizotypal personality disorder.

Abstract

Non-delusional hypochondriasis (NH) is an actual field of research in psychology and psychiatry. According to existing data, body perception plays a significant role in origin of NH. Also the theoretical review has revealed the lack of psychological studies, capable to describe personal features of body perception among people with NH. In this connection, we researched the body perception in NH. It was hypothesized that body perception is different in the group of patients with NH. The aim of the study was to find out and to describe the personal features of body perception of healthy people and patients with NH. The sample with NH was divided into two groups depending on nosological diagnosis. The first group (n=7) consisted of patients with diagnosis «Hypochondriasis» (HD) (F 45.2, ICD-10), the second group (n=23) included patients with «Schizotypal personality disorder» (SPD) (F 21.8, ICD-10). People from the control group haven't had any somatic complaints and have never visited psychiatrist. The choice of research methods was determined by the possibility of estimate the cognitive schema of body and the emotional component of body perception. The structure of cognitive schema was measured by Cognition about Body and Health Questionnaire (CABA_H, W. Rief, 1998), Health Anxiety Questionnaire (HAQ, M. Lucock, 1996), Short Health Anxiety Inventory (SHAI, P. Salkovskis, 2002), «Segments» (Salamova D.K., Dvoryanchikov N.V., Enikolopov S.N., 2003). The emotional component of body perception was measured by using the Color Test (Etkind A.M., 1987). Also the personality characteristics were estimated by using NEO Five-Factor Inventory (McCrae R.R., Costa, P.T., 1987), State-trait anxiety inventory (Spielberger C.D., 1970), Life Style Index (Plutchik R., Kellerman H., 1979). The data was processed with SPSS 19. The analysis allowed to describe the special features for all three groups. The control group has showed the low level of health anxiety. Cognitive schema of body had a defined structure, the body was emotionally accepted. Patients with HD and SPD had the higher level of health anxiety and high scores by the factors «Body Vigilance», «Intolerance to bodily complaints», «Health habits». According to cognitive-behavioral approach the hypochondriasis is triggered by vigilance to bodily sensations. In combination with intolerance to bodily complaints it could increase the level of health anxiety. Patients with HD had a defined structure of cognitive body schema, though the emotional component was unstable. In spite of emotional acceptance of body patients was dissatisfied with bodily sensations. Patients with SPD had an undefined cognitive body representation, they perceived the body as an inconvenient instrument and emotionally repudiated the body. In connection with it any bodily sensations could cause state anxiety, health anxiety and fear of death. The results could become the basis for further researchers of body perception as one of the psychological factors in origin of NH.

References

1. Romanov D.V. *Ekzistentsial'nye krizy v debyute nebredovoy ipokhondrii: avtoref. dis. kand. med. nauk* [Existential crises in the debut of non-delusional hypochondria. Abstract of Medicine Cand. Diss.]. Moscow, 2008.
2. Pavlova L.K. *Ipokhondricheskie remissii pri shizofrenii (klinika, tipologicheskaya differentsiatsiya, terapiya): avtoref. dis. kand. med. nauk* [Hypochondriacal remission in

- schizophrenia (clinical findings, typological differentiation, therapy). Abstract of Medicine Cand. Diss.]. Moscow, 2009.
3. Smulevich A.B. *Psikhopatologiya lichnosti i komorbidnykh rasstroystv* [Psychopathology of personality and comorbid disorders]. Moscow: MED-press-inform Publ., 2009. 202 p.
 4. Volel' B.A. *Nebredovaya ipokhondriya pri somaticheskikh, psikhicheskikh zabolovaniyakh i rasstroystvakh lichnosti (psikhosomaticheskie sootnosheniya, psikhopatologiya, terapiya)*: avtoref. dis. d-ra med. nauk [Non-delusional hypochondria with somatic, mental and personality disorders (psychosomatic relations, psychopathology, therapy). Abstract of Medicine Doc. Diss.]. Moscow, 2009.
 5. Andryushchenko A.V. *Psikhicheskie i psikhosomaticheskie rasstroystva v uchrezhdeniyakh obshchesomaticheskoy seti (kliniko-epidemiologicheskie aspekty, psikhosomaticheskie sootnosheniya, terapiya)*: avtoref. dis. d-ra med. nauk [Mental and psychosomatic disorders in somatic networks (clinical and epidemiological aspects, psychosomatic relations, therapy). Abstract of Medicine Doc. Diss.]. Moscow, 2011.
 6. Serebryakova E.V. *Nebredovaya ipokhondriya (koenesteziopatiya) pri shizotipicheskoy rasstroystve lichnosti i shizofrenii*: avtoref. dis. kand. med. nauk [Non-delusional hypochondria with schizotypal personality disorder and schizophrenia. Abstract of Medicine Cand. Diss.]. Moscow, 2007.
 7. Smulevich A.B., Volel' B.A. *Psikhopatologicheskie aspekty nebredovoy ipokhondrii* [Psychopathological aspects nebredovoy hypochondria]. In: Smulevich A.B. (ed.) *Psikhicheskie rasstroystva v klinicheskoy praktike* [Psychiatric disorders in clinical practice]. Moscow: MED press-inform Publ., 2011, pp. 310-333.
 8. Barsky A.J., Klerman G.L. Overview: Hypochondriasis, bodily complaints, and somatic styles. *American Journal of Psychiatry*, 1983, no. 140, pp. 273-283.
 9. Nikolaeva V.V., Arina G.A. Ot traditsionnoy psikhosomatiki k psikhologii telesnosti [From traditional psychosomatics to psychology of corporality]. *Vestnik MGTU, Ser. 14. Psikhologiya*, 1996, no. 2, pp. 8-18.
 10. Nikolaeva V.V. *Vliyaniye khronicheskoy bolezni na psikhiku* [The impact of chronic disease on the psyche]. Moscow: Moscow State University Publ., 1987. 268 p.
 11. Rupchev G.E. *Psikhologicheskaya struktura vnutrennego telesnogo opyta pri somatizatsii (na modeli somatoformnykh rasstroystv)*: avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Psychological structure of the inner body experience with somatization (on the model of somatoform disorders). Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2000.
 12. Tkhostov A.Sh. *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporality]. Moscow: Smysl Publ., 2002. 287 p.
 13. Abramowitz J.S., Moore E.L. An experimental analysis of hypochondriasis. *Behaviour Research and Therapy*, 2007, vol. 45, pp. 413-424. DOI: 10.1016/j.brat.2006.04.005.
 14. Barsky A.J., Wyslak G., Herman O.L. The somatosensory amplification scale and its relationship to hypochondriasis. *Journal of Psychiatric Research*, 1990, vol. 4, pp. 323-334. DOI: 10.1016/0022-3956(90)90004-A.
 15. Abramowitz J.S., Deacon B.J., Valentiner D.P. The short health anxiety inventory: psychometric properties and construct validity in a non-clinical sample. *Cognitive Therapy Research*, 2007, no. 31, pp. 871-883. DOI: 10.1007/s10608-006-9058-1.
 16. Lucock M.P., Morley S. The health anxiety questionnaire. *British Journal of Health Psychology*, 1996, vol. 1, pp. 137-150. DOI: 10.1111/j.2044-8287.1996.tb00498.x.
 17. Salkovskis P. M., Rimes K. A., Warwick H. M., Clark, D. M. The health anxiety inventory: Development and validation of scales for the measurement of health anxiety and hypochondriasis. *Psychological Medicine*, 2002, vol. 32, pp. 843-853. DOI: 10.1017/S0033291702005822.
 18. Vygotskiy L.S. *Sobranie sochineniy*: v 6 t. [Selected works. In 6 vols.]. Moscow, 1982. Vol. 1.

19. Tkhostov A.Sh., Rayzman E.M. Sub"ektivnyy telesnyy opyt i ipokhondriya: kul'-turno-istoricheskiy aspect [Subjective body experience and hypochondriasis: a cultural-historical aspect]. *Psikhologicheskiy zhurnal RAN*, 2005, vol. 25, no. 2.
20. Beskova D.A. *Kliniko-psikhologicheskie kharakteristiki vneshney i vnutrenney granits telesnosti*: avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Clinical and psychological characteristics of the outer and inner boundaries of corporality. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2006.
21. Rief W., Hiller W., Margraf J. Cognitive aspects of hypochondriasis and the somatization syndrome. *Journal of Abnormal Psychology*, 1998, vol. 4, pp. 587-595.
22. Zhelonkina T.A., Enikolopov S.N., Ermusheva A.A. Adaptation of the Russian version of «Short Health Anxiety Inventory» developed by P. Salkovskis. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya – Theoretical and Experimental Psychology*, 2014, vol. 7, no. 1, pp. 30-37. (In Russian).
23. Salamova D.K., Dvoryanchikov N.V., Enikolopov S.N. “Segmenty” – metod issledovaniya telesnogo obraza “Ya” [“Segments”. A research method of “I”’s body image]. *Seksologiya i seksopatologiya*, 2003, no. 5, pp. 11-18.
24. Etkind A.M. *Tsvetovoy test otnosheniy* [The color test of relationship]. In: Bodalev A.A., Stolin V.V. (eds.) *Obshchaya psikhodiagnostika* [General psychodiagnosics]. Moscow: Moscow State University Publ., 1987, pp. 221-227.
25. McCrae R. R., Costa P.T. Validation of the five-factor model of personality across instruments and observers. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, vol. 52(1), pp. 81-90. DOI: 10.1037/0022-3514.52.1.81.
26. Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R.E. *Manual for the state-trait anxiety inventory*. Palo Alto CA: Consulting Psychologists Press, 1970, pp. 1-23.
27. Khanin Yu.L. *Kratkoe rukovodstvo po primeneniyu shkaly reaktivnoy i lichnost-noy trevozhnosti Ch.D. Spielbergera* [A Quick Guide to the application of Ch.D. Spielberger’s scale of reactive and personal anxiety]. Leningrad: LNIITEK Publ., 1976.
28. Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R. *A structural theory of ego defenses and emotion*. In: Izard C.E. (ed.) *Emotions in personality and psychopathology*. N.Y., 1979, pp. 229-257.
29. Romanova E.S., Grebennikov L.R. *Mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity: Genesis. Funktsionirovanie. Diagnostika* [Psychological defense mechanisms. Genesis. Functioning. Diagnostics]. Mytishchi, 1996, p. 20.
30. Sultanova A.S. *Osobennosti obraza tela u ranennykh s fantomno-bolevym sin-dromom pri amputatsii konechnostey* [Peculiarities of a body image with the injured with phantom-pain syndrome in case of amputation of extremities]. In: Zinchenko V.P., Levi T.S. (eds.) *Psikhologiya telesnosti: mezhd u dushoy i telom* [Psychology of corporality: between body and soul]. Moscow: AST Publ., 2007, pp. 281-294.

ТЕМПОРАЛЬНОЕ ФАЗОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ БОЛЬНЫХ ПСИХОГЕННОЙ АСТМОЙ

К.Г. Языков, Е.В. Немеров, А.Н. Корнетов, Е.В. Караваева,
Н.И. Прядухина, А.А. Иванова, В.В. Лукашева, А.С. Новикова

Сибирский государственный медицинский университет (Томск, Россия)

Аннотация. Проведено исследование больных бронхиальной астмой (БА). Рассматривали формы БА: психогенно-индуцированную, сомато-психогенную, атопическую непсихогенную. Представлен динамический фазовый темпоральный портрет жизненных событий больных БА. Показана меньшая «открытость» темпоральной системы больных психогенной формой БА. Установлено, что управляющими параметрами системы являются ретроспективное время, позитивно и негативно оцениваемое (смысловое) ретроспективное время.

Ключевые слова: психогенная бронхиальная астма; жизненные события; темпоральный анализ; фазовое пространство квазиаттрактора.

Введение. Данная работа представляет реализацию эмпирического подхода к анализу темпоральных событий. Предпринятое эмпирическое исследование находится в рамках развития синергетической концепции в психологии. Представляется, что в этом направлении могут быть получены факты, которые не выявляются статистическими методами.

Темпоральность рассматривается нами как протяженность во времени. Это понятие определяет интервал времени, на котором может быть установлена специфичность субъекта.

Согласно положениям антропологической психологии человек представлен открытой, продленной в мир многомерной системой в пространственно-временной организации [1]. В системе присутствует отраженная субъективная реальность, в многомерную структуру которой входят время и смысловая координата (топохрон).

«Смысловое» время характеризуется вектором иного нефизического временного континуума и, следовательно, не входит в его состав. Представления такого рода позволяют рассматривать «пространство» и как физическое, и как смысловое. Предполагается, что векторы «времен» располагаются в ортогональном гиперпространстве. Открытость психологической системы (ПС) определяется как объем фазового пространства временных векторов. Это пространство имеет как статистический (стохастический), так и хаотический центр динамической системы. Стратегия эмпирического исследования «топохрона» наиболее эффективна в системных представлениях. Другую стратегию работы следует обозначить как реализацию подхода к определению «открытости» психологических систем.

В терминах «открытости» нами рассматриваются темпоральные характеристики континуума прошлое – настоящее – будущее (п – н – б), его событийность.

Решение задач такого рода вызвано практической необходимостью дальнейшего развития клинико-психологической типологии заболеваний, учитывающей индивидуально-психологические особенности больных в рамках интегративно-системного и более высокого антропологического подхода.

Материалы и методы исследования. В исследовании приняли участие 178 больных бронхиальной астмой, разделенных на группы. Группы сформированы не на основании клинического критерия, а представляют эмпирически наблюдаемые феномены. Квалификацию форм и соответствующих им групп определяли исходя из патогенетических причин: БАПИ – бронхиальная астма психогенноиндуцированная; БАСП – бронхиальная астма соматопсихогенная, БАНП – бронхиальная астма непсихогенная. Средний возраст больных не различался между группами.

Применялись методы непараметрической (U-, T-критерии) и параметрической статистики (сравнение средних величин, дисперсионный анализ ANOVA).

Статистическая обработка и описание поведения вектора темпоральных событий в m -мерном пространстве состояний для гетерогенной группы больных БА производились в том числе и с применением синергетических подходов [2]. Определяли объем и центры квазиаттракторов (КА) вектора состояний организма в m -мерном пространстве для разных групп БА, *расстояния между стохастическими и хаотическими центрами изучаемых аттракторов.*

Были установлены параметры порядка КА. Для этого вычисляли объемы КА в фазовом пространстве для кластеров форм БА, а затем, в соответствии с алгоритмом, последовательно исключали из расчета отдельные компоненты вектора состояния темпоральной системы с одновременным анализом параметров КА. Далее сравнивали, какие изменения, существенные или несущественные, произошли в параметрах аттрактора после такого исключения.

В работе использовали клинико-биографический метод психологического анализа жизненных событий (ЖС) [3].

Результаты. Время человека представлено событийным пространством. В нем присутствуют события как ценностно-смысловые образования, которые могут стать облигатными, вневременными. Смыслы в становлении человека заявляют о себе наиболее ярко во времени (п – н – б). Они объективируют транспективу – общее направление движения системы «человек». Эта темпоральная система ввиду особой роли психических факторов в ее самоорганизации может рассматриваться как психологическая.

Открытость психологической системы человека понимается и как темпоральное, событийное явление.

Прошлое (ретроспективное) и будущее (антиципационное) время, его временная «глубина» и артикулированность указывают на степень открытости системы.

В *первой задаче* анализировали «открытость» системы в ее временной, частотной и когнитивно-эмоциональной оценке событий ретроспекции и антиципации.

В рамках *второй задачи* решался вопрос оценки фазовых пространств темпоральных структур жизненных событий больных БА.

Первая гипотеза предполагала, что «открытость» психологической системы больных БА, определяемая по удалению в прошлое, будущее, а также по когнитивно-эмоциональной оценке, выражена в меньшей степени, чем у здоровых лиц. Согласно второй гипотезе более низкая степень открытости темпоральной ПС наблюдается в группах больных БА, у которых на формирование болезни влияют психологические факторы (группа больных с психогенно-индуцированной БА; БАПИ).

Первая задача. Эмпирически определяли время ретроспекции и антиципации, а также модус ретроспективных и антиципационных событий у больных БА с различной степенью вовлечения тревожно-депрессивных компонентов в этиопатогенез заболевания.

Время ретроспекции. ANOVA показал, что среднее время ретроспекции различается у пациентов в зависимости от формы БА ($F = 4,82$; $p = 0,009$). Наибольшее время ретроспекции (ВР) характерно для больных БАПИ.

Это указывает на своеобразное психологическое «застревание» больных этой группы в прошлом (в норме ВР примерно в 2 раза короче).

Т а б л и ц а 1

Время ретроспекции у пациентов с различными формами БА

Форма БА (n = 178)	Среднее ВР, годы (m±SD)	ВР, оцениваемое позитивно	ВР, оцениваемое негативно
БАНП (92)	16,87±8,13	17,83±9,0	12,56±8,21
БАПИ (56)	20,23±6,10* (p _{2-1,3})	23,97±8,06	14,98±7,82
БАСП (30)	15,82±7,31	18,60±8,92	11,73±6,87

Примечание. Различия по ВР групп пациентов с БА: ANOVA $F = 4,82$, $p = 0,009$. Эмоционально значимая оценка (позитивная, негативная) ВР: ANOVA $F = 2,25$, $p = 0,11$ (NS). Здесь и далее в таблицах звездочкой отмечены значения $p < 0,05$.

Психологическая оценка ретроспективных событий как эмоционально значимых показала отсутствие статистических различий между группами больных БА.

Время антиципации. Среднее время антиципации (ВА) событий существенно различалось для групп пациентов. Наиболее удаленным в будущее (в годах) оно представлено у пациентов с БАНП (3,02±1,98) и наименее – у пациентов с БАПИ (0,51±1,40) (табл. 2).

Время антиципации у пациентов с различными формами БА

Форма БА	ВА, годы M(SD)	ВА, оцениваемое позитивно	ВА, оцениваемое негативно
БАНП	3,02 (1,98)*(p _{1-2,3,4})	3,02(1,98)*(p _{1,2} ; p _{1,3})	0
БАПИ	0,51 (1,40)	0,47 (1,40)	0,11 (0,42)
БАСП	1,13 (1,88)	1,18 (1,90)	0,07 (0,25)
Норма	4,60±0,78 (SE)	4,50±0,9 (SE)	4,85±1,87 (SE)

Примечание. Различия по ВА групп пациентов с БА: ANOVA F = 6,19, p = 0,005. Эмоционально значимая оценка ВА: различия позитивных ВА: F = 37,7, p = 0,00; негативных ВА: F = 3,25, p = 0,04.

ВА является высокоинформативным признаком, оно, согласно мере Кульбака, в 5,8 раза информативнее для пациентов с БАПИ в сравнении с таковыми с БАНП.

Наибольшие позитивные оценки будущего присущи пациентам с БАНП, а наименьшие – пациентам с БАПИ. Негативная оценка событий будущего варьировала в зависимости от формы БА (F = 3,25, p = 0,04). Наибольшая негативная оценка была присуща пациентам с БАПИ (0,11).

Таким образом, гипотеза о меньшей «открытости» психологической системы лиц с БА в свойствах темпоральной структуры в отношении психогенной формы заболевания подтвердилась.

Анализ событий. Другой подход, подтверждающий гипотезу, показывает различие частот ретроспективных (Pc) и антиципационных (Ac) событий, оцениваемых пациентами с БА, как позитивно или негативно окрашенных (табл. 3).

Количественная и смысловая оценка ретроспективных событий для групп больных БА

Форма БА	Количество Pc, M(SD)	Pc (позит.)	Pc (негат.)	Кол-во Pc (малозн.)	Кол-во Pc (умерен.)	Кол-во Pc (знач.)
БАНП	17,42 (5,17) *(p _{1-2,3,4})	11,84 (4,13)	5,6 (3,37) *(p _{1-3,4})	1,38 (1,75)	3,28 (3,09)	12,66 (4,75) *(p _{1-2,3,4})
БАПИ	22,11 (7,19)	10,36 (4,43)	11,63 (4,3)	1,18 (1,95)	3,20 (3,67)	17,54 (7,99)
БАСП	21,00 (7,17)	11,93 (5,16)	9,37 (4,79)	1,53 (1,98)	4,17 (3,34)	15,37 (7,71)

ANOVA показывает, что частоты событий прошлого различаются в диагностических группах (F = 10,93, p = 0,00). Наименьшая частота событий в прошлом характерна для больных БАНП. Информативность признака «количество ретроспективных негативных событий» в 4,1 раза выше для пациентов с БАПИ, чем для пациентов с БАНП.

Частоты событий будущего (семантическое поле антиципационных событий) различались между диагностическими группами ($F = 24,28$, $p = 0,00$). Наименьшая частота антиципационных событий обнаружена в группе пациентов с БАПИ.

События также классифицировались по степени **выраженности личностной реакции** (слабо-, умеренно-, сильнозначимые) и **типу событий** (биологические, личностно-психологические, связанные с изменениями в природной, или социально-средовые). Оценка субъективной значимости будущего показала, что частоты «малозначимых» и «умеренных» событий не различались между группами больных БА ($F = 1,86$, $p = 0,16$).

Наиболее выражена частота «сильнозначимых» событий будущего для пациентов с БАНП ($2,73 \pm 1,5$), БАСП ($1,37 \pm 1,56$), чем для пациентов с БАПИ ($0,59 \pm 0,91$) ($F = 45,53$, $p = 0,000$; метод Шеффе при $p < 0,001$).

Для прошлого времени частоты мало- и умеренно значимых событий статистически не различались. Информативность признака по Кульбаку «количество значимых ретроспективных негативных событий» в 2,6 раза выше для пациентов с БАПИ, чем для группы лиц с БАПН.

В оценке прошлого и будущего времени превалировали оценки событий как «значимых» при наименьшем значении для лиц с БАПИ (12,66) в сравнении с другими формами БА (17,54 и 15,37; $F = 10,15$, $p = 0,00$).

Т а б л и ц а 4

Количественная и смысловая оценки антиципационных событий для групп БА

Форма БА	Кол-во антиципационных событий M(SD)	Ас (позит.)	Ас (негат.)	Кол-во Ас (малозн.)	Ас (умер.)	Ас (знач.)
БАНП	2,79 (1,46)	2,70 (1,50)* ($p_{1-2,3}$)	2,79 (1,46)	0,02 (0,15)	0,07 (0,29)	2,73 (1,50)
БАПИ	0,96 (1,35)* ($p_{2-1,3}$)	0,50 (0,91)	0,96 (1,3)* ($p_{2-1,3}$)	0,04 (0,19)* ($p_{2-1,3}$)	0,04 (0,19)	0,59 (0,91)* ($p_{2-1,3}$)
БАСП	2,13 (2,05)	0,33 (1,56)	2,13 (2,05)	0,10 (0,31)	0,23 (0,68)* ($p_{3-1,2}$)	1,37 (1,56)

Информативность признака (по Кульбаку) «общее количество антиципационных негативных событий» показывает, что для пациентов с БАПИ в сравнении с БАНП данный признак в 6,6 раза информативнее, т.е. является определяющим в дифференциальной оценке (см. табл. 4).

Информативность признака «количество **значимых** антиципационных негативных событий» в 9,8 раза выше для пациентов с БАПИ в сравнении с группой лиц с БАПН.

Данный показатель является также определяющим признаком в дифференциальной оценке темпорально-смыслового континуума больных, особенно для пациентов с БАПИ.

Оценка пациентами *типа событий* различалась в зависимости от формы БА. Отличия были обнаружены для событий, определяемых как тип биологического воздействия ($F = 3,42$, $p = 0,04$) и тип, связанный с природными изменениями ($F = 6,29$, $p = 0,002$). Данные категории представлены в [3].

Сравнение типологических оценок событий показало, что более высокие значения для группы лиц с БАПИ имели события социального воздействия. Важной характеристикой является плотность событий в прошлом и будущем времени. Анализ плотности событий N прошлого времени ($N/t_{\text{прошлое}}$) не показывает зависимости значений показателя от формы БА ($F_{2;175} = 2,64$, $p = 0,075$).

Для будущего времени, напротив, существует зависимость плотности событий $N/t_{\text{будущее}}$ от нозологической формы БА ($F_{2;134} = 5,92$, $p = 0,003$). $N/t_{\text{будущее}}$ для БАНП равно 1,19, в отличие от форм БАПИ – 0,69 ($p = 0,05$) и БАСП – 0,53 ($p = 0,02$) по методу Шеффе.

Решение второй динамической задачи. Согласно М.А. Филатову [2], фазовое пространство (ФП) образовано ортогональными векторами всех вышеуказанных показателей (физическое время, смысловое время, количество событий в «п – н – б» континууме; всего $m = 25$). Каждая группа БА (кластер) представлена темпоральным квазиаттрактором с собственными стохастическим и хаотическим центрами в фазовом пространстве. Размерность ФП определяется объемом многомерного параллелепипеда в G -гиперпространстве m признаков ($m = 25$). Объем параллелепипеда V_G вычисляли так:

$$V_G = \prod_{i=1}^m Di; \quad Di = x_{i(\max)} - x_{i(\min)},$$

где x_i принадлежит m признакам (параметрам) G гиперпространства.

Эти параметры образуют наборы диагностических признаков в пределах одной фазовой координаты x из набора всех координат m -мерного фазового пространства с одинаковыми характеристиками. Группа испытуемых образует квазиаттрактор (КА) в фазовом пространстве состояний. Стохастический центр рассчитывается как среднее значение по каждому признаку. Хаотический центр есть среднее между максимальным и минимальным значениями показателя данного кластера больных:

$$x = \frac{x_{i(\max)} + x_{i(\min)}}{2}.$$

Таким образом, в каждом кластере, соответствующем нозологической форме БА в многомерном ФП, присутствуют два центра, расстояние между которыми характеризует асимметрию.

Расстояние между соответствующими стохастическим или хаотическим центрами (согласно обычной формуле евклидова расстояния) характеризует степень различия динамики квазиаттракторов в ФП.

Межаттракторные расстояния Z_{kl} между k, l центрами хаотических КА вектора рассчитываются по формуле

$$Z_{kl} = \sqrt{\sum_i^m (x_{ic}^k - x_{ic}^l)^2},$$

где c – кластер (форма БА); m – мерный признак.

Т а б л и ц а 5

Объемы и расстояния между хаотическими центрами квазиаттракторов соответствующих кластеров

№ п/п	Форма БА (кластер)	V_G объем КА	Z_{kl} расстояние
1	БАНП непсихогенная	4,8247*E+25	$Z_{12} = 22,69$ $Z_{13} = 54,37$
2	БАПИ (психогенно-индуцированная)	4,7056*E+26	$Z_{23} = 42,99$
3	БАСП (соматопсихогенная)	4,7150*E+25	

Примечание. E+n – десятичная степень 10^n (n = 25; 26).

Хаотичность квазиаттрактора кластера больных БАПИ (табл. 5) на порядок выше ($10E+26$ vs $10E+25$), чем у других групп БА, что характеризует более неустойчивый тип организации темпорального континуума в этом кластере. Ближе всего расположены хаотические центры темпоральных квазиаттракторов групп БАНП и БАПИ.

При последовательном снижении размерности КА (удалении параметров и изменении объема КА) были определены управляющие параметры динамической системы. Ими оказались: *ретроспективное время; позитивно и негативно оцениваемое ретроспективное время*. Именно эти параметры снижают *расстояния между хаотическими центрами ФП* в наибольшей степени.

Обсуждение. В работе определяли темпоральные характеристики эмпирически выстроенной антропосистемы больных астмой (БА), основываясь на концепции вероятностного прогнозирования и антиципации Фейгенберга, Журавлева [4]; Брушлинского [5]; Ломова [6]; антиципационной концепции неврозогенеза Менделевича [7], с применением биопсихосоциального подхода, использующегося в междисциплинарных исследованиях [8].

Темпоральность предполагает, что время характеризуется не только физическим, но и историческим, смысловым содержанием. Эта координата имеет существенное значение в пространстве жизнедеятельности и включается в психологическую подсистему антропосистемы.

Важнейшей характеристикой динамической системы является свойство открытость–закрытость. Оно отражает нелинейный характер

динамики самоорганизующейся системы. В темпоральном «пространстве» человека признаком открытости системы обладают характеристики прежде всего смысла временных событий.

Феномен меньшей «открытости» системы в исследовании представлен данными о наибольшем времени ретроспекции (ВР), характерном для больных психогенно-индуцированной астмой.

Кроме того, фазовый анализ темпоральных свойств ЖС показал, что управляющими параметрами динамической самоорганизующейся системы являются ретроспективное время, а также позитивно и негативно оцениваемое ретроспективное время.

Прошлое время является своеобразным «входом» в систему, но оно же является и элементом обратной связи (важнейший аспект функционирования динамической системы) со стороны «будущего». Это близко к идее транспективного анализа, где историческое время предполагает влияние поливариативного будущего в моновариативное прошлое [1].

Таким образом, с помощью метода фазовых пространств были выявлены свойства времени ЖС, которые играют существенную роль в формировании текущего тревожного состояния у больных психогенными формами БА.

Литература

1. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–336.
2. Филатов М.А. Метод фазовых пространств в моделировании психофизиологических функций учащихся и студентов Югры / под ред. В.М. Еськова. Самара : ООО «Офорт», 2010. 157 с.
3. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций : учеб. пособие. М. : Российское педагогическое агентство, 1998. 263 с.
4. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И.М. Фейгенберга, Г.Е. Журавлева. М., 1977. 392 с.
5. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М. : Мысль, 1979. 230 с.
6. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М. : Наука, 1980. 280 с.
7. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза // Психологический журнал. 1996. № 4. С. 107–114.
8. Семке А.В., Ветлугина Т.П., Иванова С.А., Рахмазова Л.Д., Корнетова Е.Г., Федоренко О.Ю., Лобачева О.А. Биологические и клиничко-социальные механизмы развития эндогенных психических заболеваний // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 4. С. 19–23.

ЯЗЫКОВ Константин Геннадьевич, доктор медицинских наук, профессор кафедры клинической психологии и психотерапии Сибирского государственного медицинского университета, проф. кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: yazk@mail.ru

НЕМЕРОВ Евгений Владимирович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры физической культуры и здоровья Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).

E-mail: nemerevg@mail.ru

КОРНЕТОВ Александр Николаевич, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой клинической психологии и психотерапии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).

E-mail: kornetov@mail.tomsknet.ru

КАРАВАЕВА Елена Вениаминовна, старший преподаватель кафедры клинической психологии и психотерапии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).

E-mail: karavaev38@mail.ru

ПРЯДУХИНА Наталья Ивановна, старший преподаватель кафедры клинической психологии и психотерапии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск)

E-mail: nata_p@sibmail.com

ИВАНОВА Алла Алимamedовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии Сибирского государственного медицинского университета. (г. Томск).

E-mail: ivanova_nezd@mail.ru

ЛУКАШЕВА Виктория Вячеславовна, ассистент кафедры клинической психологии и психотерапии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).

E-mail: lukasovavv@mail.ru

НОВИКОВА Анастасия Сергеевна, заведующая лабораторией кафедры клинической психологии и психотерапии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).

E-mail: anastasia_and_ko@mail.ru

THE TEMPORAL PHASIC SPACE OF LIFE EVENTS OF PATIENTS WITH PSYCHOGENIC ASTHMA

Yazykov Konstantin G., Nemerov Evgeny V., Kornetov Alexandr N., Karavaeva Elena V., Pryaduhina Natalya I., Ivanova Alla A., Lukashova Victorya V., Novikova Anastasiya S. Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: yazk@mail.ru; nemerevg@mail.ru; kornetov@mail.tomsknet.ru;

karavaev38@mail.ru; nata_p@sibmail.com; ivanova_nezd@mail.ru;

lukasovavv@mail.ru;anastasia_and_ko@mail.ru

Keywords: psychogenic bronchial asthma; life events; temporal analysis; phasic space quasi-attractor.

Abstract

This study develops a synergistic approach in psychology. In this direction we have obtained new data that cannot be detected by statistical methods. The paper presents an empirical analysis of temporal events.

Temporality is seen as the extension of time. This concept defines the time interval in which exhaustive specificity of an object can be revealed.

According to the terms of anthropological psychology the man is represented as an open, extended to the world of multidimensional psychological system in the space-time organization. The subjective reality is present in this system. The multidimensional structure of this system includes both physical time and semantic coordinate ("topochronos").

This allows the "space" to be considered both as physical and semantic. It is assumed that the "time" vectors are arranged in an orthogonal hyperspace. "Openness" of a psychological system is defined as the phase space volume of time vectors. This space has both the statistical (stochastic) center and the center of a chaotic dynamical system.

The solution of such problems is also caused by a practical need for further development of clinical and psychological typology of diseases, which takes into account individual psychological characteristics of patients within the framework of an integrative system and higher anthropological approach.

In terms of "openness" we consider the temporal characteristics of the "past-present-future" continuum and its eventfulness.

The time of retrospection and anticipation, as well as the quality of retrospective and anticipative events in individuals with various forms of bronchial asthma (BA) is determined.

In the first problem "openness" of the system, its temporal, frequency and cognitive-emotional evaluation of event retrospection and anticipation were analyzed. Openness of psychological system of BA patients was different from healthy individuals. The degree of distance in time varied depending on the form of asthma and participation of psychological factors in pathogenesis.

ANOVA showed a difference in retrospection time in BA patients ($F = 4.82$ $p = 0.009$). The longest retrospection time was found in patients with psychogenic asthma.

The average time of anticipation of events was significantly different in various groups of patients. Most distant future was noticed in patients with atopic asthma (BA1) (3.02 ± 1.98) and the least distant was in patients with psychogenic asthma (BA3) (0.51 ± 1.40).

Patients with atopic asthma showed the highest positive assessment of the future, while those with psychogenic asthma gave the lowest positive assessment. The negative evaluation of future events varied depending on the form of BA ($F = 3.25$ $p = 0.04$).

Events were classified by the degree of personal reaction and type of events. The frequency of "highly important" future developments is most pronounced in patients with BA1 (2.73 ± 1.5), BA2 (somatic-psychogenic asthma) (1.37 ± 1.56) as compared to BA3 (0.59 ± 0.91) ($F = 45.53$ $p = 0.000$; the Scheffe method with $p < 0.001$).

The second task considered the assessment of phase spaces of temporal structures of life events in patients with asthma.

Chaosity of quasi-attractor of BA3 patients cluster was much higher ($10E +26$ vs. $10E +25$), than in other BA groups. This suggests a more unstable dynamic type of organization of the temporal continuum. The chaotic centers of temporal quasi-attractors in BA1 and BA3 groups were the closest.

The subsequent withdrawal of parameters and the change in quasi-attractors volume reduce the dimension of quasi-attractors. In such a way the controlling parameters of the dynamic system have been defined. The controlling parameters are retrospective time, and positive and negative assessment of retrospective time. They considerably reduce the distance between the chaotic centers in the phase space.

References

1. Klochko V.E., Luk'ianov O.V. Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. 333-336.
2. Filatov M.A. *Metod fazovyh prostranstv v modelirovanii psihofiziologicheskikh funktsiy uchtatschihsya I studentov Yugry* [The method of phase space in the simulation of psychophysiological functions of pupils and students of Ugra]. Samara: OOO Ofort Publ., 2010. 157 p.
3. Burlachuk L.F., Korzhova E.Yu. *Psihologiya zhiznennyh situatsiy* [Psychology of life situations]. Moscow: Rossiyskoe pedagogicheskoe agentstvo Publ., 1998. 263 p.
4. Feygenberg I.M., Zhuravlev G.E. (eds.) *Veroyatnostnoe prognozirovaniye v deyatel'nosti cheloveka* [Probabilistic forecasting in human activity]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 392 p.
5. Brushlinskiy A.V. *Myshlenie i prognozirovaniye* [Thinking and forecasting]. Moscow: Mysl' Publ., 1979. 230 p.
6. Lomov B.F., Surkov E.N. *Antitsipatsiya v strukture deyatel'nosti* [Anticipation in the structure of activity]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 280 p.
7. Mendelevich V.D. Antitsipatsionnye mekhanizmy nevrozogeneza [Anticipation mechanisms of neurogenesis]. *Psihologicheskii zhurnal*, 1996, no.4, pp. 107-114.
8. Semke A.V., Vetlugina T.P., Ivanova S.A., Rakhmazova L.D., Kornetova E.G., Fedorenko O.Yu., Lobacheva O.A. Biological and clinical-social mechanisms of endogenous mental diseases development. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Gerald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2011, no. 4, pp. 19-23. (In Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.955.1

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОШИБКА ДИСКУССИЙ О ТОЛЕРАНТНОСТИ

В.В. Летуновский¹, О.В. Лукьянов²

¹ Школа корпоративного тренинга (Москва, Россия)

² Томский государственный университет (Томск, Россия)

Аннотация. Представлены результаты этнометодологического исследования проблем формирования гендерной идентичности в современном мире. Показано, что в дискуссиях о толерантности необходимо различать тенденции нормирования отклонений (легализации) и тенденции их идентификации (понимания). Авторы предлагают отказаться от дискуссий о придании девиациям статуса социальной нормы и вместо этого более точно и основательно описывать специфику отклонений. Отклонения реальны и в определенных границах допустимы, полноценное понимание структуры отклонений и есть подлинная толерантность и принятие реальности.

Ключевые слова: сексуальная ориентация; идентичность; терапия; девиация; норма.

Преамбула

В современном обществе все большее значение имеют процессы информационной войны, так называемой войны за умы или за души. Этот процесс состоит в создании определенного образа, который «загораживает» реальность и психологически детерминирует сознание и самосознание людей. Определенные социальные элиты, часто не явно идентифицированные, посредством каналов массовой информации направляют процессы социального индексирования, формирования фоновых ожиданий, образования речевых конструктов в сторону разрушения традиций и социальных институтов. Одной из самых напряженных областей информационной, или еще можно сказать психологической, войны сейчас является сфера самоидентификации. Практики самоидентичности в современном обществе становятся все более проблематичными. Важным аспектом «болезненности» практик самоидентичности являются диффузность, растворенность, неопределенность базовых оснований и подмена ясности оснований силой ожиданий. Гендерная самоидентичность всегда являлась психологически достаточно напряженным вопросом даже для культур традиционных, когда процесс гендерной идентификации был институализирован. Но сего-

дня эти трудности осложняются факторами разрушения культурных институтов и увеличением напряжения неопределенности оснований. Это вынуждает людей импульсивно и массово реагировать на неопределенность, часто слишком радикально причислять себя к искусственно выделившимся социальным группам или субкультурам. В целом возникает плохо контролируемый процесс самоуничтожения целостности жизни. В данном исследовании мы рассматриваем эту современную проблему в аспекте процессов гендерной самоидентичности.

Коротко о позиции авторов по отношению к основным феноменам, которые изучаются в данной статье.

Гомосексуализм – норма или отклонение? Отклонение. Как и любой «изм», «-сексуализм» есть отклонение от нормы, поскольку выделяет одно свойство из всей целостности жизни, как правило, одно из человеческих влечений, и придает ему статус ведущего критерия и даже основания жизни. В онтогенезе отдельного человека и развитии всего человечества могут появляться различные влечения. Гетеросексуальные влечения могут быть также не нормальны, принимать формы насилия и растления. В некоторых границах можно психологически понять и допустить влечения и гомосексуальные, и неожиданно-оригинальные и пр. В отношении жизненного пути конкретного человека «отклоняющаяся» гендерная идентификация может быть и разрушающей, и восстанавливающей его человечность. Это зависит от возрастных, культурных, физиологических, ситуативных и других факторов. В психотерапии хорошо известно, что, например, такое нарушение идентичности, как нарциссизм, для психотерапевта на некоторое время может быть периодом профессионального роста и восстановления. Для «пациента» нарциссизм может быть «убивающей» его склонностью. Казимеж Обуховский отмечал, что любая форма удовлетворения сексуального влечения может стать патологической. Мы считаем, что дискуссия о риске гендерной идентичности должна осуществляться с целью экспликации экзистенциальных оснований, а не борьбы за достижение интересов (ожиданий и целей) отдельных социальных групп.

Опасны ли однополые браки? Как и разнополые. Опасны и однополые, и разнополые браки. (Брак в принципе «чреват» новой жизнью, это всегда рискованный проект.) Опасна дискуссия о легализации однополых браков, поскольку она изменяет масштаб практики самоидентичности от вопроса межличностных отношений к вопросу об основаниях отношений человека с миром. Каким будет конкретный брак, т.е. союз между супругами (партнерами), это вопрос их личных предпочтений и личной ответственности. А каков будет институт легализации брака – это вопрос политический и культурный. Необходимо избегать спекулятивного манипулирования этими различными уровнями организации жизни.

Границы толерантности. Мы считаем, что принятие действительности, толерантность к инаковости, принятие многообразия есть важнейшее измерение современного мира. Но толерантность не означает придание отклонению статуса нормы. Наоборот, подлинная толерантность означает понимание и описание специфики отклонения, ответственное отношение к потребностям, связанным с отклонением, и локализацию атрибутов этого отклонения по отношению к нормам и другим отклонениям. Дискуссия о «легализации» форм удовлетворения отклоняющихся влечений – это не проявление толерантности, а ее противоположность, воинствующее разрушение оснований целостности и совместности жизненного мира.

Цель данного исследования: описать опасности современной дискуссии о гомосексуализме и однополых браках для практик самоидентичности. Мы надеемся достигать этой цели в русле этнометодологического подхода (Г. Гарфинкель) – метода, направленного на изучение процессов социального индексирования, формирования фоновых ожиданий, образования речевых конструкторов. В качестве материалов исследования мы используем документы, высказывания, события, выражающие смыслы тенденции дискуссий о гендерной идентичности.

Психологический смысл легализации однополых браков

В некоторые периоды на территории проживания определенных народов существовали законы, сурово осуждающие за то, что сегодня в нашей культуре не рассматривается как преступление. Например, супружеская измена каралась смертью. В нашей культуре сама по себе супружеская измена не карается государством, можно сказать, что свобода в реализации сексуальных влечений людей, состоящих в браке, легализована. Но эта «сексуальная революция» не отменила опасность измены для благополучия людей, связанных брачным договором. Просто теперь это вопрос персональной ответственности. Можно привести множество примеров либерализации различных прав, как и множество примеров трагического притеснения в правах. Но во всех этих исторических случаях в конечном итоге все опирается на изменение уровня и формы ответственности, а не на отмену и изменение жизненных оснований. Измена по своему смыслу осталась изменой. Психологический смысл законов о легализации гомосексуальных браков, как это ни странно, не отражает собственно психологии гомосексуализма. Его смысл лежит в сфере ответственности за изменение социальных норм.

29 марта 2014 г. в Англии и Уэльсе вступил в силу закон о легализации однополых браков. 11 апреля 2014 г. этот же закон вступил в силу в Италии. Чуть ранее в Австралии был официально утвержден 3-й средний пол. До этого подобные законы уже были приняты в большинстве штатов США и в ряде стран Европейского союза. Согласно

источникам [1–6] в законодательных учреждениях Германии и Норвегии уже всерьез ведется обсуждение легализации инцеста и педофилии. Во Франции сегодня, в том числе и благодаря принятию этого закона, растут протестные настроения и снижается авторитет действующего правительства. Однако если речь идет об идентичности, принятие закона на уровне государства совсем не означает принятие новой психологической нормы. Люди с гомосексуальной ориентацией останутся гомосексуалистами. Что же происходит нового в связи с этими законами?

Что означает легализация гомосексуальных браков? Значит ли это, что теперь можно шутить по поводу гомосексуалистов, снимать фильмы, читать и писать о них книги, без опасения разговаривать с ними и пожимать им руки? Значит ли это, что теперь нельзя устраивать гонения на гомосексуалистов и причинять им вред только за то, что они своеобразно сексуально ориентированы? Нет. Этот закон совсем про другое. Легализация означает, что теперь общество должно принимать во внимание не конкретного человека с его особенностями и предпочтениями, а некий признак, возвышающийся над людьми с их особенностями. Теперь с человека можно требовать соотношения себя с этим признаком. Это – не освобождение человека, а дополнительное измерение насилия и дискриминации. Сегодня формы демонстрации и предъявления своей идентичности уже не имеют прямого отношения к сексуальности и человеку, они направлены на институты, на борьбу институтов.

Технология трансформации культурных институтов – подмена оснований ожиданиями

В 1990 г. американский политолог Джозеф Овертон предложил технологию трансформации культурных институтов. Весь процесс преобразования немыслимого и неприемлемого в легальное и защищенное законом состоит из 5 простых шагов: немыслимо, радикально, приемлемо, разумно, популярно. На примере дискуссий о легализации гомосексуальных браков и сексуальных ориентаций мы можем наблюдать реализацию этой технологии.

От немыслимого к радикальному. В 2011 г. группа так называемых ЛГБТ христиан опубликовала в СМИ манифест о любви к мальчику с требованием легализовать педофилию. Организация объявила о проведении в Санкт-Петербурге форума для обсуждения проблемы. Заметим, что не имеет принципиального значения, существовала ли такая любовь к мальчику и что она собой представляла в действительности. Это могла быть чистой воды фантазия или определенная интерпретация, литературный образ или нереализованная мечта. Но психологическим фактом является то, что такая возможность живет в сердцах и головах людей, поэтому нет смысла отрицать этот факт, даже

фантастический. В качестве личного опыта имеет место любовь к мальчику. Но требование легализовать ее и публикация манифеста задают импульс дискуссии о том, чем считать неконтролируемое удовлетворение такого влечения. На манифест так или иначе приходится отвечать. Чем отвечает современное общество? Высказыванием мнений, реакциями на эти высказывания. Из императива и ответа возникает «радикал», требующий обсуждения и решения.

От радикального до приемлемого. Этот шаг требует искажения нормального понятия и расширения его значения за границы жизненного смысла, т.е. за границы экзистенциального основания. Например, термин «брак» расширяется (в психологическом и культурном смысле сужается, редуцируется) до совокупления любых двух людей, не важно, какого они пола, возраста, на чем это совокупление основывается и к чему оно направлено. Очевидна подмена смысла: в культурном отношении брак – это как раз регуляция определенных одобряемых обществом отношений. Возможны ли отклонения от одобряемых отношений? Да. Возможны. И толерантность общества позволяет понимать и принимать отклонения от желаемых форм. Собственно мера принятия и понимания и есть мера толерантности. Но в поле дискуссий о легализации расширение значений понятия «брак» разжигает дискуссию и увеличивает поток различных реакций, в том числе протестных. Ведь получается, что теперь различные формы брака желаемы для различных людей. Общих оснований и смыслов теперь нет. В этом психологическом бульоне новообразованный радикал утверждает свое существование. В данном случае «любовь к мальчику» – не просто частный случай и влечение, а образ жизни, надежда и символ лучшего существования [7].

От приемлемого к разумному. На этом этапе ряд экзистенциальных оснований, т.е. базовых дилемм личности, превращается в ряд абсолютных ценностей существования общества. Например, утверждается, что нет ничего более разумного, чем следовать своим желаниям и защитить свои права и свободы. Очевидно, что такая демагогия построена на игнорировании вопроса границ своего и чужого. Следовать ли своим желаниям и влечениям – это каждый раз вопрос конкретному человеку, поскольку за все следования предстоит и расплачиваться, легализованы они или нет. Психотехнически для доказательства «разумности» новых законов на этом этапе необходимо частое употребление слов «свобода», «демократия», «права человека», в ситуациях, когда реальным основанием является совсем другое, например ответственность, необратимость, устойчивость. Демократия существует до того, как делается выбор. После того как выбор сделан, автократия неизбежна. Примеры демагогических форм этого этапа: «легализация гомосексуализма – это право на свободное выражение своих чувств и предпочтений», «в демократическом государстве все, а не только гете-

росексуалы, должны иметь равные права», «нельзя лишать прав гомосексуалистов из-за их нестандартной ориентации» и т.д. Создаются инициативные группы по защите прав ущемленных меньшинств [8]. Очевидно, что речь идет не о равных, а как раз о специфических правах, но информационные формы таковы, что эти смыслы уже не контролируются.

От разумного до популярного. Этот шаг требует просто широко-го освещения проблемы в СМИ, по сегодняшним временам – проплачивания специально занимающихся информационным контентом людей. Появляются разного рода ток-шоу с популярными политиками на заданную тему. На теле- и киноэкраны выходят фильмы, где популярные артисты играют «хороших» гомосексуалистов и лесбиянок. В этом году подобные программы стартовали и на популярном детском канале «Дисней». Приводятся примеры несчастных, чьи права нарушаются (например, Николай Алексеев) [9, 10].

Для специальных влечений должны быть специальные места и средства. Так, в некоторых странах обнажаться на пляже считается преступлением. Поэтому для иностранных туристов, не принадлежащих этой культуре, отводят специальные зоны, но нет дискуссий. На некоторых пляжах Европы граница между нудистскими пляжами и обычными не определяется никакими специальными средствами, заборов нет. Люди обнаруживают и обозначают границу сами и опять же дискуссий не ведут. Организованная возможность для реализации нормального или отклоняющегося поведения и дискуссия за легализацию норм – это разные социальные процессы. Надо понимать, что во втором случае смысл совсем не в предмете личной ответственности, а в лоббировании интересов социальных меньшинств.

От популярного до политики. Психологический эффект от предыдущих четырех шагов состоит в том, что люди, прочно связавшие свои представления о человеческих ценностях с навязанной им проблематикой, требуют от политиков легализации ранее невысказанного. К этому времени формируется новый социально-психологический тренд борьбы за ожидаемые свободы и блага, и продвинутый предыдущими шагами предмет становится символом этой борьбы. Так, в комментариях пользователей российских социальных сетей борьбу за права гомосексуалистов называют «европейскими ценностями», с юмором, конечно, но определенное сращивание смыслов уже произошло. Под давлением общественности власти принимают соответствующие законы. На основании законов возникают прецеденты, делающие изменения в социальном сознании необратимыми. В прошлом году, например, в Германии ювенальная полиция осуществила ряд насильственных передач детей на воспитание из нормальных семей в однополые. А совсем недавно гонениям (вплоть до увольнения с работы) подвергся главный исполнительный директор и один из основате-

лей корпорации «Mozilla Corporation», автор сценарного языка JavaScript, Айк Брендан. Вся его вина заключалась в том, что в 2008 г. он пожертвовал порядка тысячи долларов кампании «California Proposition 8», участники которой протестовали против легализации гей-браков в штате Калифорния (California). Обратим внимание, что аналогичные действия могут происходить и в отношении людей, придерживающихся противоположного мнения. Важно понимать, что в этих случаях признак становится выше индивидуальности человека [11].

Для успешного осуществления программ по дискриминации их разработчики используют факт, что люди, которые считают определенного рода явления невыносимыми, просто избегают всего, что с этим связано. После легализации однополых браков во Франции на улицы вышли миллионы протестующих, но эти протесты не имели резонанса. Теперь тем, кто против легализации однополых браков, нужно предпринять аналогичные усилия по разрушению вновь образованного культурного института. Так «запускается» мертвая петля разрушения и «изменения», препятствующая развитию и извращающая социальный и человеческий потенциал.

Еще в 1975 г. Американская психологическая ассоциация (АПА) под давлением ЛГБТ лобби взяла на себя инициативу подготовить почву для легализации однополых браков. Интересно отметить, что при этом около 70% экспертов высказались против того, чтобы считать гомосексуализм нормой.

В связи с попытками депатологизировать гомосексуализм известный российский судебный сексолог проф. А.А. Ткаченко отметил, что решение АПА по данной проблеме «было инспирировано давлением воинствующего гомофильного движения», и «выработанное в этих, экстремальных по сути, условиях, определение (кстати, в значительной степени воспроизведенное в МКБ-10) отчасти противоречит принципам медицинской диагностики в целом уже хотя бы потому, что исключает из разряда психических страданий случаи, сопровождающиеся анозогнозией» [12. С. 354–355].

В начале 2000-х гг. ЛГБТ активисты АПА добились в конечном итоге исключения гомосексуальности из списка патологий Всемирной психиатрической ассоциации (МКБ-10). Интересно отметить в этой связи сведения, приводимые Э. Мерсер в журнале «Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева» [13]. Автор сообщает, что результаты международного опроса, проведенного ее отделом среди психиатров об их отношении к гомосексуализму, показали, что подавляющее большинство из них рассматривает гомосексуализм как девиантное поведение, хотя он и был исключен из списка психических расстройств.

В 2008 г. на сайте АПА появился официальный документ «Answers to your questions: For better understanding of sexual orientation

and homosexuality», ссылающийся на некие мифические исследования (без ссылок на конкретные источники) и признающий полное равноправие однополых браков с разнополыми. После этого в США практически сразу легализовали однополые браки в армии, и далее быстрыми темпами стала проводиться легализация однополых браков на уровне государства; параллельные процессы начались и в Европе.

Рассмотрим указанный выше документ подробнее. Уже в самом начале его текста проводится попытка разграничить сексуальную ориентацию и пол человека: *«Сексуальная ориентация отличается от других компонентов пола и гендера, в том числе от биологического пола (анатомических, физиологических и генетических характеристик, связанных с принадлежностью к мужскому или женскому полу), гендерной идентичности (психологического чувства принадлежности к мужскому или женскому полу) и социальной гендерной роли (культурных норм, которые определяют женское и мужское поведение)»*. Совершенно очевидно, что сексуальная ориентация связана с полом и гендером, и полное их разделение – это насилие над реальностью. Разумное рассмотрение сложности половой и гендерной идентификации должно быть связано с целостностью человека, а не разделением его на независимые аспекты и атрибуты.

Далее создатели данного документа совершенно справедливо указывают на тот факт, что формирование сексуальной ориентации у человека происходит в подростковом возрасте в соответствии со своей референтной группой: *«сексуальная ориентация не является только лишь личным качеством, присущим конкретному человеку. Скорее, человек определяет свою сексуальную ориентацию в соответствии с той группой людей, в которой он может найти полноценные отношения, удовлетворяющие его, и это является важным компонентом личной идентичности для многих людей»*. Однако выводы из этого положения делаются абсолютно неприемлемые для любого здорового общества. Они призывают представителей сексуальных меньшинств к «камингауту» (coming out). Речь идет о том, чтобы выйти и открыто заявить о себе как гомосексуалисте или лесбиянке. Почему открытость в данном случае понимается не по отношению к своей жизни, а на пользу социальной группы? В период формирования гендерной идентичности человек должен не только присоединяться к социальному сообществу, но и индивидуализироваться. Мы считаем, что требование «открытого» заявления как о гетеросексуальности, так и о гомосексуальности может быть психологически травматичным, не менее травматичным, чем переживание кризисов идентичности во всех интимных, скрывааемых стыдом взаимодействиях. Опыт современной психологии и психотерапии это подтверждает. Кроме того, способы, формы и время заявления о своей идентичности – отдельный вопрос, тесно связанный с культурой. Последствия наивного камингаута мы можем наблю-

дать сейчас в Западной Европе, где активно формируются ЛГБТ школы и детские сады, в которых детям рассказывают сказки о том, как принц влюбился в принца. Очевидно, что в этом случае происходит разрушение культуры, эксплуатация культурных произведений. Экзистенциальных оснований, которые всегда утверждались в культурных произведениях, в этих случаях нет либо они отступают на второй план, упрощаются до элементарных стереотипов. И человек, соотнося себя с миром, не может установить аутентичную дистанцию, т.е. понять, насколько его собственные переживания отличны или идентичны культурным стереотипам.

Авторы заявления АПА описывают процессы стигматизации геев и лесбиянок, вызванные тем фактом, который они, кстати, сами же и подтверждают, что СПИД в наибольшей степени распространен среди гомосексуалистов. Естественно, они призывают против подобного рода стигматизации бороться под предлогом, что это наносит вред психическому здоровью геев и лесбиянок. Конечно, подобного рода стигматизация для ЛГБТ сообщества крайне неприятна. Однако этой стигматизации не один год. На протяжении нескольких тысяч лет она существовала в той или иной форме во всех уголках земного шара. И возникла она не просто так, основная цель этой стигматизации была, впрочем, и остается предельно простой – защитить индивидуумов от риска гибели. Стигматизация геев и лесбиянок во все времена, во-первых, способствовала естественному традиционному выбору сексуальной ориентации среди подростков, во-вторых, возвращению самих геев и лесбиянок к традиционной ориентации, поскольку их образ жизни был опасен. Этот общественный тренд кому-то помогал, кому-то нет, но его ясность позволяла индивидуально идентифицироваться, а не подчиняться социальному признаку. Кроме того, борьба со стигматизацией не должна вестись в форме ее отмены или игнорирования, а напротив, стигматизация исчезает по мере более полного понимания смысла, лежащего за внешними проявлениями, в том числе психологическими.

Стигамтизированные индивиды должны иметь возможность реабилитации, восстановления и по возможности творческого. Стигматизацию нельзя отменить, запретив стигматизировать. Основатель этнометодологии Г. Гарфинкель в своем известном исследовании случая Агнесс представил достаточно подробную картину того, как человек трансформирует свою гендерную идентичность [14]. Агнесс имела мужские вторичные половые признаки, воспитывалась как мальчик, но с молодости жила как женщина, имела эротические отношения с женщиной, пережила успешную операцию по изменению пола. При всей психологической успешности этого персонального проекта Агнесс на заключительной встрече сказала Гарфинкелю, что сделанное природой нельзя окончательно поправить человеческими усилиями. Со сделанным природой надо жить, и это персональная ответственность человека.

Далее в «Answers to your questions: For better understanding of sexual orientation and homosexuality» утверждается, что ЛГБТ ориентация не является психическим расстройством. Однако на самом деле никто с полной уверенностью этого утверждать не может, этиология гомосексуализма многообразна, в том числе встречаются отклонения и психического, и психотического характера. И далее следует тезис, который стал опорой ЛГБТ сообщества во всем мире: *«Лесбийские, гомосексуальные и бисексуальные отношения – это нормальные формы человеческих связей».*

Этот тезис отражает только цели и ожидания лидеров ЛГБТ сообщества. При более ответственном взгляде как минимум следует признать, что гомосексуальные и бисексуальные отношения – это не менее опасные, рискованные формы человеческих связей, чем гетеросексуальные (не случайно же в истории возникали и развивались институты регуляции гетеросексуальных отношений). И пока ничто не отменило положение о том, что *лесбийские, гомосексуальные и бисексуальные отношения – это формы девиантного поведения, этиология которого кроется чаще всего либо в гормональных нарушениях, либо в нарушениях психического развития ребенка и естественных процессов социализации.* У нас могут быть основания для сомнений в этом положении, но нет оснований для его отвержения.

Как по гормональным нарушениям, так и по нарушениям психического развития, способствующим выбору нетрадиционной ориентации, уже накоплена достаточно большая база научных данных, позволяющая вполне убедительно говорить о том, что ЛГБТ отношения нормой не являются. Об этом, кстати, говорят сами американцы, в частности президент Американской национальной ассоциации по исследованию и терапии гомосексуальности Джозеф Николоси [15]. Работы Николоси интересны не только обширнейшей библиографией научных источников, но еще и тем, что он разработал достаточно эффективную методологию конверсионной терапии гомосексуальности и набрал внушительную статистику случаев исцеления, т.е. возвращения к нормальной, естественной сексуальной ориентации.

Данные первого специально запланированного широкомасштабного исследования эффективности конверсионной терапии [16] были опубликованы в 2000 г. (882 чел., средний возраст 38 лет, 96% лиц, для которых очень важны были религия или духовность, 78% – мужчины, средняя продолжительность лечения около 3,5 года). В результате указанной терапии 45% тех, кто считал себя исключительно гомосексуалом, изменили свою сексуальную ориентацию на полностью гетеросексуальную или же стали больше гетеросексуалами, чем гомосексуалами [16].

Мнения о том, что гомосексуальные отношения невозможно считать нормой, придерживаются и видные отечественные психологи, психиатры и сексологи: Г.С. Кочарян [17], В.В. Кришталь [18],

Г.С. Васильченко [19], А.М. Свядош [20], С.С. Либих [21], С.Р. Григорян [18], А.А. Ткаченко [22], Я.Г. Голанд [23], Ю.С. Савенко [24] и др. Г.С. Кочарян по этому поводу пишет, что высказывания типа «гомосексуализм имеет право на существование», которые следует считать справедливыми, не доказывают того, что он может и должен быть причислен к норме. Аналогичные высказывания могут быть сделаны и в отношении любой другой существующей патологии, так как она, как и гомосексуализм, имеет место у определенного процента лиц вне зависимости от того, хотим мы этого или нет [17].

Подобным образом о факте исключения гомосексуальности из перечня патологий Всемирной психиатрической ассоциации высказался и президент Независимой психиатрической ассоциации России Ю.С. Савенко: «Мы усматриваем здесь извращение представления как о науке, так и о правах человека. Для нас это смешение совершенно различных аспектов (научного и социологизированно-прагматичного) и лоббирование интересов одной группы за счет других. Ведь большинство расстройств сексуальных предпочтений (фетишизм, эксгибиционизм, вуайеризм) «ничем не хуже» [25].

Следует также отметить, что непризнание гомосексуализма в качестве сексуальной нормы отражено и в клиническом руководстве «Модели диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств» под редакцией В.Н. Краснова и И.Я. Гуровича [26], которое было утверждено 6 августа 1999 г. приказом № 311 Министерства здравоохранения РФ [27]. В разделе данного руководства, посвященном расстройствам сексуального предпочтения, среди одного из критериев сексуальной нормы называют гетеросексуальность, что отражает позицию Федерального научно-методического центра медицинской сексологии и сексопатологии. В книге известного российского дивантолога Я.И. Глинского (2004 г.) [28] гомосексуализм рассматривается и описывается как девиация.

С точки зрения элементарной статистики применение термина «норма» к гомосексуализму является спекуляцией. По данным многопланового исследования сексуального поведения в США (S.S. Janus, C.L. Janus [29]), согласно проведенному в рамках этого исследования опросу гомосексуалами среди 1333 опрошенных мужчин считали себя 4% лиц, а среди 1411 опрошенных женщин – 2%. Очевидно, что статистически гомосексуальная идентичность – отклонение. Но это не значит, что данный феномен следует игнорировать. Как в свете философии толерантности, так и в свете научной этики статистические отклонения и артефакты следует изучать, уточняя специфические свойства отклоняющихся явлений.

В отечественной сексологии накоплен достаточно большой опыт успешного лечения гомосексуализма. В качестве примера можно привести работы известного нижегородского сексолога Я.Г. Голанда, раз-

работавшего методикой ступенчатой психотерапии сексуальных перверсий. Голанд утверждает, что его метод успешен, а случаи провала терапии единичны. За всё время работы случилось лишь три рецидива, и их причина – преждевременное прерывание лечения самим пациентом [23]. Об эффективности терапии гомосексуализма свидетельствуют также работы Г.С. Васильченко, Р.Н. Валиуллина [19], А.М. Свядоца [20], В.И. Здравомыслова, З.Е. Анисимовой, С.С. Либиha [30] и многих других отечественных и зарубежных авторов.

Заключение

В современных дискуссиях о толерантности вообще и в отношении сексуальной идентичности в частности имеет место фундаментальная ошибка: толерантность преподносится как необходимость социальной легализации девиаций. Подлинная толерантность состоит в понимании и уточнении специфических черт и свойств людей, отличающихся или считающих себя отличными от большинства.

В современном обществе принципиальным аспектом всех социальных процессов и изменений является личная ответственность. Манипуляции с личной ответственностью, в частности, подмена вопросов, обращенных персонально к человеку, на обобщенные идеологемы являются современными технологиями влияния на общественные институты. Следует критически относиться не только к содержанию и предметам социальных дискуссий, но прежде всего внимательно идентифицировать основания и тенденции подмены оснований психологическими ожиданиями. В этом отношении дискуссии о признании определенных видов сексуальных ориентаций и влечений нормой следует воспринимать как социально-психологическую манипуляцию (запрещающие законы следует рассматривать как часть этой дискуссии). Предметные дискуссии должны вестись на согласованных основаниях, отвечающих уровням современных рисков и неопределенности.

Литература

1. Орлова П. После легализации инцеста на очереди – прочие извращения // сайт «Галицкий Ястреб». 2013. URL: http://galickij-jastreb.io.ua/s480069/posle_legalizacii_incesta_na_ocheredi_prochie_izvrashcheniya (дата обращения: 30.06.2014).
2. *Новости Politicon*: форум. В Германии легализовали педофилию! (Germany and EU to Legalize Pedophilia and with it, Child Pornography as well!) // Европейские новости. 2010. URL: <http://politicon1.at.ua/forum/13-260-1> (дата обращения: 30.06.2014).
3. *Ради мира – ради міра*: форум // Растление и разврат в Европе. 2013. URL: <http://www.radimir.net/forum/44-590-1> (дата обращения: 30.06.2014).
4. В Западной Европе широко обсуждается легализация инцеста // Файл-РФ: ежедневная электронная газета. 2010. URL: <http://file-rf.ru/news/13808> (дата обращения: 30.06.2014).

5. Германия и ЕС легализуют педофилию и детское порно! // Newsland. 2010. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/515843/> (дата обращения: 30.06.2014).
6. Малишевский Н. США легализуют инцест, некрофилию, зоофилию и педофилию! // Новости содружества независимых государств. 2013. URL: <http://www.cisnews.org/world/america/6610-ssha-legalizuet-incest-nekrofiliju-zoofiliyu-i-pedofiliyu.html> (дата обращения: 30.06.2014).
7. Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender. Answers to Your Questions For a Better Understanding // American Psychological Association. 2014. URL: <http://www.apa.org/topics/sexuality/orientation.aspx> (дата обращения: 30.06.2014).
8. Пресс-конференция инициативной группы по защите прав сексуальных меньшинств в Украине и представителей ЛГБТ-сообщества // «Евромайдан: шанс для всех быть услышанными и отстоять свои права» / Информационное агентство УНИАН. 10.01.2014. URL: <http://press.unian.net/rus/press-6393.html> (дата обращения: 30.06.2014).
9. Лицо гей-протеста в России, или Напряженная борьба известного российского борца за права сексменьшинств // GAYRUSSIA. 2011. URL: <http://www.gayrussia.eu/world/1889/> (дата обращения: 30.06.2014).
10. Напряженная борьба известного российского борца за права секс-меньшинств [интернет-портал Baranovichy.by]: новости Беларуси // THE NEW YORK TIMES. URL: <http://baranovichy.by/belarus-news/2978-naprzazhennaja-borba-izvestnogo-rossijskogo-bortsa-za-prava-seks-menshinstv-the-new-york-times-ssha.html> (дата обращения: 30.06.2014).
11. Каган В. Знак насилия [сайт Мир Психологии]: публикации по психологии. URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/nasilie.html> (дата обращения: 30.06.2014).
12. Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. М. : Триада-Х, 1999. 461 с.
13. Мерсер Э. Терпимость: единство среди различий. Роль психиатров // Медикус.ру. Посольство медицины. 2003. URL: http://www.medicus.ru/?cont=article&art_id=2696 (дата обращения: 30.05.2014).
14. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. 335 с.: ил. (Серия «Мастера социологии»).
15. Николоси Дж., Николоси Л.Э. Предотвращение гомосексуальности. Руководство для родителей. М. : Класс, 2008. 312 с.
16. Nicolosi J. Reparative therapy of male homosexuality. A new clinical approach. Lancham, Boulder, New York, Toronto, Oxford : A Jason Aronson Book. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2004. XVIII, 355 p.
17. Кочарян Г.С. Нормализация гомосексуализма как медико-социальная проблема // Независимый психиатрический журнал. 2006. № 4.
18. Кришталь В.В., Григорян С.Р. Сексология : учеб. пособие. М. : ПЕР СЭ, 2002. 879 с.
19. Васильченко Г.С., Валиуллин Р.Н. О некоторых нюансах оказания врачебной помощи при мужском гомосексуализме // Актуальные проблемы сексологии и медицинской психологии : материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию кафедры сексологии и медицинской психологии Харьковской медицинской академии последиplomного образования. Харьков, 2002. С. 47–48.
20. Свядоц А.М. Женская сексопатология. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Медицина, 1988. 176 с.
21. Либих С.С. Сексуальное здоровье человека : руководство по сексологии / под ред. С.С. Либиха. Санкт-Петербург ; Харьков ; Минск : Питер, 2001. С. 26–41.
22. Аномальное сексуальное поведение / под ред. А.А. Ткаченко. М. : РИО ГНЦСиСП им. В.П. Сербского, 1997. 426 с.
23. Голанд Я.Г. О ступенчатом построении психотерапии при мужском гомосексуализме // Проблемы современной сексопатологии (сборник трудов). М. : Московский НИИ психиатрии, 1972. С. 473–486.

24. *Савенко Ю.С.* О предмете психиатрии // Независимый психиатрический журнал. 02.2003. URL: <http://www.npar.ru/journal/2003/2/subject.php> (дата обращения: 30.06.20014).
25. *Савенко Ю.С.* Переболеть Фуко // Журнальный зал. 2001. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/savenko.html>
26. *Модели* диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств: клиническое руководство / под ред. В.Н. Краснова, И.Я. Гуровича. М., 1999.
27. *Приказ* Минздрава России от 06.08.99 № 311 «Об утверждении клинического руководства «Модели диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств»». URL: <http://dionis.sura.com.ru/db00434.htm> (дата обращения: 30.04.2014).
28. *Глинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2004. С. 315.
29. *Janus S.S., Janus C.L.* The Janus Report on Sexual Behavior. New-York ; Chichester ; Brisbane ; Toronto ; Singapore : John Wiley & Sons, Inc., 1993. 430 p.
30. *Здравомыслов В.И., Анисимова З.Е., Либих С.С.* Функциональная женская сексопатология. Алма-Ата : Казахстан, 1985. 272 с.

ЛЕТУНОВСКИЙ Вячеслав Владимирович, кандидат психологических наук, руководитель Школы корпоративного тренинга (г. Москва), экзистенциальный терапевт.

E-mail: Letunovsky@CTSchool.ru

ЛУКЬЯНОВ Олег Валерьевич, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности Томского государственного университета.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

FUNDAMENTAL ERROR OF TOLERANCE DISCUSSIONS

Letunovsky Vyacheslav V. School of Corporate Training (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Letunovsky@CTSchool.ru

Lukyanov Oleg V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Keywords: sexual orientation; identity; therapy; deviation; norm.

Abstract

The article presents the results of the ethnomethodological study of modern trends of perversion in self-identity processes. Different examples of perversions of psychological basis and psychological subjects for ideological purposes are given. Psychological manipulation is often composed of the fact that a subject which is a personal matter of a man and is defined in the experience of self-identification and by the area of personal responsibility, is represented as an objective problem, in the form of the problem of social norms (i.e. is defined declaratively as an external, objective circumstance) and converted from a question directed to the person (the subject) into a doubt regarding behavior of other people and then into a social statement about "legalization" of certain expectations. In particular, this is true in the case of changes of information context of gender identity formation. The authors have studied the events and documents, helping us to analyze the structure of the debate on the legalization of gay marriages. Analysis of documents and social processes suggests that psychological substitute of the object (same-sex attraction) to the objective object (legitimized agreement) brings a big danger of losing existential basis and might replace them with social expectations. The authors believe that the present structure of identity risk is above all associated with a dangerous misunderstanding when the creative meaning in a man changing his life is replaced by a question: "is the already existing phenomenon normal?" That is, instead of clarity in understanding the risks related to the existing in life,

there is a debate about the possibility "to legitimate" actual existing phenomena in the form of new institutions. Homosexually oriented people are and always have been in the society. The question is not whether it is normal or not normal. It is important that to the fact of their existence and their expectations the pathos of highly importance is given. Sexual practice, if it is based on the basic foundations of human relationships is a personal business of a person or a professional issue of his doctor. Transformation of the personal affair into the necessity to revise social norms can be a dangerous process of alienation from the existential basis.

References

1. Orlova P. *Posle legalizatsii intsesta na ocheredi – prochie izvrashcheniya* [After the legalization of incest come other distortions]. Available at: http://galickij-jastrebov.io.ua/s480069/posle_legalizatsii_incesta_na_ocheredi_prochie_izvrashcheniya. (Accessed: 30th June 2014).
2. *Germany and EU to Legalize Pedophilia and with it, Child Pornography as well!* Available at: <http://politicon1.at.ua/forum/13-260-1>. (Accessed: 30th June 2014).
3. *Radi mir – radi mira Rastlenie i razvrat v Evrope* [For peace. Corruption and depravity in Europe]. Available at: <http://www.radimir.net/forum/44-590-1>. (Accessed: 30th June 2014).
4. *V Zapadnoy Evrope shiroko obsuzhdaetsya legalizatsiya intsesta* [Western Europe actively discusses the legalization of incest]. Available at: <http://file-ru.ru/news/13808>. (Accessed: 30th June 2014).
5. *Germaniya i ES legalizuyut pedofiliyu i detskoe porno!* [Germany and the EU to legalize pedophilia and child porno!]. *Newsland*, 2010. Available at: <http://newsland.com/news/detail/id/515843/>. (Accessed: 30th June 2014).
6. Malishevskiy N. *SShA legalizuyut intsest, nekrofiliju, zoofiliyu i pedofiliyu!* [The USA to legalize incest, necrophilia, bestiality and pedophilia!] Available at: <http://www.cisnews.org/world/america/6610-ssha-legalizuet-incest-nekrofiliju-zoofiliyu-i-pedofiliyu.html>. (Accessed: 30th June 2014).
7. *Lesbian, gay, bisexual, transgender. Answers to your questions for a better understanding*. American Psychological Association, 2014. Available at: <http://www.apa.org/topics/sexuality/orientation.aspx>. (Accessed: 30th June 2014).
8. *Press-conference of the initiative group to protect the rights of sex minorities in Ukraine and members of the LGBT community. Evromaydan: a chance for all to be heard and to defend their rights*. Available at: <http://press.unian.net/rus/press-6393.html>. (Accessed: 30th June 2014). (In Russian).
9. *Litso gey-protesta v Rossii, ili napryazhennaya bor'ba izvestnogo rossiyskogo bor-tsa za prava seksmen'shinstv* [The face of the gay protest in Russia, or an intense struggle of the famous Russian fighter for the rights of sexual minorities]. *GAYRUSSIA*, 2011. Available at: <http://www.gayrussia.eu/world/1889/>. (Accessed: 30th June 2014).
10. *Napryazhennaya bor'ba izvestnogo rossiyskogo bor-tsa za prava seksmen'shinstv* [An intense struggle of the famous Russian fighter for the rights of sexual]. Available at: <http://baranovichy.by/belarus-news/2978-napryazhennaya-borba-izvestnogo-rossiyskogo-bortsa-za-prava-seks-menshinstv-the-new-york-times-ssha.html>. (Accessed: 30th June 2014).
11. Kagan V. *Znak nasiliya* [The sign of violence]. Available at: <http://psychology.net.ru/articles/content/nasilie.html>. (Accessed: 30th June 2014).
12. Tkachenko A.A. *Seksual'nye izvrashcheniya – parafilii* [Sexual abuse – paraphilia]. Moscow: Triada-Kh Publ., 1999. 461 p.
13. Merser E. *Terpimost': edinstvo sredi razlichiy. Rol' psikhiatrov* [Tolerance: the unity of differences. The role of psychiatrists]. Available at: http://www.medicus.ru/?cont=article&art_id=2696. (Accessed: 30th May 2014).

14. Garfinkel G. *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in ethnomethodology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter Publ., 2007. 335 p.
15. Nikolosi J., Nikolosi L.E. *Predotvrashchenie gomoseksual'nosti. Rukovodstvo dlya roditeley* [Preventing homosexuality. A Guide for parents]. Moscow: Klass Publ., 2008. 312 p.
16. Nicolosi J. *Reparative therapy of male homosexuality. A new clinical approach*. Lancham, Boulder, New York, Toronto, Oxford: A Jason Aronson Book. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2004. XVIII, 355 p.
17. Kocharyan G.S. Normalizatsiya gomoseksualizma kak mediko-sotsial'naya problema [Normalization of homosexuality as a medical and social problem]. *Nezavisimyy psikhiatricheskij zhurnal*, 2006, no. 4.
18. Krishtal' V.V., Grigoryan S.R. *Seksologiya* [Sexology]. Moscow: PER SE Publ., 2002. 879 p.
19. Vasil'chenko G.S., Valiullin R.N. [About some nuances of providing medical care for male homosexuality]. *Aktual'nye problemy seksologii i me-ditsinskoj psikhologii: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Topical problems of Sexology and Medical Psychology: Proc. of the scientific-practical conference]. Kharkov, 2002, pp. 47-48. (In Russian).
20. Svyadoshch A.M. *Zhenskaya seksopatologiya* [Female sexopathology]. Moscow: Meditsina Publ., 1988. 176 p.
21. Libikh S.S. (ed.) *Rukovodstvo po seksologii* [A Guide on Sexology]. St.Petersburg; Kharkov; Minsk: Piter Publ., 2001, pp. 26-41.
22. Tkachenko A.A. *Anomal'noe seksual'noe povedenie* [Abnormal sexual behavior]. Moscow: The State Scientific Centre of Social and Judicial Psychiatry Publ., 1997. 426 p.
23. Goland Ya.G. *O stupenchatom postroenii psikhoterapii pri muzhskom gomoseksualizme* [On stepwise construction of psychotherapy for male homosexuality]. In: Portnov A.A. (ed.) *Problemy sovremennoy seksopatologii* [Problems of modern sexopathology]. Moscow: Moscow Scientific Research Centre of Psychiatry Publ., 1972. S. 473-486.
24. Savenko Yu.S. O predmete psikhiatrii // *Nezavisimyy psikhiatricheskij zhurnal*. 02.2003. URL: <http://www.npar.ru/journal/2003/2/subject.php> (data obrashcheniya: 30.06.20014).
25. Savenko Yu.S. Perebolet' Fuko [To suffer from Foucault]. *Zhurnal'nyy zal*, 2001. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/savenko.html>.
26. Krasnov V.N., Gurovich I.Ya. *Modeli diagnostiki i lecheniya psikhicheskikh i povedencheskikh rasstroystv* [Models of diagnosis and treatment of mental and behavioral disorders]. Moscow: Moscow Research Institute of Psychiatry Publ., 1999. 224 p.
27. Order of the Ministry of Health of Russia from 6th August 1999 N 311 "On approval of the clinical guide "Models of diagnosis and treatment of mental and behavioral disorders". Available at: <http://dionis.sura.com.ru/db00434.htm>. (Accessed: 30th April 2014). (In Russian).
28. Glinskiy Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh "otkloneniy"* [Deviantology: sociology of crime, drug abuse, prostitution, suicide and other "deviations"]. St.Petereburg: Yurid. Tsentr Press Publ., 2004, p. 315.
29. Janus S.S., Janus C.L. *The Janus report on sexual behavior*. New-York; Chichester; Brisbane; Toronto; Singapore: John Wiley & Sons, Inc., 1993. 430 p.
30. Zdravomyslov V.I., Anisimova Z.E., Libikh S.S. *Funktsional'naya zhenskaya seksopatologiya* [Functional female sexopathology]. Alma-Ata, 1985. 272 p.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.В. Муконина

АНО ВПО «Московский гуманитарный университет» (Москва, Россия)

Аннотация. Представлен аналитический обзор исследований проблемы ответственности и ключевых идей психологической теории отношений, на основе их интеграции предложен подход к исследованию профессионально ответственного отношения в разных организационно-экономических условиях (материальных и социально ориентированных), освещаются его методика и результаты. Показано, что профессионально ответственное отношение имеет уровневое строение, выделены базовый, средний и высокий уровни развития отношения; в его структуре представлены когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Выявлены четыре типа профессионально ответственного отношения работников: «формальное», «пассивно-исполнительское», «активно-положительное» и «неполноценное»; исследованы индивидуально-психологические особенности, характеристики профессионально ответственного поведения и успешность деятельности представителей указанных типов; показана специфика распределения типов профессионально ответственного отношения в разных организационно-экономических условиях, которая зависит от личной значимости их параметров для работающих.

Ключевые слова: ответственность личности; профессионально ответственное отношение; структура, уровни развития и типы профессионально ответственного отношения; организационно-экономические условия; индивидуально-психологические особенности; характеристики профессионального поведения; успешность деятельности.

Проблема ответственности относится к междисциплинарным. Как нравственно-этическая характеристика субъекта она представлена в работах К.А. Абульхановой-Славской [1. С. 28]. М.И. Бобнева ответственность рассматривает в качестве детерминанты общественно-нормативного поведения [2. С. 75]. В роли внутреннего регулятора совместной деятельности в коллективе ответственность освещается в исследованиях А.В. Петровского [3. С. 38]. В.П. Позняковым, Е.А. Груздевой введено понятие ответственного отношения как комплекса эмоционально окрашенных представлений и оценок, характеризующихся разной степенью готовности и выражающих позицию личности относительно ответственности за качественные характеристики делового взаимодействия [4. С. 228]. Л.И. Диментий конкретизирует параметры ответственности: временное обеспечение деятельности; ка-

чественное ее выполнение; способность предвидеть результаты собственных действий и поступков и др. [5. С. 42]. Согласно данному подходу показатели ответственности являются неоднородными. Одна их часть связана с конкретными условиями деятельности, другие же выражают качества личности. Мы бы хотели отметить, что ответственность может выступать как в качестве характеристики личности, так и являться способом деятельности, который реализуется при возникновении определенных условий. Следовательно, для понимания механизма ответственности необходим анализ факторов, способствующих ее проявлению. В работах В.П. Прядеина реализована попытка определения структуры ответственности, которая видится автору функциональным единством мотивационных, эмоциональных, когнитивных, динамических, регуляторных и результативных составляющих; подчеркивается необходимость дифференциации понятий «ответственного отношения» как ситуативной характеристики и «ответственности» как устойчивого, системного качества личности [6. С. 115].

Вопросы профессиональной ответственности поднимались в исследовании В.А. Бодрова и А.Г. Луценко, в ее структуре выявлены характеристики, отражающие отношение личности к труду, коллективу и самой себе [7. С. 158]. Изучению ответственности в трудовой деятельности как особой формы контроля поведения и успешности работника на производстве посвящены исследования К. Муздыбаева. Ответственность, по мнению этого автора, связана с исполнением специалистом своих ролевых обязанностей [8. С. 62].

Подводя краткий итог сравнения существующих подходов к проблеме ответственности в целом и профессиональной в том числе, видим, что в этих подходах отражено различное понимание ее психологической сущности. При этом подчеркивается важная роль отношения личности, в котором проявляется ее ответственность. Перспективной видится последующая разработка проблемы профессиональной ответственности в контексте психологической теории отношений, традиция исследования которых начата в работах В.Н. Мясищева. На наш взгляд, именно основополагающие идеи этой теории способны помочь в изучении проблемы ответственности в условиях современных социально-экономических преобразований.

Значительное внимание в работах В.Н. Мясищева уделено анализу свойств и роли отношений в деятельности. Исследуя проблему отношения к труду, он выделяет в нем несколько ступеней (или уровней). На высшем из них труд порождает к себе идейное, принципиальное, сознательное отношение личности, ступенью ниже оно носит конкретно-личный, непосредственно эмоциональный характер, на нижнем уровне развития встречается утилитарно-эгоистическое, развлеченческое отношение [9. С. 23]. Обобщая эти рассуждения, можно резюмировать, что отношение к труду представляет собой определенную

иерархическую структуру. Следующий важный тезис В.Н. Мясищева о том, что моральное развитие личности и ее отношений (что, по мнению автора, неразрывно) тесно связано с условиями среды. Иллюстрациями такой связи выступают результаты исследования влияния социальных факторов на формирование отношений. Показано, что в культурно отсталой обывательской семье принципиальное, сознательное отношение будет недоразвитым, тогда как только в условиях свободного взаимодействия могут проявляться истинные отношения личности [9. С. 49]. На основе этих замечаний автора можно заключить, что характер складывающихся отношений во многом зависит от средовых факторов. Под руководством В.Н. Мясищева проводилась разработка проблемы усилий в освоении учебной деятельности как особого вида отношений. Здесь он косвенным образом касается проблемы ответственного (в его терминологии активно-положительного) отношения к труду. Результаты его работ показывают, что усилия, прилагаемые учеником, вытекают из ответственного отношения, которое формируется под влиянием внешних требований со стороны родителей и учителей, результатов сопоставления своих действий и поступков с эталонами и оценками окружающих [9. С. 83]. Таким образом, В.Н. Мясищев указывает на необходимость учета внешних средовых и социально-психологических факторов при формировании ответственного отношения к труду.

В исследованиях А.А. Бодалева, А.Ф. Эсаулова, А.С. Егорова, К.Н. Смирнова, на которые ссылается В.Н. Мясищев, выявлена связь ответственного отношения к учебе со степенью осознания учащимися своих обязанностей и действенным овладением осознанными задачами [9. С. 51]. Соответственно, авторы указывают на когнитивную и поведенческую составляющие психологического отношения. На наш взгляд, это подтверждает необходимость изучения ответственности как особого рода отношения, в структуре которого присутствуют когнитивный (гностический, информационный), аффективный (эмоционально-оценочный) и поведенческий (конативный) компоненты. Таким образом, объединив взгляды на проблему ответственности с ключевыми идеями психологической теории отношений, авторы разработали концептуальный подход и провели эмпирическое исследование профессионально ответственного отношения работников опасного производства в разных организационно-экономических условиях [10. С. 13]. Реализованный подход позволил нам оценить регулирующее воздействие современных организационно-экономических условий на ответственное отношение к профессиональной деятельности. Их влияние только усиливается в условиях возникновения новых форм хозяйствования и социально-экономических преобразований, на что указывают работы А.Л. Журавлева, В.П. Познякава [11. С. 82].

Центральным понятием предлагаемого **подхода** является профессионально ответственное отношение – в разной степени осознаваемое, эмоционально-оценочное (различной модальности) и характеризующееся разной степенью поведенческой готовности отношение личности к выполнению своих профессиональных обязанностей [10. С. 36]. Структура профессионально ответственного отношения (далее – ПОО) включает: когнитивный, аффективный (эмоциональный) и поведенческий (конативный) компоненты. *Когнитивный компонент* характеризуется различной степенью осознания и понимания личностью содержания своих профессиональных обязанностей. *Аффективный* компонент обозначает модальность (знак) их оценки (позитивная, негативная или нейтральная). *Конативный* компонент выражает степень готовности (сформированности) умений и навыков, необходимых для выполнения профессиональных обязанностей. В соответствии с предлагаемой моделью профессионально ответственное отношение имеет уровневое строение. Степень развития его компонентов может быть высокой, средней или низкой, тем самым отражая его уровень: *базовый* (минимальный), *средний* и *высокий* (максимальный).

На *базовом уровне профессионально ответственное отношение* характеризуется низкой степенью развития всех его компонентов.

Когнитивный компонент: личность лишь на формальном уровне осознает необходимость действовать в соответствии с должностными инструкциями, с которыми знакома из нормативных документов; регламентирующие правила воспринимаются ею как приемлемые способы выполнения деятельности, не рассматриваются как принудительные; способ выполнения деятельности как осознанный свободный выбор воспринимается слабо.

Аффективный компонент: личность нейтрально оценивает необходимость действовать в соответствии с должностными инструкциями (по установленным правилам); негативно оценивает производственные ситуации, поведение в которых четко не регламентировано нормативными документами; скорее негативно оценивает необходимость проявления сверхнормативной активности, а также внесения изменений в устоявшиеся алгоритмы деятельности.

Конативный компонент: выработан и готов к реализации алгоритм выполнения основных профессиональных обязанностей в обычных условиях; образцы поведения без изменений воспроизводятся в течение длительного периода как единые (неразложимые) комплексы; слабо сформирована готовность к реализации обязанностей в экстремальных условиях деятельности и в ситуации неопределенности; недостаточно выражена готовность к проявлению инициативы, самостоятельности и самоотверженности.

Профессионально ответственное отношение среднего уровня характеризуется средней степенью развития его компонентов.

Когнитивный компонент: добросовестное отношение к выполнению профессиональных обязанностей рассматривается как фактор, обеспечивающий личную стабильность, материальное благополучие и удовлетворенность трудом; четко осознаются последствия безответственных поступков; присутствует осознание производственных ситуаций как имеющих несколько способов решения, предоставляющих возможности для самореализации.

Аффективный компонент: позитивная эмоциональная оценка полезности, личной выгоды от результатов добросовестного выполнения обязанностей; позитивное отношение к необходимости выполнять профессиональные обязанности как долг (обязательство) перед другими членами коллектива; присутствует негативная эмоциональная оценка безответственных поступков.

Конативный компонент: сформирована готовность к выполнению профессиональных обязанностей различными способами, в соответствии с нормативными документами; сформирована готовность к действиям по предупреждению дисциплинарных и технологических нарушений; имеется ориентация на поиск новых, адекватных ситуации способов решения профессиональных задач.

Профессионально ответственное отношение высокого уровня характеризуется высокой степенью развития его компонентов.

Когнитивный компонент: присутствует добровольное, осознанное принятие личностью ответственности как необходимости; добросовестное отношение к работе выступает в виде «нравственного приоритета»; есть глубокое понимание зависимости общих результатов деятельности от собственных усилий личности, а не от внешних обстоятельств; осознается необходимость творческого подхода, проявления инициативы и старательности как необходимых условий для полноценной самореализации.

Аффективный компонент: имеется позитивная эмоциональная оценка необходимости добросовестного отношения к работе, оказания помощи другим членам коллектива; проявляется переживание за процесс и совместный результат деятельности; присутствует позитивная оценка необходимости выполнения работы большего объема и высокой интенсивности, чем это предписано в нормативных документах.

Конативный компонент: сформирована устойчивая готовность в полном объеме выполнять профессиональные обязанности в обычных и экстремальных условиях; присутствует готовность к сверхнормативной активности в целях повышения эффективности труда; имеется готовность к использованию различных способов выполнения деятельности; присутствует настрой на оказание помощи, проявление инициативы и творчества в работе; выражена ориентация на обучение и профессиональную самореализацию.

Предложенная теоретическая модель использована для построения *типологии профессионально ответственного отношения*, в ее основе две составляющие: уровень выраженности (высокий, средний и базовый) компонентов ПОО и степень их согласованности – гармоничности – в отдельно взятом типе. Выделено две степени согласованности между компонентами отношения: относительно высокая (далее – высокая) и относительно низкая (далее – низкая). *Высокая согласованность* придает сбалансированность, устойчивость и цельность соответствующему типу отношения личности. Она наблюдается, во-первых, при одновременной представленности всех трех компонентов ПОО на одном уровне; во-вторых, когда два компонента находятся на одном уровне, а третий – на смежном (на один уровень выше или ниже остальных). *Низкая согласованность* характеризует дисгармоничность, неполноценность и узость отношения. О ней можно говорить в двух случаях, во-первых, если один компонент ПОО представлен на высоком, второй – на среднем и третий – на низком уровнях; во-вторых, когда два компонента ПОО находятся на одном (высоком или низком) уровне, а третий – на полярном, соответственно, низком или высоком уровне.

На основе сочетания уровня выраженности и степени согласованности компонентов ПОО нами выделено *четыре типа профессионально ответственного отношения*.

1. *Формальное* отношение характеризуется низкой степенью развития компонентов ПОО (при их согласованности), представлено поверхностным, неглубоким пониманием личностью содержания профессиональных обязанностей, не более чем формальным соблюдением требований должностных инструкций и правил поведения, нейтральной оценкой необходимости действовать в соответствии с нормативами, сформированным шаблонным репертуаром действий, пригодных для реализации в обычных условиях деятельности.

2. *Пассивно-исполнительское* отношение характеризуется средней степенью развития компонентов ПОО и их согласованностью, определяется тем, что личность осознает целесообразность, полезность добросовестного отношения к профессиональным обязанностям, в целом их позитивно оценивает, готова выполнить привычный круг обязанностей и лишь при необходимости, получив прямое распоряжение руководства или дополнительное стимулирование, способна реализовать их более широкий круг.

3. *Активно-положительное* отношение отличается высокой степенью развития компонентов ПОО, их согласованностью, представлено зрелым, добровольным, самостоятельным принятием ответственности как осознанной необходимости, позитивным настроением по отношению к возможным трудностям, а также готовностью к выполнению деятельности не только в обычных, но и в экстремальных условиях.

4. *Неполноценное* отношение. В отличие от трех приведенных выше типов характеризуется несогласованностью (дисгармоничностью) его компонентов, что создает предпосылки для неполновесной реализации подобного отношения.

Для проверки предложенной модели и типологии было проведено эмпирическое исследование. Его основная **цель** заключалась в выявлении различных типов профессионально ответственного отношения работников, осуществляющих деятельность в разных организационно-экономических условиях опасного производства, определении роли этих условий как регуляторов профессионально ответственного отношения. Кроме того, ставились **задачи** изучения индивидуально-психологических особенностей, характеристик профессионального поведения и успешности деятельности работников с разными типами ответственного отношения. Согласно выдвинутой нами **гипотезе** в разных организационно-экономических условиях представленность типов профессионально ответственного отношения может быть различна, что определяется степенью субъективной значимости для работающих параметров этих условий.

Для проверки этого предположения был проведен теоретический анализ проблемы организационно-экономических условий деятельности и их связи с психологическими переменными. Так, в совместном исследовании Е.Б. Филинковой, В.П. Познякова установлено, что организационные и экономические факторы, среди которых – особенности структуры организации, методы стимулирования, содержание труда, заработная плата, также объективные результаты труда, стаж работы, деловые взаимоотношения с коллегами по работе и руководством, оказывают влияние на психологическое отношение к деятельности [12. С. 145]. В работе Ю.В. Синягина говорится о том, что производственно-технические изменения, смена руководства, рост организации, инновации в ее структуру представлены в установочных компонентах социальных представлений работающих, на субъективном уровне отражают векторы организационных изменений [13. С. 139]. В.А. Ядов при исследовании хозяйственных отношений, охватывающих различные сферы труда и управления, товарно-денежного обмена, распределения и потребления, констатирует, что они существуют, не только объективно, но и имеют для субъекта психологический смысл [14. С. 107]. Проблема организационно-экономических условий освещается С. Дипом в рамках исследования межличностных отношений и их роли в управлении. В числе факторов, оказывающих влияние на отношение сотрудников к выполняемой работе, выделены: отношения с непосредственным начальником; с коллегами по работе; сам характер выполняемой работы; традиции служебных отношений в данной организации; условия комфорта труда; степень уверенности в своем будущем [15. С. 87].

Резюмируя, следует отметить, что обзор исследований, где поднимается вопрос о значении организационно-экономических условий и факторов, показывает их узко прикладную направленность и частный характер полученных результатов, что открывает перспективу для их дальнейших разработок.

Методы исследования. Ввиду отсутствия специальных исследований профессионально ответственного отношения в разных организационно-экономических условиях нами был разработан соответствующий методический инструментарий. Он включил в себя три анкеты. Первая предназначена для определения уровня развития профессионально ответственного отношения, вторая – для изучения субъективной значимости параметров организационно-экономических условий, третья выступала в качестве инструмента экспертной оценки профессионального поведения работников.

В основу первой анкеты положен метод разрешения проблемных ситуаций. Она содержит 7 моделей реальных проблемных производственных ситуаций, они были выделены по результатам теоретического анализа и экспертного опроса. Каждый ответ имеет свое отражение в структуре компонентов профессионально ответственного отношения. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: *«Как в этой ситуации поступили бы лично Вы?»*. Причем оценку каждой ситуации следовало давать с трех точек зрения: а) *«Что Вы подумаете, оказавшись в этой ситуации?»*; б) *«Какие эмоциональные переживания у Вас помогут возникнуть в связи с этой ситуацией?»*; в) *«Какие действия Вы были бы готовы предпринять в подобной ситуации?»*. Каждому ответу присваивался вес на основании теоретических представлений о минимальной и максимальной выраженности изучаемого свойства. При анализе результатов оценивались суммарный показатель отношения и уровень выраженности каждого компонента в отдельности.

Вторая анкета состоит из 25 пунктов, отражающих различные аспекты организационно-экономических условий деятельности, в частности, формы оплаты труда, способы ее дополнительного стимулирования, методы контроля трудовой и технологической дисциплины, особенности внутригрупповых межличностных отношений и др. Параметры были получены на предварительном этапе психологического анализа деятельности работников. Отвечая на вопросы, респонденты должны при помощи 5-балльной шкалы оценить степень их значимости лично для себя. Полученные данные обрабатывались при помощи факторного анализа.

При создании анкеты для экспертной оценки профессионального поведения работников мы использовали его индикаторы, выделенные в качестве значимых руководителями цехов предприятия, а также взятые из должностных инструкций. В итоге анкета, состоящая из 27 пунктов, предъявлялась экспертам (начальникам цехов), которые должны были

оценить каждого работающего, используя 5-балльную шкалу. Последний вопрос анкеты касался общей оценки успешности деятельности работника. В процессе обработки данных подсчитывались парциальные и интегральная оценки. Далее результаты обрабатывались при помощи факторного и дисперсионного анализов.

Оценка индивидуально-психологических качеств работников осуществлялась при помощи методики Big 5.

Исследование проводилось на базе химического предприятия по производству конструкционных полимеров ЗАО «Вторпласт» (г. Москва). В нем приняли участие 105 работников, занимающих должности аппаратчиков опытного производства, мужского пола в возрасте от 23 до 41 года, со стажем работы от 3 до 7 лет. Из общей выборки 50 человек являлись работниками первого цеха предприятия, 55 человек – второго. Отличие между ними состоит в том, что профессиональная деятельность, одинаковая по своему предмету и содержанию, осуществляется работниками в разных организационно-экономических условиях (далее – ОЭУ). Эти условия отражают разные формы хозяйствования на предприятии, особые системы организации и стимулирования труда. Проведенный нами теоретический анализ показал, что ОЭУ в двух цехах предприятия различаются по подходам к оплате труда и способам его дополнительного стимулирования, методам контроля производственной деятельности и трудовой дисциплины, по санкциям за нарушения в работе, а также по общей интенсивности труда и характеристикам внутригрупповых межличностных отношений.

Организационно-экономические условия, представленные в первом цехе предприятия, были названы *материальными*. Они характеризуются сдельной оплатой труда при негарантированной трудовой занятости; материальным стимулированием в виде денежных выплат за сверхурочную работу; жестким (регулярным) контролем трудовой и технологической дисциплины; высокой интенсивностью труда и преимущественно формально-деловым характером взаимоотношений в коллективе.

Организационно-экономические условия во втором цехе получили название *социально-ориентированные*. Здесь работникам предоставляются социальные льготы (в том числе ранний выход на пенсию) при установленной (в соответствии с должностным окладом) ставке заработной платы, имеются определенные гарантии трудовой занятости (при обеспечении среднего уровня заработной платы), но отсутствуют дополнительные возможности материального стимулирования, осуществляется периодический контроль трудовой и технологической дисциплины, интенсивность труда средняя, психологическая атмосфера в коллективе комфортная.

Результаты исследования и их анализ. Реализуя поставленную в исследовании задачу проверки предложенной теоретической модели,

первичные данные, полученные при помощи анкеты для оценки профессионально ответственного отношения, были подвергнуты стандартизации. По полученным значениям Z-оценок выделены три уровня ПОО согласно нашей модели: базовый ($Z_i < -1$), средний ($-1 \leq Z_i \leq 1$) и высокий ($Z_i > 1$).

Используя в качестве основы построения типов уровень развития компонентов ПОО и степень их согласованности, нами эмпирически выделено четыре типа профессионально ответственного отношения: формальное, пассивно-исполнительское, активно-положительное и неполноценное. Для каждого рассчитывались средние значения и стандартные отклонения ПОО (табл. 1). Распределение типов ПОО в выборке показано в табл. 2.

Т а б л и ц а 1

Средние значения и стандартные отклонения показателей ПОО

Значение ПОО	Типы отношения			
	Формальное	Пассивно-исполнительское	Активно-положительное	Неполноценное
Среднее значение	2,87	3,65	4,10	3,58
Стандартное отклонение	1,10	0,94	0,90	1,22

Т а б л и ц а 2

Распределение типов ПОО в общей выборке, %

Типы отношения			
Формальное	Пассивно-исполнительское	Активно-положительное	Неполноценное
21,7	29,2	29,0	20,1

Из табл. 1 следует, что максимальные значения ПОО характерны для активно-положительного типа отношения. Его представителей отличает глубокое понимание того, что от их собственных действий и настроения зависит успех деятельности; готовность в ситуации обнаружения неисправностей оборудования своевременно направить свои силы на их ликвидацию, работать сверхурочно. Работникам свойственны переживания за результат труда и других работников; желание продуктивно использовать рабочее время, избегать опозданий и несанкционированных «перекуров».

Тип отношения, названный пассивно-исполнительским, обнаружил менее высокую, по сравнению с предыдущим, оценку ПОО. Следовательно, работники, у которых оно представлено, отличаются пониманием необходимости выполнять свои обязанности в соответствии с должностными требованиями, нейтральной оценкой деятельности, менее выраженной готовностью к проявлению инициативы и самосто-

тельности, преобладающей ориентацией на указания и контроль руководителя при разрешении проблемных производственных ситуаций.

Работники с формальным типом отношения, получившим наиболее низкие оценки ПОО, отличаются нежеланием направлять свои усилия на ликвидацию неисправностей, равнодушием, слабо выраженной готовностью самостоятельно сократить простои в работе; невмешательством либо отстраненностью при нарушении другими работниками правил трудовой дисциплины; недостаточным пониманием того, что рабочее время необходимо использовать по назначению.

Заслуживает внимания тип отношения, названный неполноценным. Он имеет достаточно высокую оценку ПОО в сочетании с наибольшим значением стандартного отклонения, что говорит о его внутренней неоднородности. К нему принадлежат работники, у которых либо преобладает один из компонентов ПОО, он же является ведущим, а остальные развиты слабо, либо два компонента развиты высоко, а третий – низко, или же все три компонента ПОО имеют различную степень развития. Подобное отношение хотя и не обнаруживает внутренней целостности, все же достаточно продуктивно.

Из табл. 2 видно процентное распределение типов ПОО в общей выборке. Так, среди наших респондентов преобладают работники с пассивно-исполнительским и активно-положительным отношением к профессиональным обязанностям – 29,2 и 29,0% соответственно, в сумме они составляют 58,2%. Меньше работников с формальным и неполноценным типами отношения, их доля 41,8% (21,7 и 20,1% соответственно). Подобное распределение типов ПОО подтверждает правомерность разработанной нами модели.

В процессе изучения индивидуально-психологических особенностей работников между разными типами были выявлены статистические различия. Их значимость оценивалась с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Критерием достоверности различий было выбрано значение $p < 0,05$.

Из табл. 3 следует, что работники с разными типами профессионально ответственного отношения имеют ряд индивидуально-психологических особенностей. Те из них, кто проявляет в работе пассивно-исполнительский и активно-положительный типы отношения, отличаются более высокой добросовестностью, дружелюбием и экстраверсией. Работники с формальным и неполноценным типами отношения, напротив, обладают повышенной общительностью, дружелюбием, у них отмечены признаки некоторого снижения эмоциональной устойчивости. Соответственно, полученные данные указывают на связь индивидуально-психологических факторов и профессионально ответственного отношения.

Индивидуально-психологические особенности работников с разными типами ПОО

Типы профессионально ответственного отношения	Средние значения показателей индивидуально-психологических особенностей				
	Нейротизм	Экстраверсия	Открытость опыту	Дружелюбие	Добросовестность
Формальное	31,9*	41,3	37,2	42,8	42,8*
Пассивно-исполнительское	24,7	42,6*	35,6*	44,1*	44,4
Активно-положительное	22,0*	38,4*	39,8*	42,9	46,9*
Неполноценное	32,9	39,4	38,4	39,1*	42,9

Примечание. Звездочкой отмечены значимые различия в средних значениях.

Поиск ответов на вопросы о том, как реализуется профессионально ответственное отношение в поведении работников, каким образом сказывается на успешности деятельности в целом, потребовал продолжить исследование. С целью определения ведущих критериев профессионального поведения работников нами был использован метод факторного анализа, которому подверглись данные анкетирования. В результате получено 4-факторное решение, описывающее 70% случаев (табл. 4).

Факторная структура профессионального поведения работников

Значимые переменные, вошедшие в факторное решение	Факторы			
	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4
При получении задания уточняет детали	0,26	0,16	0,95*	-0,03
Выполняет работу в срок	0,74*	0,07	0,43	-0,10
Выполняет работу в соответствии с требованиями инструкции	0,78*	0,16	0,05	-0,02
Если не понял задания, не стесняется в этом признаться	0,26	0,40	0,95*	0,06
Если допустил ошибку, своевременно сообщает об этом руководителю	-0,01	0,81*	0,19	0,03
При неполадках оборудования предлагает свой выход	0,11	0,82*	0,39	0,20
В случае необходимости согласен на сверхурочную работу	0,15	0,85*	-0,11	0,31
Допускает прогулы	-0,49	-0,25	0,07	-0,91*
Устраивает незапланированные «перекуры»	-0,89*	0,64	-0,87*	0,33
Отказывается от физической работы	-0,83*	0,13	0,38	0,15
Выполняет работу до конца	0,65	0,81*	0,12	0,37
При получении задания сосредоточен и внимателен	0,65	0,54	0,23	0,85*
Работник надежный, на него можно положиться	0,72*	0,24	0,10	0,36
В рабочее время отвлекается на посторонние дела	-0,79*	0,08	0,09	0,17

Примечание. Звездочкой отмечены значимые переменные, вошедшие в фактор.

Названия факторов были выбраны на основе интеграции показателей, вошедших в них со значимыми весами (см. табл. 4). Первый фактор был интерпретирован как «соблюдение административного регламента», второй – «трудовая инициатива», третий фактор получил название «направленность на повышение качества труда», четвертый – «саморегуляция профессионального поведения».

На основе сведений об успешности труда (были получены достоверные сведения о 55 респондентах) работники были распределены по трем группам. В первую вошли 12 человек, которые «отвечают профессиональным требованиям с отличием», во вторую – 14 работников, кто, по мнению экспертов, «в целом соответствует предъявляемым требованиям». Третью группу составили 29 человек, которые «соответствуют требованиям работы с оценкой “удовлетворительно”». Затем при помощи однофакторного дисперсионного анализа изучались межгрупповые различия по каждому из трех компонентов отношения и по ведущим критериям профессионального поведения.

В результате было установлено, что работники трех выделенных групп успешности имеют различия в своем отношении к профессиональным обязанностям. Так, у «наиболее успешных» на первый план выходит поведенческий компонент ответственного отношения, отражающий готовность к действиям, сформированность соответствующих трудовых навыков. У «успешных» над остальными преобладает когнитивный компонент отношения, характеризующий информированность работников в отношении их обязанностей. «Менее успешным» свойственны более низкие показатели одновременно по всем трем компонентам отношения.

Что касается специфики профессионального поведения работников выделенных групп, то у «наиболее успешных» на первом месте выделен показатель «соблюдение административного регламента», затем следуют (в порядке убывания): «саморегуляция профессионального поведения», «направленность на повышение качества труда» и «трудовая инициатива». Профессиональное поведение «успешных» работников характеризуется более высокими значениями показателей «саморегуляции профессионального поведения» и «трудовой инициативы», менее выраженными факторами «соблюдение административного регламента» и «направленность на повышение качества труда». Профессиональное поведение «менее успешных» отличается от остальных более низкой выраженностью значений всех показателей профессионального поведения.

Обобщив эти результаты, можно отметить, что профессиональной успешности работников одновременно содействуют зрелое, положительное и готовое к практической реализации профессионально ответственное отношение, а также устойчивые навыки профессионального поведения, включающие строгое соблюдение административного

регламента, направленность на повышение качества труда, инициативность и саморегуляцию.

Определение роли организационно-экономических условий в реализации профессионально ответственного отношения, кроме теоретического анализа, требовало выяснения того, насколько существенно их значение для работающих. Поиск ответа обозначил необходимость определения различий между работниками двух цехов по значимости для них параметров организационно-экономических условий, в которых они работают. С этой целью данные анкетирования подверглись сравнительному анализу с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Средние значения показателей значимости организационно-экономических условий в двух группах работников

Показатели ОЭУ	Социально ориентированные	Материальные
Коллективная ответственность за работу	2,94	3,20*
Жесткие санкции за невыполнение требований трудовой и технологической дисциплины (материальное взыскание, угроза увольнения с работы)	2,97	3,88*
Мягкий контроль трудовой и технологической дисциплины (эпизодический, «время от времени»)	3,06	2,96
Жесткий контроль трудовой и технологической дисциплины (постоянный)	3,09	3,78*
Моральное стимулирование за внеплановую и сверхурочную работу (объявление благодарности, награда почетными грамотами)	3,13	3,15
Требование выполнять не только свою работу (по инструкции), но и работу другого	3,18	3,63*
Мягкие санкции за невыполнение требований трудовой и технологической дисциплины (выговор, отказ в предоставлении отгулов)	3,25	3,87*
Напряженность труда (интенсивность)	3,29	3,72*
Персональная ответственность за конкретный участок работы	3,44	3,76*
Самостоятельное устранение технологических неполадок с целью сокращения простоя оборудования	3,47	3,87*
Вознаграждение за труд в форме социальных гарантий (льгот)	3,55*	3,09
Материальная (денежная) форма вознаграждения за труд	3,65	4,07*
Материальное стимулирование за внеплановую и сверхурочную работу	3,87	4,30*
Параметры внутригрупповых межличностных отношений (сработанность, совместимость, сплоченность)	3,95*	3,58

Примечание. Звездочкой выделены различия на уровне значимости $p < 0,05$.

Из данных табл. 5 можно увидеть, что в «материальных» организационно-экономических условиях наиболее значимым для работников является материальное стимулирование, начисление заработной платы по результату индивидуального труда, наличие действующей системы жестких материальных санкций за нарушения трудовой и технологической дисциплины.

В «социально ориентированных» условиях, напротив, наиболее важным является предоставление работающим социальных гарантий (льгот), комфортность рабочей обстановки за счет отсутствия жестких санкций за дисциплинарные проступки, умеренная интенсивность труда, благоприятные межличностные отношения.

Таким образом, объективно наблюдаемые различия организационно-экономических условий двух цехов предприятия адекватным образом отражаются на субъективном уровне, представлены в восприятии и оценках работников.

В процессе изучения организационно-экономических условий как фактора реализации профессионально ответственного отношения нам было важно выяснить, есть ли специфика отношения работников к своим обязанностям в зависимости от указанных условий? Был проведен анализ распределений типов ПОО в разных организационно-экономических условиях. Результаты сравнения процентной выраженности по критерию χ^2 показаны в табл. 6.

Т а б л и ц а 6

Процентное распределение типов ПОО в разных ОЭУ

Организационно-экономические условия	Типы ПОО			
	Формальное	Пассивно-исполнительское	Активно-положительное	Неполноценное
«Социально ориентированные»	16,0	44,0*	18,0	22,0
«Материальные»	27,3	14,5	40,0*	18,2

Примечание. Звездочкой выделены достоверные различия в процентном распределении при $p < 0,02$.

В «материальных» организационно-экономических условиях больше всего проявляется «активно-положительное» отношение работников (40,0% выборки), затем следует «формальное» (27,3%), далее – «неполноценное» (18,2%) и «пассивно-исполнительское» (14,6%).

В «социально ориентированных» условиях чаще всего встречается «пассивно-исполнительское» отношение (44,0% выборки), затем «неполноценное» (22,0%), «активно-положительное» и «формальное» (18,0 и 16,0% соответственно).

Из полученных результатов видно, что в «материальных» организационно-экономических условиях преобладают работники с «активно-положительным» типом профессионально ответственного отноше-

ния, тогда как в «социально ориентированных» условиях работающими в большинстве своем реализуется «пассивно-исполнительское» отношение. Данный факт мы объясняем разным значением для работников параметров организационно-экономических условий, которые выступают регуляторами их отношения к профессиональным обязанностям.

Таким образом, на фоне благоприятствующих успешной деятельности индивидуально-психологических особенностей (добросовестность и дружелюбие) проявлению подлинно ответственного отношения к деятельности способствуют значимые для работников организационно-экономические условия труда, причем большим регулирующим воздействием обладают те, которые сочетают в себе материальные методы стимулирования со строгим контролем дисциплины.

Выводы:

1. В результате проведенного исследования получило развитие понятие профессионально ответственного отношения как уровневого явления, имеющее трехкомпонентную структуру, включающую когнитивную, аффективную и поведенческую составляющие; разработан концептуальный подход к его изучению с позиций психологической теории отношений; построена типология профессионально ответственного отношения, в ее основе лежат два критерия: уровень выраженности и степень согласованности (гармоничности) компонентов психологического отношения.

2. Выделены четыре типа профессионально ответственного отношения: формальное, пассивно-исполнительское, активно-положительное и неполноценное. Их представители с разной мерой ответственности относятся к своим обязанностям, демонстрируют различные успешность труда и профессиональное поведение, обладают определенными индивидуально-психологическими особенностями.

3. Показана значительная роль организационно-экономических условий как фактора, влияющего на профессионально ответственное отношение. Сила воздействия этих условий на отношение работающих к своим обязанностям определяется субъективной значимостью их параметров.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А., Гордиенко Е.В. Представления личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 5. С. 38–47.
2. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М. : Наука, 1978. 310 с.
3. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
4. Позняков В.П., Груздева Е.А. Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 226–235.
5. Диментий Л.И. Типология ответственности и личностные условия ее реализации : дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.

6. *Прядеин В.П.* Ответственность как системное качество личности : учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Екатеринбург, 2001.
7. *Бодров В.А., Луценко А.Г.* Профессиональная ответственность как психологическая категория субъекта деятельности // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала. М. : Ин-т психологии АН СССР, 1991. С. 157–167.
8. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983.
9. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. Москва ; Воронеж, 1995. С. 153.
10. *Муконина М.В.* Типы профессионально ответственного отношения работников опасного производства в разных организационно-экономических условиях : дис. ... канд. психол. наук. М., 2002, 191 с.
11. *Журавлев А.Л.* Развитие концепции совместной деятельности в современной отечественной психологии // Совместная деятельность: методы исследования и управления. М., 1992.
12. *Филинкова Е.Б., Позняков В.П.* Программа исследования удовлетворенности предпринимательской деятельностью // Современные проблемы психологии управления. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 144–166.
13. *Синягин Ю.В.* Способ выявления оценочных суждений членов группы // Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 139–145.
14. *Ядов В.А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология. Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. С. 106–120.
15. *Дип С.* Межличностные отношения в управлении : реферативное изложение глав из книги. М., 1978. С. 84–93.

МУКОНИНА Марина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и этнической психологии АНО ВПО «Московский гуманитарный университет» (г. Москва).

E-mail: pallados@mail.ru

THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC REGULATORS OF THE PROFESSIONALLY RESPONSIBLE ATTITUDE: THE METHODOLOGY AND THE RESULTS OF THE STUDY

Mukonina Marina V. Moscow University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: pallados@mail.ru

Keywords: responsibility of the individual; professionally responsible attitude; structure, levels of development and types of professionally responsible attitude; organizational and economic conditions; individual psychological characteristics; characteristics of professional conduct; successful activity.

Abstract

The analytical review of the study directions of responsibility is presented, the key ideas of the psychological theory of relations are given. The approach to the study of professionally responsible attitude in different organizational and economic conditions, which is defined in varying degrees as realized, emotionally evaluative and characterized by varying degrees of behavioral readiness attitude of the person to performance of his professional duties; has the level structure (basic, medium, high levels), includes three components: cognitive, affective and behavioral. The typology of relations is developed. There was conducted the empirical study which aim was to identify different types of professionally responsible attitude of employees working in different organizational and economic hazardous conditions (material and socially-oriented). The objectives of the study are focused on

studying the individual psychological characteristics, characteristics of professional conduct and success of the activities of employees with different types of responsible attitude. The study identified four types of professionally responsible attitude: "formal", "passive-performing", "active-positive" and "defective", the specificity of their distribution in the sample is showed. During the study the individual psychological characteristics, it was found that the employees who realize the "passive-performing" and "active-positive" types of relationships are characterized with work ethics, friendliness and extraversion. Four generic groups of factors that characterize the professional conduct of employees are identified: "the compliance with the administrative rules", "labor initiative", "focus on improving of the work quality", "self-regulation of professional conduct". The expert assessment method provided data on the success of the activities of employees. Their analysis showed that the "most successful" ones are focused on the behavioral component of responsible attitude reflecting the willingness to actions, the maturity of the appropriate labor skills. The "successful" ones dominate over the rest in the cognitive component of attitude that characterizes the information awareness of employees in respect of their duties. "Less successful" ones are characterized by lower indicators of all the three components of the relationship. The specificity of the distribution of professionally responsible attitude in different organizational and economic conditions that depends on the personal significance of their parameters for the employees is showed. Thus, in the "material" organizational and economic conditions the employees with the "active-positive" type of professionally responsible attitude prevail, whereas in the "socially-oriented" operating conditions the "passive-performing" attitude is mainly implemented. This result showed that the combination of significant material rewards for employees with strict labor discipline, in general, contributes to their more responsible attitude to the responsibilities.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A., Gordienko E.V. Predstavleniya lichnosti ob otnoshenii k ney znachimyykh drugikh [Ideas of the individual of the attitudes to him/her of the significant others]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2001, vol. 22, no. 5, pp. 38-47.
2. Bobneva M.I. Sotsial'nye normy i regulyatsiya povedeniya [Social norms and behavior regulation]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 310 p.
3. Petrovskiy A.V. *Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv* [Personality. Activity. Collective]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., 1982. 253 p.
4. Poznyakov V.P., Gruzdeva E.A. The social and psychological factors of entrepreneurs' responsible attitude to other participants of business interaction. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 3, pp. 226-235. (In Russian).
5. Dimentiy L.A. *Tipologiya otvetstvennosti i lichnostnye usloviya ee realizatsii*: dis. kand. psikhol. nauk [Typology of personal responsibility and the conditions for its implementation. Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 1990.
6. Pryadein V.P. *Otvetstvennost' kak sistemnoe kachestvo lichnosti* [Responsibility as a systemic quality of the individual]. Ekaterinburg, 2001.
7. Bodrov V.A., Lutsenko A.G. *Professional'naya otvetstvennost' kak psikhologicheskaya kategoriya sub"ekta deyatel'nosti* [Professional responsibility as a psychological category of the actor]. In: Bodrov V.A. (ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya problemy formirovaniya lichnosti professionala* [Psychological studies of the problem of identity formation of a professional]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 1991, pp. 157-167.
8. Muzdybaev K. *Psikhologiya otvetstvennosti* [Psychology of responsibility]. Leningrad: Nauka Publ., 1983. 239 p.
9. Myasishchev V.N. *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of relations]. Moscow; Voronezh, 1995, p. 153.

10. Mukonina M.V. *Tipy professional'no otvetstvennogo otnosheniya rabotnikov opasnogo proizvodstva v raznykh organizatsionno-ekonomicheskikh usloviyakh*: dis. kand. psikhol. nauk [Types of professionally responsible attitude of employees of hazardous production in different organizational and economic conditions. Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 191 p.
11. Zhuravlev A.L. *Razvitie kontseptsii sovmestnoy deyatel'nosti v sovremennoy otechestvennoy psikhologii* [Development of the concept of joint activities in the modern national psychology]. In: *Sovmestnaya deyatel'nost': metody issledovaniya i upravleniya* [Joint activities: research methods and management]. Moscow, 1992.
12. Filinkova E.B., Poznyakov in V.P. *Programma issledovaniya udovletvorennosti predprinimatel'skoy deyatel'nost'yu* [Program for investigation of entrepreneurship satisfaction]. In: *Sovremennye problemy psikhologii upravleniya* [Modern problems of management psychology]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2002, pp. 144-166.
13. Sinyagin Yu.V. *Sposob vyyavleniya otsenochnykh suzhdeniy chlenov gruppy* [A method to detect the value of group members' judgments]. *Voprosy psikhologii*, 1985, no. 6, pp. 139-145.
14. Yadov V.A. *Dispozitsionnaya kontseptsiya lichnosti* [Dispositional conception of the personality]. In: *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1979, pp. 106-120.
15. Dip S. *Mezhlichnostnye otnosheniya v upravlenii* [Interpersonal relations in management]. Moscow, 1978, pp. 84-93.

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 53. 2014 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция «Сибирского психологического журнала».

Телефон редакции, факс (3822) 52-97-10.

Сайт: <http://journals.tsu.ru/psychology>

E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано к печати 22.09.2014 г. Формат 70×108/16.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 14,8. Тираж 250 экз. Заказ № 560.

Отпечатано на оборудовании

Издательского Дома

Томского государственного университета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Тел.: 8+(382-2)–53-15-28; 52-98-49

сайт: <http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru